ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

---

7 января.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1914

Свѣдѣнія о Теософическомъ Обществѣ.

Теософическое Общество было основано 17 Ноября 1875 г. въ Нью-Іоркѣ Еленой Петровной Блаватской и Генри Олькоттомъ. Въ 1876 г. центръ его былъ перенесенъ въ Индію, въ Мадрасъ, гдѣ Теософическимъ Обществомъ былъ пріобрѣтенъ домъ (въ Адіарѣ, предмѣстьѣ Мадраса), служащій съ тѣхъ поръ мѣстопребываніемъ Президента Общества. Въ немъ имѣется богатѣйшая библіотека, въ которой въ теченіе 30 лѣтъ собирались книги и рѣдкія рукописи по вопросамъ эзотеризма религій, по вопросамъ философіи и оккультныхъ наукъ.

Основатели Теософическаго Общества задались цѣлью сдѣлать доступной древнюю литературу, въ которой хранятся духовныя истины величайшей цѣнности для человѣчества. Общество основано въ духѣ широкой терпимости. Цѣли Общества выражаются въ трехъ параграфахъ его Устава:

1) Основать ядро международнаго братства безъ различія расы, вѣры, пола, касты и т. п.

2) Поощрять сравнительное изученіе религій, философій и наукъ.

3) Изслѣдовать необъясненные законы природы и скрытыя силы человѣка.

Члены Общества сохраняютъ полную свободу религіозныхъ убѣжденій и, вступая въ Общество, должны обѣщать такую же терпимость по отношенію ко всякому иному убѣжденію и вѣрованію. Общество образуется изъ ищущихъ истины, изъ людей, принадлежащихъ ко всѣмъ религіямъ или совсѣмъ не имѣющимъ религіи. Связь ихъ состоитъ не въ общихъ вѣрованіяхъ, а въ общемъ стремленіи къ Истинѣ. Терпимость вытекаетъ естественно изъ убѣжденія, что Теософія есть совокупность духовныхъ истинъ, которыя лежатъ въ основѣ всѣхъ религій, не будучи въ исключительномъ владѣніи ни одной. Она даетъ философію, освѣщающую смыслъ жизни и дающую познаніе законовъ психическихъ и духовныхъ. Она ставитъ смерть на свое истинное мѣсто, какъ одинъ изъ мимолетныхъ инцидентовъ безконечной жизни, раскрывая путь къ болѣе полному и свѣтлому существованію. Она возвращаетъ міру духовное вѣдѣніе, изучая человѣка какъ духовную сущность, а тѣло и умъ его—какъ орудія и слугъ этой сущности. Она раскрываетъ болѣе глубокое значеніе Св. Писаній и религіозныхъ ученій и, такимъ образомъ, оправдываетъ религію въ глазахъ разума съ такой же силой, съ какой всегда оправдываетъ ее интуиція.

7-й годъ изданія.

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

---

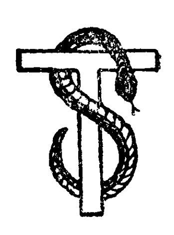
7 января.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

—

1914



Печ. разр. 7 ноября 1913 г. за С.-Петерб. Градон., Помощн. его, *камергеръ Лысогорскій.*

От Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи“.

По независящимъ отъ Редакціи обстоятельствамъ изданіе „Тайной Доктрины“ Е. П. Блаватской **откладывается**. Лица, подписавшіяся на „Тайную Доктрину“ и желающія немедленно получить подписныя деньги, благоволятъ сообщить Редакціи свои точные адреса.

Въ виду недостатка краткихъ популярныхъ руководствъ по основнымъ вопросамъ Теософіи, намѣченъ къ изданію рядъ брошюръ, излагающихъ въ сжатой, общедоступной формѣ основныя положенія Теософіи. Въ настоящее время вышли изъ печати пять первыхъ брошюръ: № 1. „Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ“ и № 2. „Законъ причинъ и послѣдствій“ (Карма). № 3. Перевоплощеніе. № 4. Сила мысли. Что такое Теософія? № 5. Законы высшей жизни.

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала, Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ, не позже перваго числа каждаго мѣсяца.**

Заявленія о неполученіи очередного № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

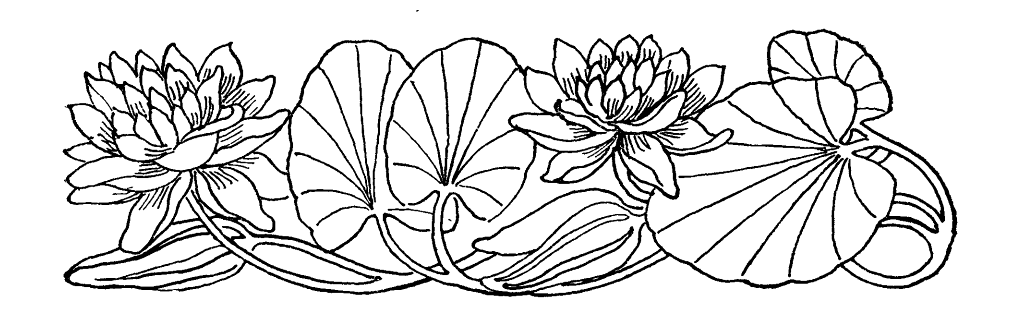
„Вѣстникъ Теософіи“ за 1909, 1910, 1911 и 1912 года имѣются для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна** съ пересылкой по **7** рублей за каждый годъ.

СОДЕРЖАНІЕ

январьской книжки „Вѣстника Теософіи“.

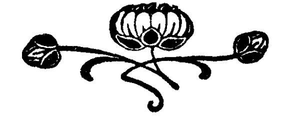
SOMMAIRE DU JANVIER

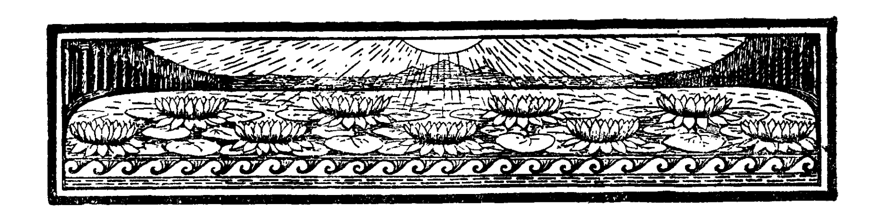
Памятникъ Джордано Бруно въ Римѣ.



Отъ Редакціи.

Вступая въ VII годъ своей жизни, Редакція „Вѣстника Теософіи“ поздравляетъ читателей и подписчиковъ съ Новымъ годомъ, шлетъ имъ свой сердечный привѣтъ и выражаетъ горячее пожеланіе, чтобы наступающій 1914 годъ укрѣпилъ окончательно дѣло Теософіи въ Россіи и далъ бы озарить своимъ благословеннымъ свѣтомъ всѣ сферы нашей жизни, всѣ самые отдаленные и скорбные уголки дорогой нашей родины.





Во Имя Его.

С. Джинараджадаза.

Посвящается Учителю К. Х. его любящимъ сыномъ.

Предисловіе.

В. Г. Мы видѣлись съ вами впродолженіе только одного часа, но я сразу почувствовалъ, что долженъ вамъ передать нѣчто. Въ чемъ состоитъ оно, вы узнаете изъ послѣдующихъ страницъ.

Вы подошли къ тому моменту, когда уже невозможно ограничиться одной лишь мірской жизнью, быть только отъ міра сего.

Вы уже составили себѣ прекрасное положеніе и, со временемъ, вамъ дано достигнуть успѣха и благосостоянія; но вы уже и теперь чувствуете, что не въ состояніи работать ради одного внѣшняго успѣха. Вы чувствуете, что необходимо быть идеалистомъ и въ своихъ занятіяхъ и оставаться вѣрнымъ своему идеалу, даже если бы это повлекло за собой страданіе и униженіе для васъ.

Въ наше время сотни людей въ томъ же положеніи, въ какомъ находитесь и вы, но вы отличаетесь отъ нихъ вѣрой въ то, что идеалъ, передъ которымъ вы преклоняетесь, не есть плодъ вашего воображенія, но — первый лучъ, исходящій отъ личности, которую вамъ такъ хотѣлось бы назвать Учителемъ.

Вы чувствуете, что если Учитель существуетъ въ дѣйствительности, и вамъ дано узнать Его, то вы всецѣло отдались бы Ему, не взирая ни на что. Далѣе вы знаете, что не можете искать Учителя въ монастырскомъ уединеніи, гдѣ бы вы могли, путемъ размышленія и созерцанія, войти въ общеніе съ Нимъ. Ибо вы еще не въ правѣ думать о своемъ личномъ благѣ, такъ какъ у васъ есть близкіе, которые нуждаются въ васъ и зависятъ отъ вашего труда. Но, несмотря на это обязательство, мечта ваша—служить Учителю, въ какой бы то ни было формѣ.

Въ виду того, что есть возможность служить Ему и въ ващихъ условіяхъ, я и пишу эти строки для васъ, а также для тѣхъ, кто начинаетъ прозрѣвать подобно вамъ и видѣть высшія человѣческія возможности.

Каждая душа имѣетъ дать нѣчто другой душѣ, и то, что я пишу теперь есть мой даръ вамъ, полученный, въ свою очередь, отъ другихъ.

Какъ братъ приношу вамъ то, что даровали мнѣ ранѣе старшіе братья.

С. Д.

Реальное и нереальное.

Желающій найти Учителя долженъ жить въ мірѣ, но быть не отъ міра сего.

Прежде всего, ему необходимо знать, что есть реальное и что—нереальное.

Вся вселенная, въ которой мы живемъ, есть одно великое проявленіе Логоса, и въ этомъ смыслѣ не существуетъ того, что можно назвать нереальнымъ. Тѣмъ не менѣе, способы проявленія Логоса видоизмѣняются, и мы, по мѣрѣ того какъ растемъ, переходимъ отъ одного способа проявленія къ другому. Мы переходимъ изъ одной фазы въ другую и въ тотъ моментъ, когда мы становимся способны жить и дѣйствовать на высшей ступени, реальнымъ для насъ становится высшее, и нереальнымъ то, что мы уже переросли.

Это особенно примѣнимо къ вамъ, такъ какъ продолжая жить въ міру, вы переросли его и способны жить и дѣйствовать на болѣе высокихъ планахъ. Вотъ почему вы идеалистъ, ибо идеализмъ—это рѣшимость отожествлять себя съ міромъ болѣе высокимъ, а не съ тѣмъ, въ которомъ вамъ приходится жить.

Ищущіе Учителя должны быть идеалистами, и это означаетъ гораздо болѣе того, что можетъ раскрыться въ теченіе одной жизни. Но для той задачи, которая передъ вами, — идеализмъ имѣетъ именно *это* значеніе.

Вы должны признать, что отнынѣ самое важное для васъ составляетъ не окружающій васъ внѣшній міръ, а представленіе, которое вы о немъ создали. Это относится отчасти ко всѣмъ, кто живетъ въ нашу эпоху, но вы должны особенно тщательно вырабатывать это чувство, чтобы умѣть сознательно жить одновременно въ двухъ мірахъ. Одинъ изъ нихъ—это жизнь среди людей въ повседневныхъ занятіяхъ, въ выполненіи долга и различныхъ обязательствъ; другой — тотъ же самый міръ, но прошедшій черезъ ваше воображеніе и исполненный отнынѣ осуществляющимися мечтами и надеждами.

Люди сильно заблуждаются, думая, что ихъ мечты и надежды на счастье лишь фантасмагоріи, ни на чемъ не основанныя. На самомъ дѣлѣ, эти мечты и надежды—первые проблески, доходящіе къ намъ изъ міра реальнаго, нереальнымъ же становится для насъ какъ разъ міръ нашихъ повседневныхъ переживаній. Но это отнюдь не значитъ, чтобы этотъ нереальный міръ былъ намъ не нуженъ; это значитъ лишь то, что его польза въ полной зависимости отъ реальнаго міра, до котораго мы уже доросли.

Мы всегда окружены этимъ реальнымъ міромъ, но онъ проникаетъ къ намъ лишь тогда, когда мы въ ясномъ счастливомъ состояніи духа строимъ воздушные замки.

Реальный міръ можно уподобить окружающему насъ атмосферному давленію, но которое становится для насъ ощутимо, лишь если мы замѣнимъ его пустотой. Когда мы переступаемъ границу своего я—тогда реальный міръ вселяется въ насъ.

Вы теперь начинаете жить въ этомъ реальномъ мірѣ, — вотъ почему вы чего-то ищете. Это что-то есть то высшее въ васъ, которое есть частица Бога. Это Богъ вселяетъ въ васъ мечту о безкорыстной дѣятельности, о подвигахъ любви, о жертвѣ, творчествѣ, служеніи.

Каждая безкорыстная мысль и чувство, это—окно, черезъ которое вамъ *видно ваше истинное Я.*

Для идеалиста формы существуютъ лишь для воплощенія въ нихъ идей. Идеи—это единицы Реальности, связующія отдѣльные факты въ мірѣ, въ которомъ мы—дѣйствующія лица эволюціонной драмы. Эти единицы можно развить до безконечности, подобно цифрѣ 1, могущей возрасти до милліоновъ и билліоновъ, если ее поставить впереди ряда нулей.

Истинныя идеи не создаются изъ фактовъ; онѣ существуютъ сами по себѣ и имѣютъ свой внутренній критерій цѣнности. Эта мысль должна быть усвоена вполнѣ, ибо отъ нея зависитъ все дальнѣйшее въ вашей жизни.

Люди, вообще, доходятъ до идей лишь путемъ упражненія своихъ пяти чувствъ. Они думаютъ, что ихъ поведеніе должно регулироваться только тѣмъ, *что говорятъ* имъ ихъ чувства, и, что идеи, возникающія иначе, не могутъ считаться *истинными.* Какъ разъ въ этомъ вы должны совершенно опредѣленно быть не отъ міра сего. Вы должны знать, что чувства ваши только орудія, только слуги, но отнюдь не господа. И они должны принимать участіе въ созиданіи вашего реальнаго міра только въ той мѣрѣ, въ какой вы сами допустите ихъ. Повелѣвайте ими, — а степень того, что вы можете разрѣшить имъ и составляетъ одну изъ задачъ, которыя предъявляются вамъ. Будьте особенно на сторожѣ относительно такъ называемой оцѣнки фактовъ. Факты остаются фактами, когда они научно установлены, хотя это трудно—даже и для опытныхъ ученыхъ.

Относитесь поэтому съ уваженіемъ къ факту, такъ какъ это есть одно изъ выраженій Логоса. Но хотя фактъ есть одно изъ выраженій Логоса, — цѣнность его коренится въ высшемъ мірѣ; и для васъ самый фактъ принадлежитъ къ области нереальной, тогда какъ его цѣнность относится къ реальному. Идеи отнынѣ должны быть для васъ гораздо важнѣе, чѣмъ факты.

Каждый идеалистъ—творецъ въ реальномъ мірѣ; прочность или бренность созидаемаго имъ въ мечтахъ, упованіяхъ, всегда зависитъ отъ того, *насколько характеръ* его мысли существененъ.

Для того, чтобы начать жизнь въ высшемъ выраженіи Логоса, въ нашей оцѣнкѣ низшаго должна быть правда. Чѣмъ скорѣе разумъ научится строгой точности въ своихъ физическихъ наблюденіяхъ, тѣмъ скорѣе будетъ возможна жизнь въ мірѣ идеала. Заставьте ваши чувства вѣрно воспринимать *низшій* міръ, и мысль перестанетъ быть неустойчивой и начнетъ творить; замѣчайте впечатлѣнія своихъ чувствъ, но держите себя въ сторонѣ отъ нихъ, и тогда воображеніе начнетъ строить согласно высшему выраженію Логоса, которое отнынѣ станетъ полемъ для дѣятельности вашей.

Каждый разъ, какъ воображеніе строитъ, его созданіе соотвѣтствуетъ реальности, приэтомъ не играетъ роли матеріалъ, изъ котораго оно строитъ.

Матеріаломъ можетъ служить человѣческая любовь, религіозное чувство, жажда мудрости или художественное вдохновеніе. Единственно что цѣнно, это размѣръ и красота творчества; оно можетъ поблекнуть, если вы неспособны къ такому творчеству; и, наоборотъ, если ваше воображеніе будетъ развиваться, вы будете въ состояніи создавать построеніе за построеніемъ, одно другого обширнѣе и прекраснѣе, и, независимо *отъ того,* просуществуютъ

ли они нѣсколько дней или часовъ; вродѣ тѣхъ воздушныхъ замковъ, которые строитъ ребенокъ, грезящій на яву, или продержатся вѣка, какъ это бываетъ, когда творятъ зрѣлыя усилія сердца и разума, посвятившихъ себя идеалу,—созданія эти никогда не остаются необитаемы. Пока они существуютъ, въ нихъ обитаетъ Нѣкто, наблюдающій за мечтателемъ и вдохновляющій его на новое и еще болѣе прекрасное созиданіе.

Въ цѣломъ мірѣ существуетъ Единая Сущность и это Она обитаетъ въ вашихъ идеальныхъ построеніяхъ. Вы, я и милліоны отдѣльныхъ личностей, насъ окружающихъ,—мы всѣ воображаемъ себя чѣмъ-то обособленнымъ отдѣльными единицами, а между тѣмъ все счастье жизни состоитъ въ томъ, чтобы отдѣлаться отъ этой иллюзіи.

Мы упорно цѣпляемся за нашу личность, какъ будто наше существованіе невозможно помимо нея. Но вы, любящій искусство, развѣ вы не испытывали восторга, самозабвенія, когда вы сливались воедино съ вашими художественными произведеніями?

Не испытывали ли вы, слушая Бетховена, что вы перестаете быть личностью и становитесь „чѣмъ-то“, неизъяснимо зачарованнымъ? Или, стоя на берегу моря, когда вѣтеръ несется на васъ, не имѣли ли вы ощущенія, какъ будто все ваше существо осталось гдѣ-то позади и что сейчасъ вы—одна чистая радость, несущаяся съ открытыми объятіями навстрѣчу самой Радости?

Въ минуты нашего высшаго подъема мы опытно познаемъ, какое счастье разбить всѣ оковы личности. Во всей вселенной есть лишь Одна Личность, и весь смыслъ нашей жизни въ томъ, чтобы найти Ее.

Она и вы—одно, ибо вы—одно изъ выраженій Ея. Но вы не въ состояніи зрѣть Ея такой, какова Она есть, ибо Ея свѣтъ ослѣпилъ бы васъ.

Вотъ почему, изъ любви къ вамъ, Онъ умѣряетъ блескъ Своего сіянія и смотритъ на васъ черезъ лики тѣхъ, которыхъ вы любите и любите именно за то, что они отражаютъ красоту Бога.

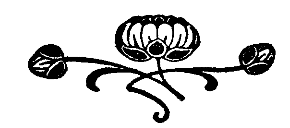
Онъ же помогаетъ вамъ открывать въ нихъ достойное любви, чтобы вы узнали о Его любви къ вамъ.

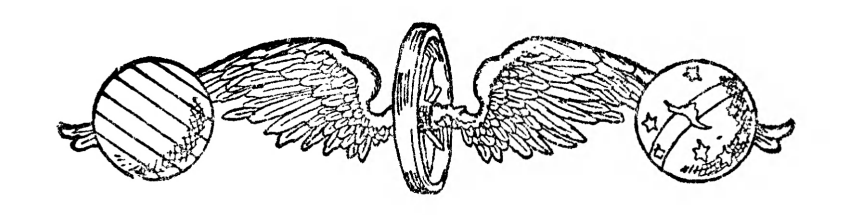
Онъ являетъ вамъ отдѣльные лучи Своего свѣта въ тѣхъ созданіяхъ мечты, которыя вы строите въ моменты вдохновенія; и еще болѣе Онъ проявится вамъ въ вашемъ Учителѣ.

Вотъ почему, по мѣрѣ возрастанія вашего идеализма, вы, навѣрное, найдете своего Учителя, ибо Учитель и есть тотъ, который поведетъ васъ отъ нереальнаго къ реальному.

Перев. **Ю. Львовой.**

(Продолженіе слѣдуетъ).





Строеніе Космоса.

Лекціи **А. Безантъ**.

I. Звукъ.

Братья, когда впервые великія писанія Индусовъ привлекли къ себѣ вниманіе европейской мысли, то впечатлѣніе, вынесенное отъ нихъ, носило какой-то странный и особенный характеръ. Среди европейскихъ мыслителей возникъ споръ относительно значенія и происхожденія этой древней литературы.

Съ одной стороны признавали, что въ ней можно найти глубокую философію; съ другой, самая идея искать философію у народа, котораго считали менѣе цивилизованнымъ, чѣмъ тѣ, кто дѣлались его критиками, повлекла за собой большіе споры о томъ, какъ возникли и подъ какимъ вліяніемъ составлялись эти священныя книги. Даже въ наши дни, когда признаютъ всю глубину ихъ философіи, и величіе и широта ихъ мысли уже не подвергаются сомнѣнію, все-таки находятся люди, какъ напр. профессоръ Максъ Миллеръ, который всю жизнь изучалъ эти книги, и все-таки говоритъ о Ведахъ, какъ о лепетѣ младенческаго народа. Эти люди отрицаютъ, что въ этихъ книгахъ заключено тайное ученіе, скрытое подъ покровомъ символизма и подъ маской аллегоріи.

Мыслители запада не могутъ понять, что можно быть младенческой расой и въ то же время имѣть Божественныхъ Наставниковъ; что цивилизація можетъ находиться въ періодѣ роста, и все же руководить ею могутъ люди, просвѣщенные для этой цѣли Божественнымъ Духомъ. Они не поняли значенія священныхъ писаній; они разсматривали только древнее человѣчество, какъ массу, и не уяснили себѣ значенія тѣхъ, кто возвышался надъ ней въ качествѣ Учителей и Наставниковъ. Пытаясь отыскать такъ называемое чисто человѣческое происхожденіе Свя-

щенныхъ Писаній, они жестоко ошиблись въ своихъ анализахъ, ибо нельзя понять роста націи тамъ, гдѣ отметается въ сторону все Божественное, и тамъ, гдѣ не признается скрытая въ человѣкѣ Божественная сторона его, нельзя постичь, какъ слѣдуетъ, ни философіи, ни религіи, ни цивилизаціи человѣчества.

Въ своихъ лекціяхъ я пытаюсь защитить то положеніе,— попытка моя можетъ быть и очень несовершенна,—что въ индусскихъ Священныхъ Писаніяхъ заключается глубочайшая вдохновенная наука, философія и религія, и что западная наука медленно вступаетъ на путь, указанный въ этихъ писаніяхъ; и знаніе, которое западъ черпаетъ изъ наблюденій внѣшняго міра, можетъ быть достигнуто гораздо скорѣе путемъ изученія тѣхъ писаній, гдѣ постиженіе міра начиналось съ изученія внутренняго міра человѣка.

И мы читаемъ, что въ Лотосѣ Сердца, въ его пространствѣ, наполненномъ эфиромъ, мы можемъ видѣть все, что находится въ мірѣ внѣшнемъ.

„И небо, и земля существуютъ внутри его. И Агни и Вайю, Солнце и Мѣсяцъ... и все остальное, что только есть въ мірѣ“ [1]), находится здѣсь, и, отыскавъ Духъ свой, человѣкъ постигнетъ все, что существуетъ въ Космосѣ.

Эта мысль не только прекрасна и поэтична, но и строго научна. Дѣйствительно, отыскавъ очи Духа, тѣ очи, что проникаютъ сквозь завѣсу внѣшней природы, мы достигаемъ болѣе точнаго и глубокаго знанія, чѣмъ то, которое получается при изученіи всего существующаго очами тѣлесными.

На подобномъ пути изслѣдованія большую помощь оказала намъ русская женщина, великій учитель, извѣстная подъ именемъ Елены Петровны Блаватской.

Значеніе ея для міра заключается не въ томъ, что она могла или не могла совершать извѣстныя дѣйствія, недоступныя для другихъ. Важно міру и не то, что она творила чудеса или была только фокусницей. Не по этимъ фактамъ будетъ судить ее потомство. Я смотрю на всѣ такъ называемыя чудеса, какъ на имѣющія весьма небольшое значеніе. Ея истинное достоинство заключается въ томъ, что она разоблачила намъ тайну древняго знанія, дала намъ ключъ, которымъ мы сами можемъ открыть врата внутренняго святилища. Она явилась къ намъ, обладая знаніемъ науки Духа, и объяснила, какъ мы сами можемъ пользоваться ея

[1]) Chhûndogyopanishad, VIII, I, 3.

указаніями. И теперь тѣ, которые изучаютъ эзотерическую философію, извѣстную подъ именемъ Теософическаго ученія, могутъ обратиться къ Ведамъ и Пуранамъ и найти тамъ истины, скрытыя отъ обыкновеннаго читателя. Она являлась великимъ учителемъ, взявъ на себя ту обязанность, какую въ древности выполнялъ учитель по отношенію къ ученику: она брала Священныя Писанія и, объясняя ихъ внутренній смыслъ, указывала путь къ духовному совершенствованію и давала возможность постичь древнюю Мудрость, которую преподавали только въ храмахъ.

Я попытаюсь показать, какимъ образомъ нѣкоторыя писанія древнихъ Индусовъ становятся яснѣе и понятнѣе, если читать ихъ въ томъ освѣщеніи, которое дается имъ въ книгѣ, извѣстной подъ именемъ „Тайной Доктрины". Я буду защищать это ученіе, ссылаясь на послѣднія данныя современной науки, и покажу вамъ, какимъ образомъ „Тайная Доктрина", которая на самомъ дѣлѣ заключаетъ въ себѣ самое древнее индусское ученіе, подтверждается съ одной стороны на западѣ, такъ называемой, наукой, а съ другой стороны на востокѣ Священными Писаніями. Писанія эти становятся болѣе связными, понятными, всѣ кажущіяся противорѣчія исчезаютъ въ нихъ, если ихъ разсматривать при свѣтѣ тѣхъ тайныхъ ученій, изъ которыхъ міру предоставленъ только одинъ отрывокъ.

Приступая къ изложенію строенія Космоса, я не могу вначалѣ поставить вопросъ на научную почву, въ томъ смыслѣ, какъ это понимается на западѣ, такъ какъ европейская наука не занимается вопросомъ о происхожденіи вещей. Она разсматриваетъ лишь проявленія, достигшія уже извѣстной степени, и ничего не говоритъ намъ о зарожденіи Космоса. Она разсматриваетъ міръ только тогда, когда уже существуетъ матерія, которую мы можемъ постичь чувственнымъ путемъ или, по крайней мѣрѣ, представить въ своемъ воображеніи на основаніи чувственныхъ данныхъ.

Тиндаль говорилъ о пользѣ воображенія для науки; оно позволитъ намъ пойти дальше того, что намъ дадутъ непосредственно наши ощущенія.

Теперь уже не утверждаютъ, что истинно только то, что можетъ познаваться внѣшними чувствами. Лѣтъ тридцать тому назадъ еще защищалось это положеніе, но оно недопустимо теперь при успѣхахъ современной науки. Но вы увидите, что наука до сихъ поръ не признаетъ ничего, кромѣ тѣхъ понятій, которыя составилъ себѣ разумъ на основаніи фактовъ, собранныхъ путемъ ощущеній; и когда вы разсматриваете Космосъ въ его проявле-

ніяхъ, вы не должны мысленно выступать за предѣлы тѣхъ чувственныхъ понятій, основаніемъ для которыхъ послужили ваши наблюденія надъ міромъ физическимъ. Вы можете идти далѣе совокупности видимой вами матеріи, можете предполагать существованіе невидимаго атома, созданнаго однимъ лишь усиліемъ научнаго воображенія, но вы не должны идти далѣе того, что создало вамъ это воображеніе изъ того матеріала, который доставили ему его чувства. Круксъ, правда, разсматриваетъ строеніе атома, но и онъ доводитъ это до, такъ называемаго, *протила*, или первичной матеріи. Наука не желаетъ идти дальше и проникнуть въ начало вещей. Она отказывается поставить вопросъ: возможно ли, что за этимъ протиломъ мы найдемъ еще слѣды роста и эволюціи?

Вотъ почему, приступая къ изложенію вопроса, мы только позднѣе призовемъ на помощь научную критику, вначалѣ же будемъ ссылаться лишь на „Тайную Доктрину“ и Священныя Писанія.

А чтобы и съ нашей точки зрѣнія доказательство было полно я хочу сравнить начало вещей, какъ оно изложено въ Шастрахъ, съ изложеніемъ его въ „Тайной Доктринѣ“. И вы увидите, надѣюсь, что связное изложеніе послѣдней очень поможетъ вамъ, когда встрѣтятся непонятныя мѣста въ изложеніи разныхъ видовъ эволюціи въ Шастрахъ. Но вы должны помнить, что въ тѣхъ писаніяхъ, которыя были намъ даны въ руки, истина нарочно скрывалась отъ насъ. Читая ихъ послѣдовательно, мы не всегда по отрывку можемъ получить связное понятіе о цѣломъ, и мы выиграемъ много времени, если сперва настолько познакомимся съ общимъ, что, встрѣтивъ какой-нибудь отрывокъ, будемъ имѣть возможность сразу поставить его на мѣсто въ воздвигаемомъ нами зданіи; иначе, разбрасываясь, мы получимъ лишь отрывочныя знанія за недостаткомъ того архитектурнаго плана, который даетъ намъ Блаватская.

Обратимся прежде всего къ Шастрамъ и посмотримъ, какъ онѣ рисуютъ намъ происхожденіе вещей. Мы тутъ найдемъ большое различіе между Пуранами и Упанишадами. Въ Пуранахъ больше подробностей, изложенныхъ послѣдовательно; въ Упанишадахъ же вы встрѣтите скорѣе философскую, чѣмъ космическую точку зрѣнія, особенно тамъ, гдѣ онѣ, исходя изъ человѣческаго Духа, показываютъ отношеніе этого Духа къ своему первоисточнику. Это и составляетъ разницу во взглядахъ на міръ двухъ большихъ отдѣловъ Шастръ; я укажу вамъ особенно на одно раз-

личіе, которое иногда приводитъ читателя въ недоумѣніе, такъ какъ не позволяетъ ему согласовать обѣ точки зрѣнія. Поэтому прежде всего я приведу вамъ мысль, которая на первый взглядъ кажется парадоксомъ, а именно: до „начала вещей" не допускается существованія мысли, ибо появленіе вещей означаетъ проявленіе, т. е. дифференціацію. Самое слово „вещей" подразумѣваетъ уже проявленное существованіе. Ранѣе проявленія должно существовать Единое. Это признаетъ и европейская наука, которая правильно считаетъ Единое—непознаваемымъ, а явленія—подлежащими наблюденію. Существованіе того, что находится позади явленій, отрицается очень рѣдко, сравнительно немногими философскими школами, которыя видятъ въ мірѣ только массу чередующихся явленій, не опирающихся на присущее имъ всѣмъ Единство.

Обыкновенно тамъ, гдѣ наука переходитъ въ философію, Единое считается непознаваемымъ и недоступнымъ для человѣческаго мышленія, но въ индусскомъ міровоззрѣніи заключается еще болѣе глубокая идея: то, что недостижимо для человѣческой мысли, все же находится такъ сказать за предѣломъ проявленія, и даже далѣе за и внѣ Брахмана. Брахманъ изображается невидимымъ, недосягаемымъ, непостижимымъ даже для мысли человѣческой, тѣмъ, что можетъ быть доказано только вѣрой въ душу и за предѣломъ котораго находится еще То, что не имѣетъ имени, что можно выразить только описательно, называя его „Внѣ - Брахманомъ",— „Пара - Брахманомъ" философіи, „неизмѣннымъ Вишну" Вишны-Пураны. Его, неизмѣннаго Вишну, не выразить ни словомъ, ни мыслью. Рѣчь и мысль не имѣютъ мѣста въ этой области, ибо говорить и думать можно только тогда, когда начинается проявленіе, и когда изъ этого непроницаемаго мрака мелькнетъ первый проблескъ, который и есть свѣтъ—возможность существованія проявленій.

Здѣсь, въ Писаніяхъ, мы приходимъ къ первому изъ всѣхъ проявленій, о которомъ говорятъ,—(это надо отмѣтить)—иногда какъ о Проявленномъ, иногда, какъ о Непроявленномъ; непроявленномъ Самомъ въ Себѣ, но проявленномъ въ актѣ зарожденія. И мысль наша, такъ сказать, восходитъ къ Брахману, хотя Самъ Брахманъ и непостижимъ для человѣческой мысли. Мы видимъ, что въ обоихъ великихъ источникахъ знанія, Упанишадахъ и Пуранахъ, о Брахманѣ говорится, что Онъ троиченъ въ себѣ Самомъ, хотя и не троиченъ въ прямомъ своемъ проявленіи. Единое, но со скрытой внутренней троичностью появится въ по-

степенномъ рядѣ проявленій и сдѣлаетъ возможнымъ существованіе вещественнаго міра. Брахманъ троиченъ въ самой своей сущности. Возьмите Taittiriyopanishad, гдѣ о Брахманѣ упоминается, какъ объ Истинѣ, Знаніи, Безконечности или, въ болѣе знакомыхъ намъ выраженіяхъ, какъ о Бытіи, Блаженствѣ и Мысли. На самомъ дѣлѣ въ этихъ словахъ заключается то-же понятіе Satchit-ânanda, столь обычное, когда упоминаютъ о Высшемъ; это лишь другое выраженіе для того, о чемъ говорится въ Упанишадахъ. Ибо что такое Satyam, Gnyânam, Anantam [1])? Это только различныя слова, которыми люди тщетно пытаются выразить одну и ту же сущность, въ ея троякомъ проявленіи. Всѣ эти проявленія скрыты въ Первой Эманаціи; начало Космоса и есть раскрытіе въ проявленіи этой троичности, начавшаяся дѣятельность скрытыхъ въ ней потенцій.

Въ Вишну-Пуранѣ встрѣчается та же мысль о скрытой троичности; первое проявленіе Вишну есть Kâla, Время, ни духъ, ни матерія; оно существуетъ, когда эти два послѣдніе исчезли въ немъ. Во второй главѣ Вишну-Пурана говорится, что существуетъ Pradhâna, составляющая сущность Матеріи и Purusha—сущность Духа. Когда эти послѣднія исчезаютъ, остается Время, одна изъ формъ Вишну. Отсюда понятіе о времени безъ начала и конца, находящемся, такъ сказать, позади послѣдующихъ проявленій, соединяющемъ ихъ и дѣлающемъ ихъ возможными.

Здѣсь мы подходимъ ко второй стадіи, которая въ этой Пуранѣ описывается подъ именемъ Прадханы-Пуруши, основная матерія, основной духъ—изъ Единаго—Два, что и означаетъ проявленіе; поэтому-то о Брахманѣ и говорится въ то-же время, какъ о Непроявленномъ и о Проявленномъ. Онъ непроявленъ Самъ въ Себѣ; Онъ проявляется только тогда, когда появляются Два изъ Единаго, и эта двойственность дѣлаетъ возможнымъ существованіе Космоса.

Въ разныхъ книгахъ различно выражена та же мысль о двойственности, на которой такъ настаивалъ Субба-Рао [2]). Смерть его должны оплакивать всѣ философы; онъ многаго могъ бы еще достигнуть своими трудами надъ раскрытіемъ тайнаго смысла обнародованныхъ ученій.

---

[1]) Taittiriyopanishad, Brahmânanda Valli, 1-ая Anuvâka.

[2]) Недавно скончавшійся Индусскій мыслитель, членъ Теософическаго общества, авторъ Комментарій къ Бхагавадъ-Гитѣ и многихъ философскихъ статей.

Примѣчаніе Ред.

Mûlaprakriti и Daiviprakriti являются Индусскими выраженіями для того, что греческое мышленіе именуетъ Логосомъ,— въ проявленіи. Pradhana опредѣляется, какъ Vyaya, растяжимая. Ее нельзя начать описывать, ибо свойства ея еще не проявились, но у насъ уже есть одно опредѣленіе, а именно растяжимость, которая всегда означаетъ возможность полученія формы. Такимъ образомъ въ этомъ Второмъ, Проявленномъ изъ Единаго, заключается сущность формы, то, что приметъ разные виды и то, что произойдетъ въ этой формѣ,— Пуруша, облекающійся въ образъ, дѣйствующій на Прадхану и дѣлающій возможнымъ все многообразіе проявленій міра.

Далѣе, все въ той же Вишну-Пуранѣ, идетъ третья стадія или Mahat, то, что должно стать силой, управляющей и руководящей тѣмъ, что мы можемъ назвать Верховнымъ Управителемъ, который въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будетъ управлять эволюціей міра, дастъ ему бытіе и сдѣлаетъ его разумнымъ отъ начала до конца.

Здѣсь я не могу не напомнить вамъ, что ту же мысль высказалъ недавно профессоръ Гёксли, когда онъ говорилъ о „Разумѣ, обнимающемъ весь міръ“, тогда какъ раньше онъ проповѣдывалъ агностицизмъ. Онъ вынужденъ былъ признать существованіе Разума, какъ всепроникающаго начала, тождественнаго по существу съ Mahat, разумомъ безграничнымъ, кромѣ той границы, которая ставится ему самымъ фактомъ его проявленія.

Эти три стадіи, такъ ясно и опредѣленно описанныя въ Вишну-Пуранѣ, трудно прослѣдить въ Упанишадахъ; но прежде, чѣмъ покончить съ изложеніемъ этого вопроса въ Пуранѣ, надо замѣтить, что троичность является только раскрытіемъ того Единаго, Satchinânda, которое мы видѣли скрытымъ въ Первомъ. Мы ихъ различали, разсматривая ихъ, какъ троицу. Первое изъ нихъ будетъ Sat — абсолютное существованіе. Что же такое то, Второе, Двойственное, какъ ни Anânda, ибо самый фактъ блаженства предполагаетъ двухъ? Что такое Mahat, какъ ни Chit въ проявленіи? Такимъ образомъ, оно является настоящимъ процессомъ раскрытія; все, что скрыто въ Единомъ, является проявленнымъ въ Троицѣ.

Въ Упанишадахъ нѣсколько туманно говорится объ этомъ раскрытіи. Тамъ замѣтно стремленіе перейти прямо отъ Брахмана, гдѣ скрыто все, къ Духу въ человѣкѣ, Брахману въ сердцѣ, Логосу каждой отдѣльной души. Но тѣмъ не менѣе и въ Упанишадахъ есть намеки на ту же мысль, которая разъясняется въ Пуранахъ.

Если мы возьмемъ Мундакопанишады, мы увидимъ, что тамъ сказано, что изъ Брахмана произошла жизнь, которая и есть Anânda, а также умъ — Chit; затѣмъ идутъ пять стихій: эфиръ, воздухъ, свѣтъ, и пр. [1]). Получается тотъ же порядокъ, хотя авторъ и не настаиваетъ на немъ, такъ какъ онъ не намѣренъ объяснять раскрытія Космоса.

Въ Brihadâranyakopanishad'ѣ мы опять находимъ Троицу: Жизнь, Имя и Форма. Изъ Жизни происходятъ Два, а Жизнь скрыта въ Имени и Формѣ, т. е. Первое скрыто въ своемъ двоякомъ проявленіи. Ту же мысль вы встрѣтите и въ Kathopanishad'ѣ, гдѣ описано постепенное отыскиваніе Духа. Когда черезъ Манасъ мы перейдемъ къ Будхи, отъ Будхи къ Атмѣ, за Атмой идетъ уже непроявленное, а за этимъ послѣднимъ Великая Душа, именуемая тутъ Пурушей.

Отсюда знаменательный выводъ, что между духомъ въ человѣкѣ и Тѣмъ, за которымъ нѣтъ ничего, признается только одна стадія, а именно—Непроявленное. Что подразумѣвается подъ этимъ единствомъ, замѣняющимъ троякое представленіе? Этимъ указывается тому, чьи очи открыты, что между Духомъ въ человѣкѣ и Непознаваемымъ существуетъ только Единый, ибо Логосъ души одинъ, одинъ и тотъ же лучъ, отраженіемъ котораго въ сердцѣ является Духъ. Въ Упанишадахъ, которыя стремятся представить единство Духа съ его повелителемъ, игнорируется все, кромѣ этого одного Логоса, которому принадлежитъ Духъ, и самый Космосъ исчезаетъ въ своемъ многообразіи, когда Духъ пытается отыскать свой первоисточникъ.

Отъ этого краткаго обзора Священныхъ Писаній, перейдемъ къ Тайной Доктринѣ, — я разумѣю книгу подъ этимъ заглавіемъ; мы увидимъ, что всѣ, самыя запутанныя ученія представлены тутъ въ такой простой и ясной формѣ, что книга эта можетъ служить намъ ключомъ къ болѣе труднымъ изложеніямъ индусскихъ Писаній. Она всецѣло построена на тѣхъ же основаніяхъ, что и Шастры. Прежде всего мы найдемъ у Блаватской ссылку на Пара-Брахмана, о которомъ не можетъ быть сказано ничего; затѣмъ идутъ три Logos (Логоса). Слово Логосъ приводится здѣсь, какъ болѣе знакомое философамъ запада; оно имѣетъ особое значеніе въ астрономіи Космоса, какъ мы увидимъ это впослѣдствіи, когда будемъ разсматривать Звукъ.

---

[1]) Mundaka, II, I, 3.

Самое слово Логосъ подразумѣваетъ Строителя, тѣмъ болѣе, что произнесенный звукъ есть великій строитель всѣхъ проявленныхъ формъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, послѣдовательность этихъ трехъ Логосовъ, которые являются инымъ названіемъ древняго Тримурти, въ Священныхъ Писаніяхъ Индіи; ему дано имя Перваго Логоса, непроявленнаго. Первый непроявленный появляется для того, чтобы исчезнуть, ибо по отношенію къ Космосу Первый Логосъ не проявленъ; онъ можетъ стать явнымъ только духу человѣческому, составляющему одно съ нимъ. Затѣмъ Единое раздѣляется на Два, и на языкѣ запада, двойственность эта именуется Духъ-Матерія, не Духъ и Матерія, ибо тутъ вы имѣете только два вида Единаго. Если вы раздѣлите ихъ мысленно въ самомъ началѣ, у васъ получится ложное представленіе. Міръ не развивается изъ Духа и Матеріи, какъ двухъ различныхъ понятій, — онъ является только эволюціей Духа-Матеріи, Единаго въ двухъ видахъ. И въ этомъ Второмъ, вы получаете уже, какъ я сказала, видъ Anânda (Блаженства).

Блаватская очень настаиваетъ на этомъ основномъ единствѣ, которое становится двойственнымъ уже въ проявленіи Духъ-Матерія, Пуруша-Прадхана. Они являются только двумя первичными видами Единаго, не имѣющаго Второго. Затѣмъ, намекая внимательному ученику на символъ, при помощи котораго онъ можетъ уяснить себѣ эту основную тайну Космоса, авторъ разбираетъ символическое значеніе Луны, и въ отдѣлѣ о Лунѣ неожиданно говоритъ слѣдующее:

„Лунный магнетизмъ рождаетъ жизнь, сохраняетъ, разрушаетъ ее, и Сома олицетворяетъ троякое свойство Тримурти, хотя простой смертный проходитъ мимо, не понимая этого“ [1]).

Немного далѣе Блаватская говоритъ объ „Единой божественной Сущности, *непроявленной*, вѣчно созидающей изъ себя самой Второе, Я *проявленное;* двуполой по природѣ своей, непорочно рождающей все, что только ни есть макро-и микрокосмическаго въ этомъ мірѣ“.

Въ этихъ словахъ, гдѣ можетъ показаться страннымъ упоминаніе автора о лунѣ, мы имѣемъ ключъ ко многимъ аллегоріямъ, которыми объясняется непонятное происхожденіе строенія Космоса. Съ одной стороны свѣтъ, съ другой—вода; всюду огонь и вода, какъ начала строющія Космосъ. Но огонь и вода, это только другія наименованія для Духа и Матеріи, выражающія двойственность Второго Логоса. Въ этомъ второмъ проявленіи огонь — это Daivi-

---

[1]) Secret Doctrine, I 398, стр. 427, 428.

prakriti или Свѣтъ Логоса. Вода—проявленіе Mûlaprakriti или корень всякой Матеріи. Они развиваются по этимъ двумъ направленіямъ, и луна, какъ это извѣстно всякому ученику, изображается обыкновенно двуполой, иногда только женскаго, иногда только мужского пола, сегодня какъ Богъ, Царь Сома, завтра — какъ Богиня.

Размышляя о лунѣ, мы представляемъ себѣ двѣ ея стороны, положительную и отрицательную, то, что въ нашемъ мірѣ отличаетъ оба пола. У насъ, такимъ образомъ, всегда получается эта противоположная двойственность, безъ которой ничто строиться не можетъ, ибо мы должны имѣть начало пассивное, которое питаетъ міръ, и активное, которое оплодотворяетъ. Иначе не можетъ быть размноженія, не можетъ быть и проявленій міра.

Третье есть Mahat, названіе мыслящаго начала, интеллекта, мысли, которые должны находиться въ корнѣ каждаго существованія. Здѣсь опять-таки въ основѣ него лежатъ жизнь и мысль. Гдѣ только есть атомъ проявленнаго существованія, есть въ немъ и двойственность, которую онъ получаетъ изъ своего источника, ибо изъ двойственнаго должно возникнуть двойственное, и неживая матерія и безчувственная энергія существовать не могутъ. Это невозможно въ мірѣ, рожденномъ отъ жизни и мысли. Эта троица въ глубочайшемъ смыслѣ заключаетъ въ себѣ семь видовъ, ибо въ трехъ заключено семь; точно также и въ Тримурти мы отыщемъ заключенные въ ней семь видовъ, если будемъ размышлять о ней. Ибо въ каждомъ лицѣ Тримурти мы должны признать двойственное, если будемъ разсматривать его со стороны Shakti, и наша троица станетъ уже шестью. Представляя себѣ Единое, мы въ проявленіи его всякій разъ должны представить себѣ Двухъ; Вишну не можетъ быть безъ Лакшми, Шива безъ Дурги; мы всегда видимъ обѣ стороны и, размышляя о Тримурти, мы на самомъ дѣлѣ мыслимъ о шести, седьмымъ же будетъ то, что совмѣщаетъ въ себѣ ихъ всѣхъ, и безъ чего не могло появиться ихъ раздѣленія.

Итакъ Космосъ въ самомъ основаніи своемъ семериченъ, только наша непроницательность мѣшала намъ это видѣть.

Достигнувъ стадіи Mahat или разума, мы сразу доходимъ до возможности проявленія. Тутъ можно сослаться и на западную науку. Въ словѣ Mahat мы имѣемъ троякую Ahamkâra'у, знакомую по существу всякому, кто изучаетъ Бхагавадъ-Гиту, и кто занимается вообще философіей. Это начало истинное или чистое, активное или свѣтлое, темное или стихійное, та матерія въ трехъ видахъ, которая необходима для дальнѣйшихъ проявленій, и въ которой, какъ мы увидимъ, появится и многообразіе.

Вернемся къ Вишну-Пуранѣ; мы узнаемъ, что элементы появляются отъ свойства *тамаса*; это не тѣ элементы, о которыхъ говоритъ западная наука, но пять стихій древности. На англійскомъ языкѣ не существуетъ выраженія, равносильнаго слову Bhutâdi. Изъ Ahamkâra'ы происходитъ міръ матеріальный; сперва появляется Akâsha, а уже изъ этой послѣдней воздухъ; изъ воздуха—огонь, изъ огня—вода, изъ воды—земля. Почему принятъ такой порядокъ? Прежде всего появляется Akâsha. Сказано, что характернымъ ея признакомъ служитъ звукъ. Зачатки звука уже появились, а это и составляетъ единственное свойство Аказы. Затѣмъ идетъ воздухъ. Въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать здѣсь воздухъ? Это, конечно, не атмосферическій воздухъ, и не тотъ воздухъ, который появляется позднѣе,—соединеніе газовъ, въ которыхъ уже есть атомы. Тотъ „Великій Воздухъ", о которомъ говорятъ Упанишады и Пураны, это дыханіе Всевышняго, сущность движенія, ибо только съ появленіемъ понятія о движеніи, становится возможнымъ какое-либо проявленіе. Итакъ прежде всего мы получаемъ Аказу, единственнымъ свойствомъ которой будетъ звукъ, затѣмъ движеніе, въ которое приводится Великимъ Дыханіемъ, и уже въ Аказѣ, находящейся въ движеніи, появится звукъ. Потомъ второе чувство—осязаніе, а уже изъ звука и осязанія, т. е. Аказы и воздуха, происходитъ огонь, для появленія котораго необходимо треніе дыханія съ Аказой. Это и есть электричество, безъ котораго не можетъ быть дальнѣйшаго роста. А пока нѣтъ Аказы, способной черезъ дыханіе принять извѣстную форму, и черезъ электричество, вызванное дыханіемъ, начать устрояться въ формѣ черезъ сцѣпленіе,—до тѣхъ поръ не получится атомистическаго строенія. Только при этомъ послѣднемъ получается земля и вода. Это жидкое и твердое проявленіе того, что до сихъ поръ носило названіе „нематеріальнаго". Замѣтимъ эту послѣдовательность въ развитіи нашихъ чувствъ. Первое изъ проявленій соотвѣтствуетъ слуху, второе—слуху и осязанію, второму изъ чувствъ. Съ огнемъ появляется и свѣтъ, относящійся къ зрѣнію, и мы имѣемъ уже слухъ, осязаніе и зрѣніе. Далѣе идетъ вода, имѣющая отношеніе ко вкусу, такъ какъ безъ смачиванія нѣтъ и вкуса; теперь уже передъ нами четыре чувства. Наконецъ идетъ земля, существеннымъ свойствомъ которой является запахъ, различаемый обоняніемъ, послѣднимъ изъ чувствъ, которое развилось на физическомъ планѣ и которое поэтому будетъ первымъ на астральномъ планѣ, когда душа вернется назадъ въ поискахъ себя самое.

Поэтому-то Блаватская и говоритъ намъ, что Аказа есть то, что произошло изъ третьяго Логоса, и свойствомъ чего будетъ звукъ. Тутъ на сцену является современная наука. Въ этомъ понятіи объ Аказѣ, на которую вліяетъ Великое Дыханіе, чтобъ изъ этой Аказы и Вайя могъ появиться огонь, мы уже встрѣчаемся съ самыми позднѣйшими теоріями и открытіями науки и генезисомъ элементовъ, другимъ терминомъ, означающимъ строеніе Космоса. Мы можемъ изучать все это на западѣ по трудамъ Крукса.

Въ первомъ томѣ своей Тайной Доктрины Блаватская много говоритъ объ этихъ открытіяхъ Крукса, поскольку они были извѣстны въ ея время, и указываетъ на нѣкоторые недостатки въ нихъ. Замѣчательно, что только къ концу ея жизни, а именно за два мѣсяца до ея смерти въ 1891 году, Круксъ передъ собраніемъ выдающихся англійскихъ ученыхъ подтвердилъ, что то, что было гипотезой, теперь уже достовѣрно, и что эти гипотезы могутъ повести, по его мнѣнію, къ дальнѣйшимъ открытіямъ.

Что же это за великое открытіе, которое поставитъ имя Крукса на ряду съ величайшими мыслителями и учеными нашего времени, какъ выразился одинъ изъ его слушателей.

Открытіе это состоитъ въ томъ, что атомъ не вѣченъ, что онъ произошелъ отъ чего-то, а не существовалъ изначала; что онъ разрушимъ, слѣдовательно и явился на свѣтъ, ибо вѣчно только неразрушимое. Это послѣднее положеніе признаетъ всякая философія. Круксъ показалъ, что атомъ можно считать двойственнымъ нейтральнымъ тѣломъ, образовавшимся изъ соединенія положительнаго и отрицательнаго элементовъ въ природѣ. Онъ считалъ атомъ устойчивымъ, именно благодаря этой своей двойственности, такъ какъ устойчивость его зависитъ отъ связи двухъ элементовъ. Такимъ образомъ атомъ служитъ, такъ сказать, кирпичемъ въ строеніи міра. За атомомъ онъ поставилъ нѣчто, названное имъ „протиломъ". Названіе это Круксъ заимствовалъ отъ одного средневѣкового европейскаго оккультиста, Рожера Бэкона, который называлъ этимъ именемъ первичную матерію. Желая описать строеніе этихъ атомовъ, Круксъ вынужденъ былъ обратиться къ протилу, какъ къ первичной матеріи. Замѣтьте, какъ она идетъ тутъ по пути древняго мышленія, когда онъ прибѣгнулъ къ движенію, т. е. Великому Дыханію, второму элементу послѣ Аказы, безъ котораго она осталась бы неподвижной и ничего не развила бы изъ себя.

Допустивъ протилъ и движеніе, онъ устанавливаетъ и нѣчто третье—силу, родственную электричеству, которая, по его словамъ, пролагаетъ себѣ спиральный путь чѐрезъ пространство, наполненное матеріей.

На этомъ пути атомы возникаютъ одинъ за другимъ черезъ сцѣпленіе протила и группируются такимъ образомъ въ опредѣленные химическіе классы, смотря по положенію, которое они занимаютъ въ спирали, начертанной электрической силой. При этомъ движеніи неизмѣнно получается спираль. Почему это? Возьмемъ движеніе въ одномъ только направленіи. Когда оно совершается черезъ матерію однородную, то оно сжимается и, уплотняясь, теряетъ теплоту. Такое паденіе температуры—явленіе обычное. Это одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ опытовъ элементарной химіи; когда матерія переходитъ изъ одного состоянія въ другое, изъ газа въ жидкость, изъ жидкости въ твердое тѣло и обратно,—она выдѣляетъ теплоту, которая можетъ перейти и въ скрытое состояніе.

Возьмемъ простой примѣръ: если ледъ таетъ, то скрытая при этомъ теплота достигаетъ до такъ называемыхъ 80 единицъ прежде, чѣмъ будетъ замѣтна какая-либо перемѣна во внѣшнемъ видѣ льда или его температурѣ. Что же произойдетъ, когда при отвердѣніи элементовъ измѣнится температура? Линія, изображающая движеніе, перемѣнитъ направленіе, такъ какъ съ паденіемъ температуры измѣнится и движеніе. Если вы пожелаете изобразить это движеніе, у насъ уже не получится прямой линіи; линія эта будетъ уже составной двухъ силъ, двигающихся по разнымъ направленіямъ, т. е. спиралью.

Оттого-то древній символъ Змѣи, столь обычный въ нашей литературѣ, и представляетъ изъ сѐбя самое замѣчательное изображеніе спирали, которая вѣчно крутится и представляетъ собой образъ космическаго движенія. Этимъ символомъ наши великіе ученые обозначали міровую силу, и генезисъ элементовъ идетъ по этой спирали змѣинаго движенія. Блаватская называетъ это движеніе спиральнымъ движеніемъ Фохатъ (Fohat) въ пространствѣ; въ этомъ Fohat заключены всѣ силы и отъ него же происходитъ и сила электричества.

За этимъ слѣдуетъ Звукъ. Вы не можете получить движенія матеріи, не вызвавъ въ ней колебаній, а всякое колебаніе въ сущности есть звукъ; оно можетъ видоизмѣняясь перейти въ звукъ и древнее выраженіе о змѣѣ, которая шипя ползетъ въ пространствѣ, имѣетъ совершенно реальное значеніе.

Поэтому-то первымъ свойствомъ, появляющимся въ Аказѣ, будетъ звукъ, Слово, Логосъ. Припомните опять, какъ Субба-Рао просто и красиво выражалъ эту мысль, когда говорилъ о произнесенномъ звукѣ, о сказанномъ словѣ, тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о Fohat'ѣ, какъ орудіи слова. Онъ говоритъ, что сказанное слово есть Vaikâri Vack, т. е. Космосъ въ его объективной формѣ *).

Весь міръ есть ни что иное, какъ произнесенное слово, которое скрыто въ непроявленномъ Логосѣ и произнесено во Второмъ. Вотъ это-то произнесенное слово и есть объективный Космосъ. Итакъ и въ Космосѣ и въ человѣкѣ одинаково заключено это свойство звука, безъ котораго не можетъ быть формы, звука-строителя формы, рождающаго ее. Всякій звукъ имѣетъ отдѣльную форму и заключаетъ въ себѣ троякое свойство: одно, рождающее форму, другое — удерживающее ее и третье — разрушающее ее.

Тутъ опять мы видимъ Тримурти въ качествѣ Творца, Хранителя и Разрушителя; они всѣ составляютъ одно въ трехъ видахъ, ибо Божественное Едино, какова бы ни была форма его проявленія. Здѣсь именно мы можемъ сопоставить древнее мышленіе съ современнымъ: Sabda Brahman — это сила, строящая Космосъ, и въ тоже время та самая, посредствомъ которой Іогъ обращаетъ внутрь себя всѣ силы, заключенныя въ немъ самомъ.

Въ подтвержденіе того, что звукъ является строителемъ формы, мы можемъ привести нѣсколько научныхъ фактовъ, которые для многихъ покажутся болѣе убѣдительными, чѣмъ тѣ глубокія реальности, только внѣшнимъ проявленіемъ которыхъ являются эти факты.

Что касается звука, то факты, собранные современной наукой цѣнны для насъ не потому, что могутъ насъ научить чему-нибудь, а потому, что они позволятъ убѣдить тѣхъ, кто не понялъ смысла Писаній. Наука разсматриваетъ только внѣшнія проявленія, тогда какъ Священныя Писанія проникаютъ въ ихъ сущность.

Каковы же факты, доказывающіе положеніе древнихъ писателей, что звукъ находится въ основѣ всякой формы, и многообразіе формъ зависитъ только отъ различія звуковъ?

Въ старину производили одинъ опытъ со звукомъ; опытъ этотъ не точный, но тогда его считали удовлетворительнымъ. Возьмемъ обыкновенный барабанъ съ натянутымъ на него пергаментомъ, который даетъ звучащую поверхность. Если провести

*) См. The Secret Doktrine I стр. 138 и 162.

скрипичнымъ смычкомъ по краю барабана, послышится звукъ, характеръ котораго будетъ зависѣть отъ степени натяженія пергамента и многихъ другихъ, неважныхъ для насъ условій.

Произведя этотъ простой опытъ, пожелали узнать, что происходитъ при этомъ, и для наглядности опыта поверхность барабана посыпали пескомъ; затѣмъ провели смычкомъ по краю барабана, и повторили это во всѣхъ точкахъ барабанной окружности.

Нельзя не признать, что европейская наука отличается замѣчательнымъ терпѣніемъ и повторяетъ все тотъ же опытъ, пока не добудетъ факта. Это весьма важно, такъ какъ только такимъ образомъ и могутъ быть добыты факты.

Во всѣхъ частяхъ круга, гдѣ мы провели смычкомъ, песокъ былъ подкинутъ вверхъ и при паденіи ложился неровно, образуя геометрическія фигуры. Такимъ образомъ звукъ, разбрасывая песокъ, придавалъ ему разныя очертанія, смотря по характеру звука, который смычекъ извлекалъ изъ окружности.

По мѣрѣ того, какъ разныя части на окружности издавали созвучія основной нотѣ, получались разныя фигуры. Проведя смычкомъ въ одной какой-нибудь точкѣ барабанной окружности, вы получите дѣленіе его поверхности на четыре части, что соотвѣтствуетъ звучанію всей поверхности, т. е. основному тону. Извлекая призвуки или гармоническіе тоны, вы получаете болѣе сложныя геометрическія фигуры. Продолжая это изслѣдованіе призвуковъ, какъ ихъ называютъ, мы увидимъ, что всякая нота состоитъ не изъ одного, а изъ весьма сложнаго звука, который можетъ разлагаться. То, что кажется намъ простымъ, на самомъ дѣлѣ весьма сложно. Когда вы извлекаете какую-нибудь одну ноту, на самомъ дѣлѣ вы извлекаете и другіе звуки, и опытное ухо можетъ различить эти призвуки или обер-тоны, которые не измѣняютъ характера звука. При этомъ замѣтили, что характеръ звука или распаденіе его на части, наглядно изображено фигурами на пескѣ. Тогда начали искать еще болѣе тонкихъ различій, и грубый песокъ и плохо звучащій пергаментъ замѣнили порошкомъ плауна и болѣе тонкой матеріей. Плаунъ является наилучшимъ матеріаломъ для такихъ опытовъ; онъ до того легокъ, что малѣйшее колебаніе вызываетъ въ немъ измѣненіе формы. Пробовали и стальные камертоны, которые даютъ разные звуки.

Черезъ увеличительное стекло волшебнаго фонаря посредствомъ зеркалъ получали отраженіе рисунка вибрацій на полотнѣ, и тогда малѣйшія невидимыя колебанія камертона въ увеличен-

номъ видѣ давали самые причудливые рисунки. Каждое измѣненіе звука вызывало измѣненіе въ этихъ замѣчательныхъ рисункахъ. Поэтому, то, когда вы исполняете музыкальную пьесу, вы чертите въ эфирѣ и окружающемъ васъ воздухѣ удивительные рисунки. При этихъ опытахъ всякія звуковыя колебанія отражались на полотнѣ, невидимое становилось видимымъ, и сила звука была одинаково ясна, какъ слуху, такъ и зрѣнію.

Производили еще и другіе опыты, и г-жа Watts Hughes доказала, что получаются еще болѣе сложные рисунки, если извлекаютъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ звуковъ изъ инструмента наподобіе рога. Тогда получаются рисунки, похожіе на травы, вѣтки, цвѣты,—и все это чертитъ голосъ человѣческій.

Чтобы узнать, какъ это происходитъ, придумали очень остроумный аппаратъ, въ которомъ качаются два маятника, при чемъ каждый имѣетъ свое особое движеніе. Эти маятники сталкиваются, и движеніе одного измѣняетъ движеніе другого. Карандашъ, прикрѣпленный къ рычагу, который двигается по направленію, образующему составную движеній сталкивающихся маятниковъ, чертитъ на бумагѣ самые сложные рисунки и отмѣчаетъ послѣдовательныя движенія. Получались причудливыя очертанія раковинъ, сложныя геометрическія фигуры съ точно обозначенными углами и кривыми. Но такъ какъ колебанія одного звука совершаются всегда въ одномъ направленіи, а маятники просто качались взадъ и впередъ, то сталкиваніе измѣнявшее направленіе ихъ движенія, и служило точнымъ повтореніемъ настоящихъ колебаній, которыя сталкиваются и взаимно мѣняютъ одно другое. Въ результатѣ выходили эти удивительно сложные рисунки, точное графическое изображеніе тѣхъ измѣненій, которыя получаются отъ перекрещиванія колебаній, причемъ каждое изъ нихъ совершается все въ одномъ и томъ же направленіи. Когда свѣтовыя волны пересѣкаютъ другъ друга, то совершенно такимъ же образомъ получаются различные цвѣта.

Тамъ, гдѣ свѣтовая волна прервана пересѣченіемъ ея другой волной, тотчасъ появится цвѣтъ. То, что мы называемъ окраской перламутра, есть только результатъ мельчайшихъ неровностей поверхности, при чемъ происходитъ перекрещиваніе свѣтовыхъ колебаній. Маятники отмѣчали интерференцію звуковыхъ колебаній.

Итакъ, наука показала намъ, какъ строились формы посредствомъ звука. Наблюдая природу, насъ поражаетъ странный фактъ: мы повсюду встрѣчаемъ геометрическое строеніе. Возьмемъ

кристаллы у минераловъ. Каждый изъ нихъ построенъ по извѣстнымъ осямъ направленія, и форма кристалла зависитъ отъ этихъ осей. Простѣйшіе кристаллы построены по простѣйшимъ линіямъ, и чѣмъ сложнѣе кристаллъ, тѣмъ многочисленнѣе оси, центръ которыхъ находится среди кристалла.

Всѣ кристаллы построены по этимъ осямъ и различаются строеніемъ этихъ осей.

Итакъ въ мірѣ минераловъ мы отмѣчаемъ это геометрическое строеніе. Но кристаллъ нельзя отдѣлить отъ кристаллоида, форма котораго та же, что и у кристалла, только онъ встрѣчается въ мірѣ растительномъ.

Въ природѣ минералы уже не отдѣляются отъ растеній, только у этихъ послѣднихъ кристаллы состоятъ изъ другого матеріала и носятъ названіе кристаллоидовъ.

Здѣсь опять находимъ тѣ же оси и можемъ опредѣлить геометрическія формы, изъ которыхъ построенъ растительный міръ.

Изучая растенія, мы пойдемъ еще дальше. Возьмемъ, напр. вѣтку какого-нибудь дерева, отмѣтимъ и изучимъ расположеніе на ней листьевъ. Вы увидите, что листья расположены по спирали. Спираль и тутъ играетъ роль силы образующей; она располагаетъ листья иногда очень просто, иногда сложно. Возьмемъ вѣтку обыкновенной яблони, столь распространенной въ Англіи.

На ней спираль образуетъ то, что мы опредѣляемъ $^{2}/_{5}$, т. е. спиральная линія въ каждыхъ двухъ своихъ оборотахъ заключаетъ пять листьевъ. Если взять веревочку и обвести ее дважды вокругъ вѣтки, мы увидимъ, что веревочка пройдетъ у основанія пяти листовыхъ черешковъ, расположенныхъ на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга. На другомъ растеніи вы встрѣтите другое расположеніе листьевъ, но они опять-таки расположены по спирали. То же найдемъ и на третьемъ.

Выбрасывая листья, растеніе подчиняется всегда этому закону спиральнаго расположенія ихъ, и то, что на первый взглядъ кажется неправильнымъ, на самомъ дѣлѣ совершается по геометрическому плану.

Здѣсь нѣтъ неправильностей. То, что представляется наиболѣе неправильнымъ, есть только рядъ сложныхъ пересѣкающихъ другъ друга спиралей. Часто вмѣсто одной спирали ихъ двѣ, иногда три. Расположеніе листьевъ по этимъ спиралямъ, которыя пересѣкаются вокругъ вѣтокъ, кажется на первый взглядъ совершенно безпорядочнымъ. Но то, что кажется хаосомъ нашимъ чувствамъ, то разуму представляется „Космосомъ". Въ этомъ кажу-

щемся хаотическомъ нагроможденіи, вы всегда можете найти геометрическій планъ. Развѣ не справедливы слова Платона: „Богъ—геометръ“ *). И не то же ли сказано въ Писаніяхъ, что всѣ формы происходятъ отъ звуковыхъ колебаній? Развѣ это не подтверждается современными научными открытіями?

Звукъ не только созидаетъ, но онъ и уничтожаетъ. Странно, что одна и та же сила даетъ результаты противуположные. Когда это говорила религія, люди насмѣхались надъ ней; теперь, когда наука повторила то же самое, они должны были согласиться съ ней. То, что казалось въ религіи недопустимымъ противорѣчіемъ, наука примирила въ своихъ исканіяхъ всеобъединяющей истины. Почему бы и намъ ни приложить той же теоріи къ кажущимся религіознымъ противорѣчіямъ? Почему не изслѣдовать намъ ту сокровенную истину, при свѣтѣ которой противорѣчія являются только двумя аспектами, какъ бы двумя сторонами одного щита?

Итакъ, то, что строило форму, оно же и уничтожаетъ ее; тамъ гдѣ тончайшія колебанія строятъ, сильныя разрушаютъ то, что соединили слабыя. А такъ какъ форма не есть что-нибудь устойчивое, а состоитъ изъ частицъ, раздѣленныхъ пространствомъ, то звуковыя колебанія, заставляя ихъ дрожать все сильнѣе и сильнѣе, тѣмъ самымъ все больше и больше раздѣляютъ ихъ; когда притягательная сила, удерживающая ихъ вмѣстѣ, нарушится, форма распадается.

Возьмемъ стаканъ и отыщемъ его основную ноту: это легко узнать, наполнивъ стаканъ до половины водой и проведя смычкомъ по краю его. Мы увидимъ, что вода раздѣлится. Возьмемъ ту же ноту на другомъ инструментѣ, на которомъ можно извлечь болѣе сильный звукъ; мы услышимъ, какъ стаканъ повторитъ этотъ звукъ, и вода въ немъ начнетъ колыхаться, хотя никто и не трогалъ ее. Звукъ усиливается, струйки воды, указывающія на дѣйствіе звука, дѣлаются все шире и шире, бурлятъ и, ударяясь другъ о друга, вмѣсто гармоніи вызываютъ бурю; наконецъ волненіе становится настолько сильнымъ, что стѣнки стакана уже не могутъ ихъ выдерживать и дрожатъ по всѣмъ направленіямъ.

Тиндаль бралъ ледяную сосульку и, потирая ее, извлекалъ изъ нея звукъ, при усиленіи котораго сосулька дрожала и разбивалась на круглые осколки, свидѣтельствовавшіе о силѣ звука, который издала сама сосулька. Повсюду мы видимъ доказатель-

---

*) Буквально: „Богъ работаетъ геометрически“.

ства того, что звукъ строитъ и разрушаетъ формы, являясь такимъ образомъ то создателемъ, то хранителемъ, то разрушителемъ ихъ. Я назвала его и хранителемъ, ибо ничто не существуетъ безъ звука. Все находится въ безпрерывномъ движеніи; одинъ видъ движенія создаетъ форму, другой — оберегаетъ ее, третій разрушаетъ; а разрушеніе одной формы—это созданіе другой. Движеніе, разрушая одно, въ то же время создаетъ другое. Уничтоженія нѣтъ, ибо всякая смерть въ одной сферѣ — есть рожденіе въ другой.

Покончимъ же этотъ бѣглый обзоръ части строенія Космоса и свойства звука, показавъ какъ строеніе это оправдываетъ то, что считали безумными предразсудками и лепетомъ невѣжественнаго народа по отношенію къ звуку. Съ тѣхъ поръ, что существуетъ Индуизмъ, священному слову приписывалось могущество, заключающееся въ самомъ звукѣ его. Въ этомъ Священномъ Словѣ заключены всѣ потенціи, ибо слово это выражаетъ Единую Сущность, всякое свойство созидающее, сохраняющее и разрушающее. Поэтому-то и было запрещено небрежное произнесеніе этого Слова; запрещалось говорить его среди толпы; оно не должно было звучать тамъ, гдѣ собралось вмѣстѣ много людей, гдѣ существуютъ поэтому смѣшанные и враждебные токи, создающіе смѣшанную атмосферу, гдѣ всякій сильный звукъ вызоветъ смятеніе, а не гармонію. Произносить его можно только, когда умъ чистъ и спокоенъ, тамъ гдѣ жизнь благородна, гдѣ звукъ дѣйствуетъ на сферу гармоничную и гдѣ онъ можетъ явиться создателемъ. Если же звукъ будетъ оказывать дѣйствіе на среду негармоничную, онъ будетъ только разрушать. Великое Дыханіе, чистое по существу, исходитъ ритмическими колебаніями, и все, что заодно съ этимъ ритмомъ, тоже чисто по существу и поэтому гармонично. Но тамъ, гдѣ Великое Дыханіе, оказывая дѣйствіе на матерію, встрѣчаетъ на своемъ пути препятствія, тамъ появляется нечистота, дисгармонія.

Если человѣкъ нечистъ, т. е. негармониченъ въ атмосферѣ исходящаго изъ него дыханія, которое является только отраженіемъ Всевышняго, тогда произнесеніе имени Всевышняго означаетъ призываніе гибели на свою собственную голову, желаніе своего распаденія. Тогда человѣкъ направляетъ Божественную силу въ среду негармоничную, и все, что не имѣетъ ничего общаго съ Божественной гармоніей, будетъ уничтожено. Это справедливо не только по отношенію къ священному Слову, но и къ той мантрѣ, которая повторяется при созиданіи чего-нибудь. Поду-

мали ли вы когда-нибудь о томъ, что означаетъ мантра, которая повторяется при зачатіи новой жизни въ утробѣ матери? Это дѣлается для того, чтобы присущія этимъ мантрамъ созидающія силы подѣйствовали на зарождающуюся новую жизнь и, возбудивъ въ ней гармоничныя колебанія, сдѣлали бы существо, которое должно родиться, достойной обителью благородной души.

Почему религія для индуса начинается съ момента зачатія? Потому что Духъ не можетъ оставаться безъ религіи, и когда онъ проникаетъ въ человѣка при его зарожденіи, необходимо чтобы религіозныя силы окружили его и помогли ему создать себѣ земную обитель. Священные звуки привѣтствуютъ новорожденнаго въ этотъ міръ проявленій, чтобы окружить жизнь его гармоніей и въ самый моментъ рожденія дать ей толчокъ для гармоническаго развитія. Эта гармонія должна постепенно придать форму выростающей жизни. Когда же настанетъ время для Духа непосредственно вліять на тѣло, это отмѣчается обрядомъ посвященія, и ребенку - индусу указываютъ на ту мантру, которая будетъ руководить его жизнью. И мантру эту даетъ ребенку тотъ, кто знаетъ основную ноту его жизни и способенъ указать ребенку тѣ звуки, въ какихъ онъ нуждается для сохраненія гармоніи на всю жизнь.

Тутъ уже звукъ получаетъ великое свойство охранять. Когда жизни угрожаетъ опасность, звукъ можетъ уберечь отъ нея. Если человѣку грозитъ видимая или невидимая опасность, шопотъ этой мантры станетъ между жизнью человѣка и этой опасностью, создавая гармоническія волны, которыя силой своихъ колебаній, оттолкнутъ отъ человѣка все злое. Мантра отброситъ всякаго приблизившагося къ нему врага. И это будетъ продолжаться до самой смерти. Всю жизнь человѣка мантра, спѣтая утромъ, будетъ давать тонъ цѣлому дню, и день этотъ будетъ звучать въ гармоніи съ тѣмъ звукомъ, съ какого онъ начался. Когда же кончится день индуса и солнце зайдетъ, снова раздается это пѣніе, чтобы претворить въ гармонію все, что накопилось за день негармоничнаго, и Духъ въ ночи могъ бы воспарить къ своему Господу.

А когда наступитъ смертный часъ, и Духъ долженъ будетъ перейти въ другія міровыя сферы,—и тутъ опять пѣніе мантры будетъ сопровождать его. При обрядахъ Shrâddha происходитъ особое пѣніе, которое должно разрушить темницу души и уничтожить тѣло, рожденное по ту сторону смерти и держащее душу

въ плѣну. И на самомъ порогѣ Девалоки пѣніе провожаетъ душу до перехода ее въ Локу, гдѣ Девы въ своей обители окружатъ ее вѣчнымъ океаномъ гармоніи. Тамъ не существуетъ земныхъ раздоровъ, тамъ звукъ охраняетъ покой души и вѣчное ея блаженство, пока Слово не вернется опять на землю, чтобы опять способствовать созданію гармоніи въ природѣ.

Пер. **С. Татариновой.**

Благословенный сказалъ: Когда человѣкъ отказался отъ всѣхъ вожделѣній, о Партха, и углубившись въ себя, нашелъ удовлетвореніе въ божественномъ Я, тогда онъ именуется стойкимъ.

Тотъ, чей умъ спокоенъ среди скорби, безстрастенъ среди наслажденій, свободенъ отъ желаній, страха и гнѣва, тотъ именуется мудрецомъ съ уравновѣшенной мыслью.

О сынъ Кунти, возбужденныя чувства неудержимо увлекаютъ разумъ даже мудраго человѣка, хотя бы онъ не переставалъ бороться.

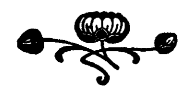
Но укрощенное Я, движущееся среди предметовъ съ чувствами, свободными отъ желанія и вражды, послушныя высшему Я, обрѣтаетъ миръ.

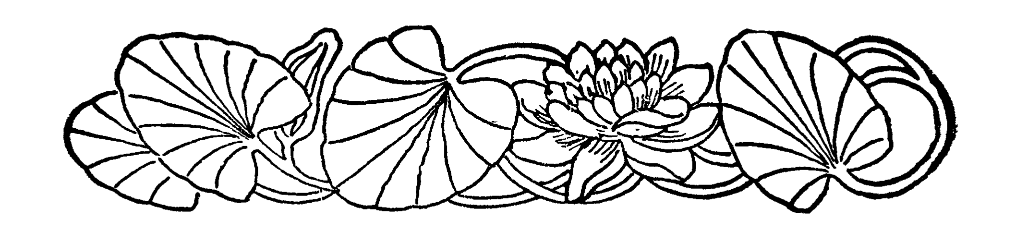
Въ мирѣ наступаетъ конецъ всѣмъ страданіямъ; тотъ, чье сердце успокоилось скоро достигнетъ равновѣсія.

Воистину смерть назначена для рожденнаго, а рожденіе—для смертнаго. О неизбѣжномъ ты не долженъ скорбѣть.

Не проявлены существа въ началѣ, о Бхарата, проявленными они бываютъ въ серединѣ бытія, и снова непроявленными при смерти. О чемъ же печалиться?

Изр. изъ Бхагавадъ Гиты.





Миссія красоты въ свѣтѣ Теософіи.

Мы привыкли считаться съ синтетической ролью Теософіи въ сферѣ религіозной мысли. Роль Теософіи — создать мостъ между разумомъ и сердцемъ, между наукой и религіей.

Теософія обосновываетъ вѣру, одухотворяетъ науку, расширяя ея сферу. Каждый изъ насъ, въ ранній или поздній часъ своей жизни, испытываетъ благословенное вліяніе Теософіи, постигаетъ всю ея цѣнность.

Но есть иныя области, въ которыхъ задача, разрѣшаемая Теософіей, менѣе разработана; но все же сила этого синтеза даетъ себя чувствовать всюду необыкновенно ярко. Такъ—въ труднѣйшей *задачѣ воспитанія*—Теософія, вооруженная своею всеосвѣщающей синтетической мощью, даетъ возможность проникнуть въ самыя сокровенныя глубины. Для теософа должна стать ясной истина, что главное въ задачѣ воспитанія—это пробужденіе потребности въ *самовоспитаніи*.

Цѣль истиннаго воспитателя—пробудить въ развивающемся человѣкѣ скорѣе желаніе самому работать надъ культурой своей души и характера. Интересно, что это желаніе является всегда вмѣстѣ съ пробужденіемъ религіознаго сознанія. Но это пробужденіе для многихъ совершается подъ вліяніемъ Красоты.

Но что мы называемъ Красотою?

Это есть частичное проявленіе на землѣ Божественной Гармоніи.

Проявленіе это рождается въ совершенствѣ звука, цвѣта, формы и движенія, сопровождающихъ жизнь души. Оно бываетъ еще ярче, когда раскрывается совершенство характера и чувства.

Мы подходимъ такимъ образомъ къ синтезу огромнаго значенія: къ синтезу эстетической и этической проблемы, порождаемой однимъ источникомъ—красотою.

Что есть эстетика?

Это наука, которая насъ учитъ понимать и осуществлять внѣшнюю красоту.

Что есть этика или мораль?

Это наука, которая насъ учитъ понимать и осуществлять внутреннюю красоту.

Очевидно, эстетика съ моралью тѣсно сплетаются. Красота звука, цвѣта и формы должна привести незамѣтно къ культу красоты душевной.

Мы должны согласиться, чтó называть наукой красоты? Эстетизмъ—не эстетика. Эстетизмъ не стремится къ правдѣ. Но—„ничто не прекрасно внѣ правды"—говоритъ Буало(Rien n'est beau que le vrai).

Условія проявленія красоты суть—простота и чистота. Истинная красота всегда сопровождается ими. Въ атмосферѣ чистоты расцвѣтаетъ талантъ, и потому артистъ долженъ научиться жить на высотахъ. Достаточно лишь одного корыстнаго движенія, эгоистичнаго желанія, земной заботы—и чистый потокъ вдохновенья замутился, и на мгновеніе художникъ потерялъ творческій геній.

Этотъ трагическій процессъ изображаетъ Гоголь въ своемъ „Портретѣ": богато одаренный молодой художникъ начинаетъ продавать свой талантъ; понемногу его способности тускнѣютъ, характеръ мельчаетъ, и талантъ погибаетъ вмѣстѣ съ нравственнымъ паденіемъ.

Совсѣмъ иное въ эстетизмѣ. Эстетизмъ не ищетъ красоты, ибо создать ее онъ не имѣетъ силы. Но зато онъ ищетъ эффекта, и всѣми средствами пользуется для этой цѣли. Бѣдный реальной жизнью, онъ стремится къ иллюзіи, нежданными яркими впечатлѣніями поражая наши нервы, стремясь въ нихъ вызвать хоть нѣкоторое ощущеніе. Не вѣдая истинной красоты, эстетизмъ можетъ жить въ самой нечистой атмосферѣ, позволяющей по контрасту ему усиливать эффекты. Онъ ищетъ жуткаго, искусственнаго и болѣзненнаго—и поэтому больше всего пользуется областью человѣческой страсти. Исторія даетъ поразительные примѣры крайностей эстетизма. Неронъ—свои оргіи и мученія христіанъ обставлялъ свѣтовыми эффектами и воспѣвалъ на лирѣ пожаръ, поглотившій тысячи жизней. Эстетизмъ рождаютъ эпохи нравственнаго и соціальнаго декаданса. Эстетизмъ не имѣетъ ничего общаго съ истинной красотой. Онъ ложенъ въ своей концепціи и ложенъ въ своемъ проявленіи. Культивируя только форму, онъ превращается въ отвратительную маску, въ своемъ отрицаніи духа, который лишь одинъ есть истинная жизнь.

Но эстетика, которая изучаетъ красоту и стремится ее осуществить, всегда беретъ вѣрную ноту, и становится такимъ образомъ сестрой морали на пути своего развитія. Но какъ свершается этотъ союзъ? Онъ совершается посредствомъ ритма, этого истиннаго моста между разными планами вселенной. Ибо жизнь есть божественный ритмъ, и ритмъ рождается съ проявленіемъ жизни.

Князь Волконскій даетъ очаровательное опредѣленіе ритма: „Ритмъ существуетъ, бьется и стучитъ во всей окружающей насъ вселенной. Капля дождя, мирно падающая съ крыши на песокъ; дятелъ, стучащій клювомъ въ звонкій стволъ осины; сороконожка, оставляющая на землѣ правильный рисунокъ своихъ слѣдовъ; звѣзда—своимъ мерцаніемъ то уменьшающая, то увеличивающая свой свѣтовой дискъ на лонѣ темной ночи; кукушка, съ такой геометрическою правильностью располагающая—музыкантъ сказалъ бы—дуали своего кукованія; волна морская, съ такимъ равномѣрнымъ однообразіемъ ложащаяся на берегъ, и по гремучимъ камнямъ возвращающаяся въ море, всѣ эти отмѣтки на безконечной лентѣ времени, удары всемірнаго сердцебіенія, которое осуществляется въ человѣкѣ. Но человѣкъ можетъ по желанію мѣнять и чужой, и свой собственный ритмъ, и эта способность, можетъ быть самая могущественная изъ всѣхъ способностей, дарованныхъ ему природой. Благодаря этой способности мѣнять присущій матеріи ритмъ, человѣкъ создалъ все то, чѣмъ заселилъ его окружающій міръ. Благодаря способности свой ритмъ сообщать матеріи и чужой ритмъ сдѣлать своимъ, человѣкъ создалъ и противупоставилъ природѣ—безъ него не существующій міръ искусства, и наконецъ, благодаря способности свою собственную волю направить на измѣненіе собственнаго ритма, человѣкъ воспитываетъ себя не для искусства только, а *для жизни*, для болѣе полной, болѣе разнообразной, болѣе яркой, для болѣе радостной жизни на землѣ [1]).

Писатель касается важнаго вопроса, ибо: если человѣкъ можетъ преображать свой ритмъ, придя въ гармонію съ созерцаемымъ явленіемъ, то въ этомъ и заключается тайна духовной алхиміи и возможности безграничнаго совершенствованія для человѣка.

Что происходитъ, когда мы, желая познать предметъ, устремляемъ на него свое вниманіе? Мы начинаемъ вибрировать созвучно съ нимъ, и въ этомъ сліяніи мы живемъ въ немъ, какъ и онъ въ насъ; происходитъ явленіе временнаго отожествленія, и все наше существо естественно приходитъ къ преображенію.

---

[1]) Волконскій. Красота и правда на сценѣ. Изд. Аполлонъ.

Возьмемъ простой примѣръ. Прогулка въ лѣсу: если вы разсѣяны, озабочены и едва замѣчаете тропинку, по которой идете, деревья, надъ головой вашей сплетающіяся вѣтвями, и небо, залитое заходящимъ солнцемъ, вы вернетесь домой съ чувствомъ нѣкоторой лишь физической бодрости, которая вамъ дастъ мало радости и ничему не научитъ. Но если вы оставите земныя эгоистическія заботы и отдадитесь созерцанію, вы почувствуете въ свѣжемъ и остромъ ароматѣ лѣса, и въ пѣснѣ неба, и въ зеленыхъ вѣткахъ, задѣвающихъ васъ, какую-то проникающую, чистую, благодѣтельную силу. Вы будете вибрировать въ униссонъ съ тайною природы, она станетъ для васъ живымъ символомъ *Духовной Реальности*. Вы поймете, что природа есть лишь одинъ изъ многочисленныхъ ея покрововъ. Какъ поэма, прозвучитъ ея голосъ въ вашей душѣ. Вы отвѣтите благодарнымъ гимномъ, съ благоговѣніемъ склоняясь предъ Тѣмъ, Кто научаетъ насъ познавать Его чрезъ столь прекрасные символы. Вы вернетесь со своей прогулки какъ бы другимъ человѣкомъ,—преисполненнымъ чистоты и мира, излучаемыхъ природой, съ которою на нѣсколько мгновеній вы были въ соприкосновеніи.

Если вы художникъ, поэтъ, вы можетъ быть создадите кантату, картину, поэму, которыя станутъ источниками вдохновенья для тѣхъ, кто ихъ узнаетъ. Или—вы можетъ быть просто начнете новый этапъ въ своей жизни, давъ обѣтъ стать нѣсколько лучше. Во всѣхъ этихъ случаяхъ—явленіе то же: вашъ духъ, соприкоснувшись на мгновенье съ божественнымъ Я, расширилъ ваше существо и пробудилъ въ немъ творческую силу, стремящуюся отдаваться и создавать. Чѣмъ глубже сліяніе въ часы созерцанія, тѣмъ значительнѣй результаты. Тайна генія — умѣть себя всецѣло отдать. И въ тишинѣ глубокихъ размышленій надъ созерцаемымъ, рождаются великія открытія, составляющія эпоху въ исторіи мысли и искусства. *Способность къ вниманію* есть черта, отличающая наиболѣе генія отъ другого человѣка (Фулье).

Во всякой дѣятельности эта способность существенна. И потому работа художника, мыслителя, поэта — начинается съ культуры вниманія.

Въ области нравственной—тѣ же законы и явленія. Ведущіе глубокую жизнь духа, становящіеся руководителями людей, всегда начинаютъ съ пробужденія въ насъ потребности въ собранности, во внутреннемъ вниманіи.

Въ жизни святыхъ—ясно обозначаются три стадіи переживаній:

I. Періодъ *концентраціи.* II. Стадія *созерцанія.* III. *Просвѣтленіе.*

Отецъ Ѳеофанъ такъ опредѣляетъ духовную работу: „Совершающій подвигъ вниманія стоитъ умно передъ Богомъ", *не отрывая отъ него очей ума...* Съ навыкомъ ходить передъ Богомъ, начинается перечистка сердца, чувствъ, желаній, помышленій, а до того времени, въ душѣ великая сумятица... (это есть)—стояніе умомъ въ сердцѣ (присутствіи Божіемъ)... Тогда наступаетъ внутренняя тишина, такая великая тишина, что муха пролетитъ, услышишь. Когда наступитъ „*тишина*", вырабатываются слѣдущія качества:

Углубленное вниканіе.

Мирное расположеніе ко всѣмъ, даже врагамъ.

Не расхищеніе мысли.

Необремененіе сердца заботами житейскими.

Непривязанность ни къ чему земному [1]).

Дальше онъ говоритъ: „стремленіе къ добру то же, что стремленіе пребывать въ Богѣ, или богообщеніе". При такомъ общеніи человѣкъ непремѣнно придетъ къ необходимости—„учредить согласіе внѣшняго человѣка съ внутреннимъ". И любовь человѣка къ Богу дѣлается неудержимой силой добра, стремленіемъ отдаться и на всѣ существа излиться.

Интересно, что философія знаетъ эти же законы, и сила концентраціи признается методомъ гносеологіи. Такъ, Фихте говоритъ, что предметы внѣшняго міра создаются въ сверхличномъ сознаніи нашемъ и даны человѣческому „я" для созерцанія. Созерцая, человѣкъ научается познавать міръ, который есть ничто иное, какъ образъ Бога.

Тѣмъ же методомъ Шеллингъ приходитъ къ убѣжденію: „Я есмь духъ живой". И Гегель говоритъ: „истинное познаніе „Абсолюта" возможно лишь въ созерцаніи, насъ возносящемъ надъ всякой концепціей.

Изъ всѣхъ этихъ писаній святыхъ и философовъ вытекаютъ три истины:

I. Духовная работа, какъ всякая работа, требуетъ сосредоточеннаго вниманія и начинается съ концентраціи.

II. Созерцаемый великій предметъ могущественно помогаетъ концентраціи.

---

[1]) Отецъ Ѳеофанъ. Письма о христіанской жизни. Гл. Очищеніе сердца.

III. Въ созерцаніи свершается интимный процессъ отожествленья, приводящій насъ въ гармонію съ предметомъ созерцанія и преображающій того, кто созерцаетъ.

Въ этомъ преображеніи, за которымъ слѣдуетъ просвѣтленіе, рождается духовное знаніе, гнозисъ, въ которомъ сливаются любовь и знаніе, рождая мудрость. А мудрость въ свою очередь, озаряя волю, устремляетъ ее на служеніе. Человѣкъ становится слугой Бога и человѣчества.

Послѣднее высочайшее выраженіе этого состоянія души мы находимъ въ Ведантѣ, въ восклицаніи индусскаго Іоги—tat twam asi (то ты еси).

Это есть отожествленіе просвѣтленнаго „я" съ божественнымъ „Я", и признаніе этой божественности въ каждомъ человѣкѣ, великомъ и маломъ, прекрасномъ, безобразномъ, сильномъ и слабомъ, въ мудрецѣ святомъ—и въ дикарѣ темномъ. Это—кульминаціонная точка, которой можетъ достичь наша просвѣтленная мысль во время медитаціи; то вдохновенное состояніе души, которое возноситъ до конечнаго сліянія, до полнаго торжества духа и полной побѣды надъ иллюзіей матеріи.

Достичь такой высоты мудрецы и святые могли лишь черезъ преклоненіе передъ конкретнымъ идеаломъ, божественнымъ Гуру, Магадэвой— лотосовыя стопы котораго стоятъ на пламени священной земли. Они созерцаютъ Лицо, по образу котораго перестраиваютъ свое „я" такъ, какъ художникъ создаетъ свою картину—созерцая небесное видѣнье, представшее ему, какъ поэтъ воспѣваетъ своего героя, взирая на образъ лучшихъ своихъ мечтаній. Душа для роста также нуждается въ модели, и потому человѣкъ, стремящійся къ духовной жизни, долженъ сознательно ставить передъ собой образъ Того, который является для насъ живымъ символомъ красоты душевной.

Желая помочь молодому поколѣнію, мы должны передъ нимъ поставить великій идеалъ, который дастъ, для культивированія внутренней жизни, необходимое вдохновеніе. Въ созерцаніи идеала мы приходимъ даже невольно въ гармонію съ нимъ, и эти нѣсколько мгновеній, когда мы вибрируемъ съ нимъ созвучно, естественно преображаютъ нашъ ритмъ въ болѣе высокій и тонкій. Мы какъ бы на время отожествляемся съ идеаломъ—и расцвѣтаемъ въ его прекрасной и чистой атмосферѣ и сами становимся чище и добрѣе. Въ такіе часы созерцаній мы открываемъ божественность нашу, наши божественныя силы. И мы хотимъ снова и снова испытывать сліяніе съ нашимъ внутреннимъ Богомъ. Съ

этой цѣлью мы начинаемъ огромный, тернистый трудъ очищенія, ибо мы чувствуемъ, что надо стать достойнымъ—испытывать всю глубокую радость такого соприкосновенья, и что лишь чистота открываетъ намъ Бога. Это великій стимулъ для работы нашей воли. Работа просвѣтляется любовью и преображаетъ пассивное желаніе добра въ активную, сознательную энергію на всѣхъ планахъ. Изъ состоянія статическаго мораль переходитъ въ состояніе дѣйственное.

Насъ пробуждаетъ любовь къ созерцаемому идеалу. Соприкосновеніе съ нимъ даетъ намъ глубокое удовлетвореніе. Въ его красотѣ мы находимъ стимулъ, становящійся могучею силой и заставляющій дѣятельно приняться за систематическую работу надъ душевной культурой. Эта культура еще болѣе развиваетъ могущество, силу нашей очищенной воли и мы приходимъ все болѣе въ гармонію съ Предметомъ нашего поклоненія и для изліянія внутренней собранной силы, мы находимъ выходъ въ пути служенія.

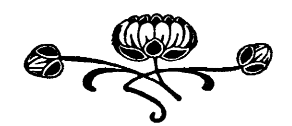
Для духовнаго роста, нѣтъ большей помощи, какъ *признать* кого-либо, кто больше насъ, и *слѣдовать* за нимъ всею душевной силой. Нѣтъ болѣе неисчерпаемаго источника вдохновенія, какъ божественный идеалъ, поставленный передъ нами Теософіей въ царственныхъ образахъ Учителей Мудрости и Состраданія. Одна лишь мысль о Нихъ пронизываетъ нашу душу радостнымъ и священнымъ трепетомъ благоговѣйнаго предчувствія...

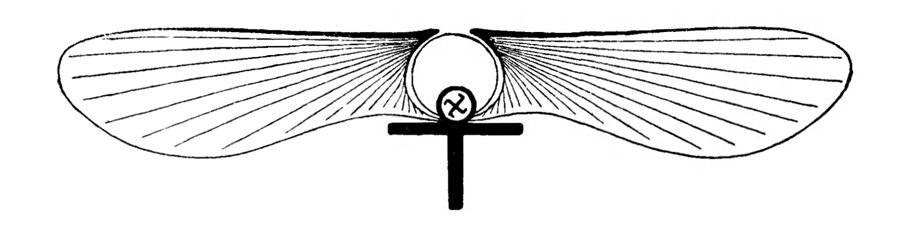
Какую власть могутъ имѣть надъ нами испытанія, скорби или бури, когда душа однажды имѣла лучезарное видѣніе Тѣхъ, Кто руководитъ жизнью міровъ, когда она уже поняла реальность пути, ведущаго къ ногамъ Ихъ. Отъ этого видѣнія славы рождается неизрѣченная радость служить и миръ, всегда поддерживающій пыланіе внутренняго свѣта.

Воистину, нѣтъ силы болѣе могучей, чѣмъ красота, нѣтъ большей власти и большаго вдохновенія.

Великій безсознательный теософъ Достоевскій былъ пророкомъ, говоря: красота міръ спасетъ.

Alba.





Нищіе духомъ.

У большинства изъ насъ—людей, соприкоснувшихся съ Теософіей, встрѣчались въ жизни минуты, когда относительное спокойствіе нашего внутренняго міра позволяло нашему сознанію почувствовать, какъ прекрасенъ и гармониченъ внѣшній міръ, какая красота и мудрость царствуетъ тамъ, позволяло почувствовать, что мы дѣйствительно находимся въ Храмѣ, Храмѣ познанія, и что только отсутствіе въ насъ „Царства Неба“, о которомъ говорилъ Учитель изъ Назарета, вѣрнѣе—неумѣніе наше осознать это внутреннее царство, мѣшаетъ намъ видѣть и внѣшній храмъ. И у большинства изъ насъ минуты эти проходятъ, чтобы дать мѣсто другимъ, когда мысль о томъ, что всѣ сферы Космоса вокругъ насъ, что Нирвана такъ же близка, какъ и физическій планъ, кажется злой насмѣшкой надъ мятежной, тоскующей и скорбящей душой, тщетно ищущей мира. Въ такіе моменты самая увѣренность что солнце *есть*, и только *мы* закрылись отъ него, со страшною остротою ставитъ вопросъ: что же въ насъ мѣшаетъ видѣть красоту, правду, радость, *существующія* вокругъ, и превращаетъ ихъ въ безобразіе и скорбь? Что убиваетъ въ насъ реальность, и если *умъ* дѣйствительно „великій убійца“ ея, то какъ происходитъ это? Почему сегодняшній помощникъ и другъ, а вчерашній управляющій и опекунъ является убійцей и какъ одолѣть его, какъ „смести съ него пыль нашихъ иллюзій“, которой онъ покрывается, „отражая“? Какъ научиться видѣть не „свой“ космосъ, являющійся отраженіемъ всего незнанія и неустройства нашего, а Космосъ Божій?

Старые алхимики учили, что для опыта „Великаго Дѣланія“ ars magna—нуженъ только одинъ сосудъ—атаноръ, одна реторта, но способная выдержать самое сильное пламя, ради того, чтобы скрытыя въ ней цѣнности отдѣлились отъ всего грубаго, отъ всего

дѣлающаго ихъ земными, превратились въ чистое золото, достойное небеснаго огня. Мы всѣ имѣемъ этотъ чудесный сосудъ, этотъ атаноръ для производства алхимическаго опыта. Намъ дана въ полное наше распоряженіе наша *личность*, въ которой на раскаленномъ горнѣ земной жизни мы возгоняемъ нашъ духъ, личность, въ которой мы видимъ, какъ тонкія силы мысли и чувства превращаются въ перемѣщеніе изъ одного мѣста въ другое аггрегатовъ физическихъ атомовъ, перемѣщеніе, воспринимаемое нами, какъ рожденіе и смерть, обѣтованія и угрозы, ласки или мученія. Присматриваясь къ этому протекающему передъ нашими внутренними глазами опыту, изучая— какъ узнаемъ мы внѣшній міръ и что къ узнанному мы добавляемъ своего,—мы можемъ уяснить себѣ, какого рода „пыль“ покрываетъ наше „зеркало“. „Наблюдай свои ощущенія“, говорится въ „Свѣтѣ на пути“, „и поучайся у нихъ, ибо такъ начинается самопознаніе“...

Если мы спросимъ себя, что мы знаемъ объ окружающемъ насъ мірѣ,– въ нашемъ сознаніи появится цѣлый потокъ мыслей, частью сплетенный изъ зрительныхъ и слуховыхъ образовъ, главнымъ же образомъ состоящій изъ словъ. Если мы захотимъ передать свое знаніе другому, мы почти исключительно будемъ пользоваться словами. Что же такое слово?

Остановимъ на нѣкоторое время наше сознаніе на какомъ-нибудь словѣ, и мы замѣтимъ, что со словомъ этимъ связанъ для насъ цѣлый рядъ образовъ, воспринятыхъ нами изъ внѣшняго міра, одновременно съ тѣмъ, какъ мы слышали, произносили или мыслили это слово въ прошломъ. Слово, такимъ образомъ, является для насъ условнымъ знакомъ, обозначающимъ нѣкоторую группу воспоминаній. Слово только колышекъ, къ которому привязанъ пучекъ разноцвѣтныхъ лентъ, тянущихся изъ нашего прошлаго, колышекъ, сдѣланный лишь для удобства отыскиванія нужнаго воспоминанія. Между тѣмъ мы очень склонны придавать словамъ значеніе реальной, а не символической цѣнности, склонны думать, что изучая слова или ряды словъ, связанные по внѣшнимъ законамъ нашего мышленія, мы можемъ чему-нибудь научиться. И это книжное знаніе, знаніе словесныхъ формулъ, не проведенное черезъ нашу суть и потому такъ же похожее на настоящее знаніе, какъ косметическій румянецъ на здоровье—является первой стѣной, отгораживающей насъ отъ Божьяго міра и первой внѣшней оградой нашей „собственной“ тюрьмы. Но если эта первая ограда создается не въ силу желѣзной необходимости, а только вслѣдствіе нашей

лѣни и вовсе не является обязательной, то слѣдующая, лежащая за ней, неизбѣжна по самому заложенному въ ней принципу. Я говорю о томъ экранѣ, который отдѣляетъ насъ отъ „всего“, чтобы тѣмъ яснѣе мы увидѣли „остальное“, то есть объ органахъ нашихъ чувствъ, соединяющихъ или, вѣрнѣе, разобщающихъ насъ отъ внѣшняго міра.

Мы свыклись съ мыслью, что каждая точка Космоса является центромъ, посылающимъ по всѣмъ направленіямъ безчисленное множество разнаго рода вибрацій, отзываясь этимъ на жизнь цѣлаго и внося въ эту общую жизнь свою ноту. И вотъ изъ этого немолчнаго оркестра наше земное, бодрствующее сознаніе улавливаетъ всего пять категорій; всего пять струнъ отзываются внутри насъ на все многообразіе міра. Эти струны натянуты въ насъ вѣчнымъ разумомъ природы, онѣ настроены для нуждъ животнаго, для цѣлей строительства и сохраненія пластичной и устойчивой формы, могущей служить хорошимъ орудіемъ растущему духу. Но мы уже давно переросли эти цѣли и мы не пользуемся матеріаломъ, доставляемымъ намъ органами чувствъ, такъ, какъ пользовалось ими животное, воспринимая все, что доходило черезъ нихъ. Взявъ, до извѣстной степени, свою эволюцію въ свои собственныя руки, мы, правда, не создаемъ себѣ новыхъ физическихъ органовъ чувствъ (вѣрнѣе сказать, измѣненія этихъ органовъ совершаются настолько медленно, что мы почти не замѣчаемъ, что они становятся другими), но зато мы такъ дрессируемъ наше вниманіе, что изъ внѣшняго міра доходитъ къ намъ только то, что представляетъ интересъ для данной личности. Представьте себѣ мѣстность, черезъ которую проходятъ усталый путникъ, художникъ, земледѣлецъ, врачъ и артиллеристъ, выбирающій позицію для своей батареи. Вѣдь они увидятъ совершенно различныя вещи, совсѣмъ такъ, какъ если бы наблюденія ихъ касались различнѣйшихъ уголковъ земли, и все это произойдетъ потому, что путнику самымъ важнымъ во всемъ будетъ представляться разстояніе до ночлега и возможность по свойствамъ дороги дойти до него засвѣтло, художникъ будетъ видѣть только формы и краски, независимо ихъ значенія для кого бы то ни было, въ то время какъ земледѣлецъ будетъ смотрѣть на тѣ же предметы, какъ на полезные или вредные, не замѣчая ни формы ихъ, не окраски, поскольку таковыя не имѣютъ значенія въ земледѣльческой промышленности; наконецъ, врачъ усмотритъ въ очаровавшемъ художника серебристомъ покрывалѣ тумана только явственныя указанія на малярію, а артиллеристъ найдетъ эту кра-

сивую, плодородную и населенную равнину никуда негодной, потому что вслѣдствіе „неудобнаго“ расположенія лѣсовъ и рощъ, тутъ никуда негоденъ „обстрѣлъ“, то есть потому, что здѣсь неудобно одновременно лишать жизни людей въ достаточно большомъ количествѣ.

Видѣть „свой“ космосъ еще не значитъ видѣть хаосъ, видѣть только рядъ противорѣчивыхъ, борящихся, дисгармоничныхъ и уродливыхъ образовъ, вызывающихъ острое чувство разлада и скорби. На всѣхъ ступеняхъ эволюціи нашей, до самаго дня „Будь съ нами“ мы будемъ видѣть „свой“ космосъ, и до самаго этого „дня великаго мира“, когда весь спектръ Вселенной снова потонетъ въ Единомъ, никогда не перестававшемъ существовать, Бѣломъ Лучѣ,—мы будемъ видѣть несовершенный космосъ, но теперь мы видимъ не эволюцію менѣе совершеннаго къ Идеалу, а безцѣльную, безконечную битву каждаго противъ всѣхъ, хаосъ элементовъ, рожденныхъ случаемъ и выращенныхъ враждою. „Свой“ космосъ и теперь можетъ быть прекраснымъ. Истинный художникъ, напримѣръ, живетъ въ чарующемъ мірѣ. Уродливъ нашъ космосъ: путника, думающаго только объ ужинѣ и ночлегѣ, врача, не видящаго ничего кромѣ болѣзни, артиллериста, заботящагося только объ удобствѣ убійства...

Космосъ обывателя—маленькаго, средняго человѣка мучитъ и давитъ его не потому, что космосъ этотъ уродливъ самъ по себѣ. И глубочайшій мыслитель, и величайшій художникъ, видящіе міръ какъ гармоничное и полное красоты цѣлое, если только они люди, видятъ извращенное отраженіе, уродливую копію той неизреченной славы, которая существуетъ въ реальности, то есть въ сознаніи Единаго. Мученія и скорбь вноситъ не степень абсолютнаго несовершенства созданнаго нами космоса. Причина ихъ въ томъ, что и мы, маленькіе люди, переросли уже созданные нами міры. Какъ не можемъ мы уже быть только животными, видѣть міръ, какимъ онъ кажется, не вкладывая въ него своего содержанія, такъ не можемъ мы смотрѣть на него только глазами военнаго, ученаго или земледѣльца, видѣть въ немъ только то, что важно для личности, для узенькихъ, конечныхъ цѣлей нашего земного, конечнаго существованія. Насъ уже коснулся быстрымъ крыломъ своимъ трепетъ Вѣчности, уже забросилъ въ насъ сѣмя тоски по Идеалу, жажды вселенской правды, алчбы предвѣчной Истины. И вотъ прежній, созданный нами конечный космосъ, космосъ личности, сразу сталъ одною великою ложью, ибо онъ уже не нашъ, мы уже переросли его. А смотрѣть иначе, смотрѣть

такъ, чтобы увидѣть новый міръ, найти теперешній свой космосъ, который, отвѣчая нашему Я, будучи гармониченъ съ нимъ, этимъ правильно отразилъ бы реальный Космосъ, гармоничный Моносу,— видѣть этотъ космосъ мы еще не умѣемъ. Разладъ, ложь, дисгармонія развиваются вслѣдствіе косности нашего представленія о мірѣ, не успѣвающаго слѣдовать за нашимъ Идеаломъ. Идеалъ опережаетъ дѣйствительность, но не реальную дѣйствительность, а дѣйствительность, мыслимую нами, ибо видимъ мы то, что мы мыслимъ. Эта иллюзорная дѣйствительность сковываетъ насъ, мѣшаетъ нашему Идеалу вести насъ впередъ, пока мы не преодолѣемъ косность нашихъ представленій о мірѣ, не разобьемъ оковъ, и, увидѣвъ, благодаря этому, иную, болѣе реальную дѣйствительность, не сдѣлаемъ слѣдующаго шага впередъ. Посмотримъ же, отчего зависитъ косность нашихъ представленій о мірѣ, этихъ клубковъ разноцвѣтныхъ лентъ воспоминаній, тянущихся изъ прошлаго, этихъ сложныхъ сплетеній, комплексовъ, скрытыхъ за мыслимыми или произносимыми нами словами.

Если мы начнемъ разсматривать какой-нибудь комплексъ, насъ прежде всего поразитъ, какъ глубоко иногда заходятъ корни его въ нашу жизнь. Это особенно замѣтно бываетъ, когда тотъ или иной комплексъ пріобрѣтаетъ почему-либо исключительный интересъ. Посмотрите на того, кто недавно потерялъ какого-нибудь близкаго человѣка. Каждая вещь, съ которой былъ въ соприкосновеніи умершій, каждое обстоятельство, въ которомъ онъ участвовалъ, напоминаютъ о немъ, пріобрѣтаютъ особенный интересъ и цѣнность. Тотъ комплексъ въ нашемъ сознаніи, который соотвѣтствовалъ умершему во внѣшнемъ мірѣ, какъ бы натягивается чрезвычайнымъ, касающимся его обстоятельствомъ, и это дѣлаетъ замѣтнымъ, какъ далеко идутъ нити, его составляющія. Но такъ-же далеко уходятъ въ минувшее корни любого другого комплекса, входящаго въ сумму нашихъ представленій о мірѣ, и эти ниточки, заплетенныя въ причудливую ткань былыхъ воспоминаній, создаютъ чрезвычайно крѣпкую связь между нашею мыслью теперь и разнаго рода сужденіями и взглядами, подчасъ уже давно позабытыми, высказанными въ прошломъ. Эта связь, эти оковы, наложенныя умершими мыслями на вновь рождающіяся, есть первое обстоятельство, вызывающее косность нашихъ представленій о мірѣ, инертность нашихъ комплексовъ. Но мысль быстро сумѣла бы разорвать свои оковы, если бы ее связывали только мысли же. Если она оказывается побѣжденной, то это потому, что врагъ значительно болѣе силенъ.

Всякое наше переживаніе, отъ физическаго усилія до наивысшей вспышки вдохновенія, сопровождается опредѣленнымъ эмоціональнымъ тономъ. Въ нѣжную сѣть ментальныхъ шелковинокъ, составляющихъ наши комплексы, неотдѣлимо вплетены значительно болѣе грубыя, значительно болѣе инертныя астральныя нити. Эмоціональный тонъ окрашиваетъ опредѣленный моментъ бытія со всѣми входящими въ него элементами и черезъ это проникаетъ во всѣ комплексы, связанные съ этимъ моментомъ. Связь можетъ быть чисто внѣшней и случайной, но если тонъ былъ рѣзокъ, то комплексъ окрасится имъ навсегда. Человѣкъ можетъ всю жизнь чувствовать ужасъ при видѣ телеграфиста, если первая въ жизни телеграмма, полученная имъ, будетъ извѣщать о непоправимомъ несчастіи. Лучшій пейзажъ земли будетъ вызывать тоску, если онъ былъ внѣшнимъ міромъ, когда мы переходили пустыню покинутости; шумный перекрестокъ города можетъ быть дорогъ, какъ другъ, если онъ былъ освященъ радостью встрѣчи. Попробуйте припомнить, почему сталъ дорогъ вамъ незамысловатый мотивъ, или слабый ароматъ увядшихъ цвѣтовъ, или ритмическое покачиваніе желѣзнодорожнаго вагона.

Когда мы скорбимъ объ умершемъ, то значительную долю скорби нашей составляетъ жалость къ себѣ. Передъ нашимъ сознаніемъ проходитъ рядъ воспоминаній, связанныхъ съ умершимъ, я бы сказалъ—разварачивается отражающій его комплексъ, и къ каждому моменту, его составляющему, мы прикладываемъ черную печать рокового „никогда", и намъ становится больно уже не потому только, что въ жизнь нашу не внесетъ болѣе радости ушедшій, то есть жалко не себя только, а и тѣхъ моментовъ прошлаго, которые теперь только окончательно умираютъ, когда умерла ихъ надежда на воскресенье, то есть ихъ создатель. Переживая, что значитъ „это не повторится уже никогда", мы узнаемъ, какое важное мѣсто среди всего, что мы имѣемъ, занимаютъ воспоминанія. Въ сущности это даже единственное, что мы имѣемъ, такъ какъ и наши знанія, и наши надежды,—только перегруппированныя воспоминанія, а настоящее,—это законное наше наслѣдство и реальное богатство, для насъ недоступно, мы не научились еще его замѣчать иначе, какъ уже умершимъ, когда оно становится опять-таки воспоминаніемъ только что сейчасъ совершившагося. И эта цѣнность воспоминаній вызываетъ съ нашей стороны самую тщательную охрану ихъ, не въ томъ смыслѣ, чтобы ихъ не забыть—мы достаточно небрежны, чтобы разбрасывать и единственное сокровище—нѣтъ, мы только ревниво слѣдимъ, какъ

бы чего не перемѣнить въ нашихъ воспоминаніяхъ. Припомните, какъ горько и обидно бываетъ узнать, что какой-нибудь фактъ, который мы запомнили съ дѣтства, оказывается, въ дѣйствительности происходилъ совсѣмъ не такъ, какъ сохранилось въ вашей памяти. Тотъ, кто исправитъ такимъ образомъ ваше воспоминаніе, окажетъ дурную услугу: старый мыслеобразъ, разъ извѣстна его неправильность, потеряетъ вкусъ реальности, а новаго на его мѣсто создать невозможно, если, конечно, не удастся правильно вспомнить. Посмотрите, въ чемъ отчаяніе при мысли, что васъ все время обманывали; опять-таки въ томъ же: у васъ убиваютъ воспоминанія. Въ каждое изъ нихъ, такъ или иначе связанное съ лжецомъ, подливается капелька яду, и оно уже разрушено все. Это убійство прошлаго едва ли не самый тяжкій видъ убійства, ибо трупы остаются прикованными до конца дней къ живому, къ тому, кто былъ жертвой обмана. И этотъ ужасъ—жить съ воспоминаніями, отравленными сознаніемъ ихъ ложности, заставляетъ насъ защищать свои воспоминанія, какъ собственную жизнь. Представьте себѣ, какъ боролись бы вы противъ мысли, подозрѣній, очевидности, что близкій вамъ человѣкъ, съ которымъ вы прожили жизнь—безчестенъ. Здѣсь вы защищались бы не только отъ возможности ошибочнаго сужденія—мы съ легкимъ сердцемъ дѣлаемъ ошибочныя сужденія—и не отъ необходимости предпринимать какіе-нибудь непріятные шаги—можно не предпринимать никакихъ непріятныхъ шаговъ и попрежнему любить близкаго человѣка, оказавшагося столь несчастнымъ, какъ заслуживающій такого наименованія—нѣтъ, здѣсь защищались бы именно ваши воспоминанія, которымъ угрожала бы опасность потерять весь свой смыслъ и все свое право на существованіе, и защищался бы созданный вами свѣтлый комплексъ, отраженіе вашего близкаго, которому угрожало бы перемѣщеніе въ группу отрицательныхъ элементовъ съ соотвѣтственною перестановкою еще быть можетъ многихъ другихъ комплексовъ.

И не мудрено, что мы съ отчаяніемъ защищаемся отъ этой опасности: наше сознаніе все еще заключено въ личности, въ этомъ маленькомъ отрѣзкѣ нашей космической жизни между двумя рожденіями. А что такое въ концѣ концовъ личность, какъ не сумма воспоминаній, отнесенная къ условному центру низшаго Я, и построенныхъ изъ этихъ воспоминаній образовъ надеждъ, къ которымъ бѣшено влекутъ колесницу Я кони желаній. И, защищая комплексы, эту ткань, сплетенную изъ ментальныхъ образовъ и астральныхъ тоновъ, „кама-манасъ“ теософической лите-

ратуры, защищая комплексы и составленныя изъ нихъ воспоминанія, мы защищаемъ личность свою, свою душу, ту самую душу, которую нельзя найти, какъ сказалъ Великій Учитель, если предварительно ее не погубить.

Теперь вообразите себѣ всю сложную картину психической дѣятельности человѣка. Каждый моментъ миріады волнъ самаго различнаго характера бьются объ его сознаніе. Только самое незначительное количество ихъ воспринимается нами, какъ ощущенія, и все же этихъ ощущеній такъ много въ каждую дробь секунды. Память о связанныхъ съ ощущеніями переживаніяхъ наслажденія или страданія рождаетъ притяженіе и отталкиваніе къ каждому изъ нихъ того, что мы ощущаемъ, какъ чувствующее Я, и характеръ осуществленія этихъ импульсовъ тяготѣнія переживается нами, какъ благосостояніе или какъ боль.

Надъ пестрымъ узоромъ зеленыхъ пятенъ, свѣтовыхъ бликовъ, ощущенія свѣжаго воздуха и пріятной прохлады встаютъ мыслеобразы длительнаго отдыха и покоя, связанные съ этими ощущеніями въ прошломъ: мы наслаждаемся лѣсомъ, своей прогулкой, и узоръ воспоминаній непрерывно нарастаетъ за счетъ непрекращающейся игры смѣны настроеній. Общій тонъ настроенія окрашиваетъ въ свой оттѣнокъ всѣ мысли, и на всѣ предметы, которыхъ коснулась наша мысль во время прогулки, отнынѣ ляжетъ свѣжій ароматъ лѣса. Онъ будетъ заглушенъ немедленно слоемъ настроеній слѣдующей минуты, но слѣдъ отъ этого настроенія все же не можетъ исчезнуть никогда и можетъ вспыхнуть самымъ неожиданнымъ для насъ образомъ.

Мы мыслимъ. Это значитъ, что мы перебираемъ въ сознаніи своемъ тѣ или иные комплексы, сплетенія памяти отъ ощущеній съ памятью отъ сопутствующихъ переживаній, и группируемъ эти комплексы такъ, чтобы весь внѣшній міръ, все, что выражаетъ вся сумма ихъ, представлялся нашему сознанію въ возможно болѣе простомъ и гармоничномъ видѣ. Мы отбираемъ то, что намъ кажется существеннымъ отъ представляющагося второстепеннымъ, и, сообразно этимъ главнымъ признакамъ, привязываемъ разбираемый комплексъ къ той или иной группѣ (тоже комплексу, но болѣе общаго порядка). Мы говоримъ, что лицо „А“ значительно умнѣе, чѣмъ, намъ казалось ранѣе, другими словами, мы усматриваемъ въ комплексѣ „а“, соответствующемъ въ нашемъ сознаніи лицу „А“, въ космосѣ, нѣкоторые признаки, позволяющіе связать комплексъ „а“ съ комплексомъ „умные люди“. Далѣе, мы можемъ мыслить, что умъ такихъ людей, какъ „А“, не освѣщаемый

любовью, является отрицательнымъ качествомъ,—и вотъ мы связали комплексъ „умные люди“ черезъ комплексъ „отсутствіе любви“ съ группою „отрицательныя качества“. Вся наша мыслительная дѣятельность и есть только связываніе этихъ ниточекъ, связывающихъ вмѣстѣ не понятія только, какъ привыкли мы думать, а понятія плюсъ связанныя съ ними эмоціи.

Сама по себѣ работа установленія связей настолько трудна, что удачное осуществленіе ея сопровождается чувствомъ глубокаго удовлетворенія отъ рѣшенной проблемы, и этотъ эмоціональный тонъ интеллектуальной работы заплетаетъ ея результаты въ общую ткань воспоминаній объ переживаніяхъ, въ ткань эмоціональной жизни съ ея абсолютной и самодовлѣющей цѣнностью. Это значитъ, что результаты интеллектуальнаго процесса становятся для насъ дороги не вслѣдствіе своей интеллектуальной цѣнности, не вслѣдствіе того, что они правильно разрѣшаютъ проблему, упрощаютъ пониманіе міра и обогащаютъ насъ познаніемъ о реальности, а потому, что они *наши*, потому, что мы употребили на созданіе ихъ усиліе, были въ моментъ созданія удовлетворены ими, пережили восторгъ творчества, и этотъ восторгъ сталъ такою частицею нашей личности, что признать теперь эти результаты интеллектуальнаго процесса ничтожными—значитъ совершить то убійство прошлаго, которое такъ страшно, и противъ покушенія на которое мы будемъ бороться энергичнѣе, чѣмъ противъ покушенія на нашу физическую жизнь. Вотъ такого порядка переживанія и являются одною изъ главнѣйшихъ причинъ косности нашихъ комплексовъ и связанныхъ съ ними представленій, причиною воспріятія міра, превращающаго храмъ Бога Живого въ мрачную тюрьму человѣка.

Когда являются обстоятельства или соображенія, могущія повліять на наши сужденія о томъ или иномъ предметѣ, насъ прежде всего останавливаетъ ощущеніе, что тотъ, съ такимъ трудомъ достигнутый порядокъ, который существуетъ въ нашемъ внутреннемъ мірѣ, неминуемо нарушится. Въ каждый данный моментъ у насъ существуетъ, въ общихъ чертахъ, законченное міровоззрѣніе, въ которомъ всѣ комплексы, составляющіе содержаніе нашей внутренней жизни, имѣютъ свое опредѣленное мѣсто, связаны въ группы все болѣе обобщающаго характера и даютъ намъ иллюзію, что намъ все понятно, иллюзію, дарующую успокоеніе. Если разорвать хотя одну ниточку этихъ групповыхъ связей, иллюзія порядка исчезнетъ мгновенно, и мы не будемъ въ состояніи успокоиться, пока или не возстановимъ старой связи, или не завяжемъ

новой, быть можетъ такой же непрочной, и случайной, какъ старая, но внѣшне достаточно крѣпкой и потому могущей успокоить насъ до тѣхъ поръ, пока жизнь не испытаетъ этой нити на разрывъ и не покажетъ намъ, правильно, или снова ошибочно мы сгруппировали явленія. Чѣмъ болѣе обобщающаго комплекса коснется соображеніе, тѣмъ больше нитей, соединяющихъ съ подчиненными комплексами натянется, и тѣмъ большій безпорядокъ будетъ угрожать въ случаѣ разрыва. Мы легко соглашаемся исправить наше мнѣніе объ единичномъ фактѣ, насъ не касающемся; съ громаднымъ трудомъ мы воспринимаемъ фактъ, затрагивающій цѣпь сужденій, съ которыми мы сроднились, и иногда рѣшительно откажемся даже слышать о чемъ-нибудь, могущемъ пошатнуть все наше міровоззрѣніе. Какъ ни плохъ тотъ порядокъ, который установленъ въ мірѣ нашихъ комплексовъ, но лучше онъ, чѣмъ страшный хаосъ, который возникнетъ, если неосторожно тронуть ветхое, поддерживаемое подпорочками зданіе.

Къ страху безпорядка, страху передъ трудностью новой постройки міросозерцанія, присоединяется еще жалость, что работу, потраченную на созданіе существующей группировки, придется признать напрасной. И чѣмъ больше было этой работы, чѣмъ съ большими усиліями и страданіями рождалось міросозерцаніе, которому угрожаетъ опасность, тѣмъ труднѣе будетъ приступить къ его пересмотру, тѣмъ болѣе будетъ соблазна ограничиться его защитой. Ибо все пережитое при созданіи его, всѣ минуты вдохновенія и всѣ муки творчества придутъ и будутъ просить пощадить ихъ. Вѣдь онѣ умрутъ безъ воскресенія, если будетъ признано ничтожнымъ то, что рождено ими, свѣтъ чего дѣлаетъ ихъ прекрасными и живыми до сихъ поръ.

Если будетъ побѣжденъ и страхъ безпорядка, и боязнь усилій, и жалость къ прошлой работѣ, то на защиту стараго міровоззрѣнія придутъ болѣе частныя воспоминанія, хотя бы самою отдаленною связью сращенныя съ тою группою, которой угрожаетъ существенная перемѣна. Если рѣчь идетъ о религіозномъ міросозерцаніи, придутъ воспоминанія дѣтства съ великими праздниками, уютными лампадочками, скорбью кадильнаго дыма, окутывающаго дорогого умершаго, скорбью, ставшей сладкой потому, что она далека.

Если угроза относится къ научному построенію, всплывутъ переживанія раскрывавшихся горизонтовъ, молодыхъ увлеченій, вѣры въ непогрѣшимость и всеобъемлемость науки, — и сомнительная

формула богословскаго или позитивно-матеріалистическаго катехизиса будетъ прятаться отъ провѣрки за свѣтлымъ щитомъ дѣтской вѣры или юношескаго энтузіазма.

Надо замѣтить и снова подчеркнуть, что эта оборона личности отъ покушенія на ея психическую цѣлостность есть дѣйствительно защита отъ великой скорби. Когда ломается міросозерцаніе, когда переоцѣниваются цѣнности, происходитъ въ человѣкѣ поистинѣ страшный судъ и тяжкое страданіе, ибо все пережитое *наново* связывается въ группы; и то, что казалось свѣтлымъ, сливается съ тьмой; то, что было гордостью, становится мѣщанствомъ, умъ—узостью, благоразуміе—грѣхомъ, а униженіе—побѣдой. И каждый моментъ жизни, связанный съ перестраиваемыми комплексами, становится инымъ, не такимъ какъ прежде, то-есть *умираютъ* дѣйствительно старыя переживанія и остаются только трупы ихъ, въ которые уже не можетъ мысленно вселиться Я и почувствовать себя ими, какъ можетъ оно вселиться въ живое воспоминаніе. И эта перестройка комплексовъ и смерть связанныхъ съ ними воспоминаній воистину напоминаетъ умираніе человѣка.

Этой дѣйствительно страшной субективной цѣнности комплексовъ, цѣнности, созданной тѣмъ, что изъ комплексовъ состоитъ личность, что разрушеніе ихъ группировки и взаимной связи воспринимается какъ болѣзнь и требуетъ немедленнаго возстановленія, а перегруппировка нарушаетъ жизненность отдѣльныхъ комплексовъ, вызываетъ умираніе воспоминаній и своеобразную пустоту и омертвѣніе человѣка, — этой субъективной цѣнности соотвѣтствуетъ большое субъективное ихъ значеніе.

Входящій въ составъ комплекса эмоціональный элементъ придаетъ ему значеніе, свойственное всякой эмоціи, значеніе реальности, несомнѣнности. Такимъ образомъ, если данное понятіе переплелось въ насъ съ эмоціями—стало комплексомъ, мы оперируемъ съ нимъ какъ съ несомнѣнною реальностью, не требующею провѣрки. Новый фактъ, съ которымъ мы встрѣчаемся, мы опять таки не оцѣниваемъ самого по себѣ, а только сопоставляемъ съ имѣющимися въ нашей психикѣ комплексами. Только это ощущеніе реальности нашего представленія о мірѣ даетъ намъ силу вмѣшиваться въ жизненную суматоху, то-есть ставить необходимые для нашей эволюціи опыты, и только способность наша распространять несомнѣнную реальность эмоціи на безразличное въ смыслѣ реальности понятіе, случайно сросшееся съ этой эмоціей, позволяетъ ограждать себя отъ океана равноцѣнныхъ воспріятій, провизорно дѣлить и классифицировать ихъ въ группы, все это

почти не имѣя никакихъ основанiй, дѣлая заключенiе отъ двухъ-трехъ воспрiятiй къ безконечности, и такимъ образомъ получать предварительную картину мiра, которая, при всемъ своемъ несовершенствѣ, все-таки позволяетъ легче разбираться во множествѣ фактовъ опыта.

Комплексы, такимъ образомъ, суть несомнѣнное наше духовное богатство. Только благодаря имъ накопляется и передается опытъ, только благодаря имъ существуютъ философскiя системы и научныя дисциплины, на нихъ построена вся внѣшняя культура, они дѣлаютъ возможной мечту о братствѣ и проповѣдь любви. Но, какъ и всякое богатство, комплексы—это замѣна реальной цѣнности цѣнностью условной, консервъ силы, аккумуляторъ, который отдастъ вложенную въ него энергiю, если только будутъ существовать тѣ же условiя, какiя были, когда его этою энергiею заряжали. Если завтра почему-либо разрушится чудовищный комплексъ „золото", и люди перестанутъ считать реальностью, что блестящiй металлъ этотъ такъ-же цѣненъ, какъ хлѣбъ, вода или воздухъ,—то всѣ промѣнявшiе реальныя свои цѣнности: силу мышцъ и полетъ творчества на эту условную—золото, не получатъ взамѣнъ ничего житейски-реальнаго—ни крова, ни одежды, ни помощи въ ихъ трудѣ. Условiя, бывшiя при зарядкѣ, измѣнились, и аккумуляторъ негоденъ болѣе. Консервъ власти оказался испорченнымъ.

Точно такъ-же обстоитъ дѣло и съ условнымъ духовнымъ богатствомъ комплексовъ. Мы вкладываемъ въ нихъ свои реальныя цѣнности—ощущенiя, и къ комплексу присоединяется, и хранится съ нимъ, та часть ощущенiй, какая соотвѣтствуетъ структурѣ этого комплекса, то, что сохраняется, кажется главнымъ, все остальное является второстепеннымъ и ненужнымъ; и, вкладывая въ эти условныя цѣнности Космосъ Бога, мы получаемъ назадъ космосъ туриста, врача, земледѣльца, художника, офицера.

Но когда мы хотимъ использовать наши свѣдѣнiя о мiрѣ, превратить наше богатство въ цѣнности, важныя не только для личности, но и для Человѣка, оказывается, что условiя этого не было при зарядкѣ, и наше богатство не можетъ помочь намъ разобраться, какъ оно помогаетъ разобраться въ мiрѣ личности, являясь только своеобразнымъ фильтромъ, не допускающимъ до нашего сознанiя того, что второстепенно съ точки зрѣнiя артиллериста и, можетъ быть, такъ нужно было бы Человѣку.

Таково это духовное богатство. Оно страшно цѣнно для насъ, ибо мы буквально построены изъ матерiала, его составляющаго, оно полезно для той цѣли, для которой было накоплено, оно не

пропускаетъ сквозь свою среду ничего не соотвѣтствующаго своей структурѣ, и мы защищаемъ его неприкосновенность больше, чѣмъ физическую свою жизнь. И за этой стѣной „духовныхъ драгоцѣнностей“ мы задыхается и тоскуемъ въ мрачной атмосферѣ злобы, разъединенія, дисгармоніи, случайностей и уродства... и съ завистью и съ ироніей смотримъ мы на лишенныхъ нашихъ сокровищъ, на „нищихъ духомъ“, которымъ принадлежитъ Царство Небесъ. И имъ дѣйствительно принадлежитъ оно, этимъ нищимъ духомъ: ибо условный эстетизмъ не помѣшаетъ имъ увидѣть красоту, полузнаніе—мудрость и близорукая доброта,—благость, окружающія насъ.

Можемъ ли мы стать нищими духомъ и надо ли намъ становиться ими? Мнѣ кажется, что да. Но нищета, къ которой мы должны стремиться, не есть нищета лѣнивца, нищета бездѣлья. Мы должны создавать духовныя цѣнности со всѣмъ доступнымъ намъ рвеніемъ, но мы должны быть нищіе потому, что ничто, имѣющееся у насъ и созданное нами, не должно казаться намъ заслуживающимъ храненія, имѣющимъ самодовлѣющую цѣнность. Мы должны строить свои комплексы, какъ строятъ лѣса для зданій, зная, что ихъ скоро придется разрушить. И въ этой постройкѣ, зная, что вся жизнь нашихъ комплексовъ заключается въ ихъ пластичности и гибкости, мы должны тщательно слѣдить, чтобы въ ткань ихъ не проникало грубыхъ и неподатливыхъ нитей, низшихъ слоевъ астрала, пригодныхъ только для примитивнаго осознанія міра, путемъ дѣленія на Я и не-Я. Мы уже достаточно сознаемъ свою отдѣльность, чтобы не нуждаться въ этомъ матеріалѣ, и личный элементъ долженъ и можетъ быть исключенъ изъ нашего воспріятія міра. И если мы будемъ помнить, что цѣнность духовнаго богатства, цѣнность комплексовъ не въ созданныхъ построеніяхъ, а въ умѣніи создавать ихъ, если мы съ такою же радостью будемъ разрушать наши созданія, когда того потребуетъ Истина, какъ и создавать вновь,—мы будемъ видѣть живой и непрерывно растущій Космосъ, находящійся въ постоянной гармоніи съ нашимъ Я, будемъ видѣть, какъ непрерывно стремится онъ къ Идеалу, къ міру реальности, отходя все дальше отъ скорби и разлада.

Но понятіе духовной нищеты не исчерпывается однимъ отсутствіемъ комплексовъ, этой *интеллектуальной* части духовнаго богатства. Чисто эмоціональныя переживанія также богатство наше, и они, также какъ и комплексы, являются экраномъ, отгораживающимъ насъ отъ реальности, вызывающимъ извращенное воспріятіе внѣшняго міра.

Все многообразіе нашихъ эмоцій можетъ быть раздѣлено на двѣ большія группы: то, что можетъ быть названо *„чистою эмоціею“*, то есть состояніе, переживаемое нами подъ вліяніемъ той или иной внѣшней обстановки, не связанное ни съ воспоминаніями, ни съ надеждами, состояніе, указывающее намъ только, находится ли нашъ внутренній міръ въ *гармоніи* съ міромъ внѣшнимъ—тогда оно пріятно намъ,—или между ними существуетъ *дисгармонія*, и тогда мы переживаемъ страданіе,—и на то, что я назвалъ бы „осложненною эмоціею“, вызываемую не только обстоятельствами внѣшняго міра, но и воспоминаніями нашими, или тѣми надеждами, которыя эти воспоминанія въ насъ пробуждаютъ. Какъ вплетенныя въ интеллектуальную ткань, эмоціи дѣлаютъ ее менѣе подвижной, менѣе отвѣчающею на вѣчно измѣняющійся внѣшній міръ и потому неправильно отражающею его, такъ интеллектуальный элементъ, вплетенный въ эмоціи, дѣлаетъ ихъ черезчуръ подвижными и измѣнчивыми, отвѣчающими уже не на внѣшній міръ, а на внѣшній міръ плюсъ содержаніе Я, и потому лишаетъ ихъ того громаднаго познавательнаго значенія, свойственнаго эмоціямъ, какъ показателямъ гармоніи между Я и не-Я.

Намъ кажется непріятнымъ данный уголокъ внѣшняго міра не потому, чтобы картина его не соотвѣтствовала нашему внутреннему міру, а потому что что-нибудь въ немъ напоминаетъ давно пережитыя, но не совершенно изгладившіяся тяжелыя впечатлѣнія.

Насъ привлекаетъ то или иное лицо не потому, чтобы непогрѣшимые вѣсы эмоціи указывали намъ на соотвѣтствіе его внутренней структуры нашей, а потому, что мы связываемъ съ нимъ тѣ или иные образы надеждъ, этихъ воспоминаній, перенесенныхъ въ будущее.

Въ сущности, всю жизнь свою мы идемъ съ лицомъ, *обращеннымъ назадъ*; мы *только* вспоминаемъ и только стремимся реализировать въ настоящемъ какую-нибудь комбинацію нашихъ воспоминаній. И эта воля къ реализаціи, это стремленіе воплотить въ жизнь снова ту или иную часть нашего *прошлаго*, есть третья грань духовнаго богатства нашего, богатства потому, что *она* создала всю ту жизнь, которую мы любимъ; она, въ стремленіи вновь и вновь повторять пріятныя переживанія и руководимая интеллектомъ, создала всю внѣшнюю культуру. Эта грань нашего богатства также является препятствіемъ къ воспріятію реальности, ибо эта тяга въ прошлое, влеченіе къ вещамъ, влеченіе къ пережитымъ, испытаннымъ, извѣстнымъ уже душевнымъ состояніямъ, является препятствіемъ *истинной* нашей волѣ, этой

струѣ мірового потока—Великаго *Тао*, увлекающаго насъ отъ кажущагося бытія къ небытію, къ неизвѣстному и неиспытанному, долженствующему служить ареною *новыхъ* нашихъ опытовъ.

Если, переживая эмоцію, мы будемъ тщательно отдѣлять отъ нея то, что вызывается нашими воспоминаніями или нашими надеждами, если, наблюдая міръ, мы будемъ отдѣлять отъ данныхъ опыта то, что связывается съ ними нитями, тянущимися въ прошедшее, если, при выборѣ пути, при взвѣшиваніи рѣшенія, какъ поступить, мы будемъ отдѣлять *влеченія* наши къ пріятнымъ переживаніямъ прошлаго отъ истинной воли нашей—къ Великому Невѣдомому—мы начнемъ мало-по-малу освобождаться отъ духовнаго богатства и приближаться къ состоянію духовной нищеты, мучительному пустотою и невозможностью на что-нибудь опереться и сладостному своею жаждою, своею страстною тягою къ реальному, своимъ ощущеніемъ пустоты, которая должна наполниться Вѣчнымъ.

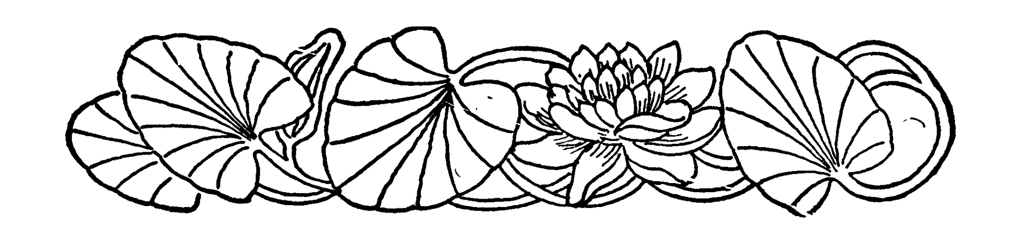
И если наша работа будетъ самозабвенна, наше стремленіе искренне и исходяще изъ глубины нашей натуры,—по какому бы пути ни шли мы—насъ встрѣтитъ помощь.

„Единый безъ второго" ограничитъ Свою свѣтозарную сущность, смягчитъ Свой блескъ, чтобы наши слабые глаза могли Его вынести, и облекшись въ какой-нибудь земной образъ, откроетъ Себя нашему сердцу, чтобы соприкосновеніемъ съ реальностью освѣтить намъ иллюзорность міра „вещей". Это можетъ быть великое дѣло, или глубокая идея, это можетъ быть незначительный случай, это можетъ быть милый спутникъ по пыльнымъ дорогамъ земли, стопы котораго, также какъ и наши, покрыты прахомъ, но что бы ни было это—мы узнаемъ въ немъ Единаго...

И тогда потокъ сверхчеловѣческой любви, направленный на насъ, любви, составляющей истинную основу Космоса, всесокрушающимъ пламенемъ начнетъ сжигать наши „богатства", то, что составляло нашу личность; и въ мукахъ этого огненнаго крещенія будетъ таять все несовершенство міра; все заполнится сознаніемъ гармоніи Единаго, ощущеніемъ Его любви, стремленіемъ слиться съ Его волей... И стоящая въ пламени, въ горящихъ ризахъ личности, душа вся станетъ однимъ устремленіемъ: „Вотъ я готовъ Господи... да будетъ воля Твоя".

П. Тимофеевскій.

Джордано Бруно.



Джордано Бруно.

(**А. Безантъ**).

Юноша лежалъ на холмѣ, покрытомъ виноградниками, и задумчиво смотрѣлъ на голубое Средиземное море. Виднѣлся прекрасный Неаполитанскій заливъ, омывающій набережную волшебнаго города, а по другую сторону строго и грозно возвышался Везувій, дышащій клубами дыма, поднимающимися и заволакивающими чистое и ясное небо. Передъ глазами юноши разстилался одинъ изъ самыхъ очаровательныхъ ландшафтовъ въ мірѣ. Но несмотря на свою чуткость къ очарованію формы и цвѣта, онъ казался сегодня равнодушнымъ къ красотѣ, его окружавшей, и большіе глаза его, полные глубокой думы, не видѣли природы, такъ хорошо ему знакомой и любимой.

Ибо юноша стоялъ на порогѣ серьезнаго рѣшенія: проститься ли ему со свѣтлыми юными днями и уйти въ заточеніе за сырыя стѣны Доминиканскаго монастыря, отдаться навсегда ученію и исканію истины. Для него не было выбора, онъ долженъ стать или монахомъ или воиномъ. Времена были грубы, воинственны, и спокойно отдаться мирной книжной работѣ можно было только лишь подъ защитой монашеской одежды. Сама природа была не менѣе мятежна, чѣмъ итальянскія государства. По мѣткимъ словамъ древняго лѣтописца не прерывались „землетрясенія, наводненія, изверженія вулкановъ, голодъ, чума"; въ то безпокойное время казалось, что „само твореніе нарушаетъ собственные свои законы".

Юноша былъ мечтательный и суевѣрный. И онъ думалъ, что можетъ быть монастырь будетъ мѣстомъ особаго благоволенія къ нему его Бога среди всеобщихъ бѣдствій. Но больше всего его привлекало ученіе, ибо въ монастырѣ были книги и древнія рукописи и чудесные античные свитки, которыхъ онъ

еще не умѣлъ разбирать, но которые, по словамъ отца Ансельма, онъ научится скоро читать, если онъ станетъ монахомъ и дастъ обѣтъ Доминиканца. Сердце его быстрѣе забилось, и смуглое лицо его вспыхнуло яркимъ румянцемъ, когда онъ подумалъ о томъ, сколькому онъ научится и какими знаніями онъ овладѣетъ: такъ у иныхъ юношей бьется сердце при мысли о безумномъ весельи и вспыхиваетъ румянецъ съ мечтой о радостныхъ часахъ пирушки или любви. И когда Джордано Бруно поднялся съ земли, его душа рѣшила и онъ зналъ, что вступитъ въ Доминиканскій монастырь, и онъ мечталъ, что ученіе станетъ его другомъ, и сама истина откроетъ свое покрывало передъ его внимательными, страстными глазами.

— Ты долго не приходилъ, Джордано, и стало поздно,—сказала нѣжно его мать, когда юноша вошелъ въ свое бѣдное жилище въ маленькомъ городкѣ Нолѣ,—тебя долго ждалъ дядя и ушелъ разсердившись; онъ говоритъ, что ты, Джордано, великъ и силенъ, чтобы уже умѣть носить оружіе, какъ долженъ воспитанный мальчикъ. Онъ говоритъ, что пора бросить книги, надъ которыми ты всегда корпишь.

— Матушка,—кротко отвѣтилъ юноша,—я никогда не буду носить оружіе, я не могу идти грабить и убивать по приказанію любого самодура. Я рѣшилъ поступить въ Доминиканскій монастырь, гдѣ я долго учился у отца Ансельма, и онъ мнѣ обѣщалъ, что онъ будетъ меня учить, если я соглашусь принять монашескій обѣтъ и вступлю въ братство. И правда, мнѣ жизнь представляется болѣе интересной и благородной въ монастырѣ, гдѣ я могу узнать все, что написали мудрые люди,—чѣмъ та жизнь, въ которой я долженъ буду надѣть каску, кольчугу и идти убивать бѣдныхъ простыхъ людей, ни въ чемъ передо мной не виноватыхъ.

— Но дядя твой, сынъ мой, дядя,—тревожно спрашивала мать. Она знала, что сыну ея дороже ученіе, чѣмъ улица, и потому не удивилась его словамъ. Но она боялась, чтобы дядя его не разгнѣвался и не поступилъ бы грубо съ мальчикомъ, лишеннымъ отца.

— Мой дядя можетъ воевать сколько хочетъ,—отвѣтилъ юноша весело засмѣявшись.—Такъ что ты не скорби и не сердись, моя голубка, мама.

И онъ обнялъ ее съ любовью и цѣловалъ ее до тѣхъ поръ, пока ее не оставили тревоги, пока, счастливая, она не сѣла за ужинъ. Въ глубинѣ сердца она радовалась, что ея любимый мальчикъ избѣгнетъ ужасовъ этого опаснаго вѣка и станетъ почи-

таемымъ монахомъ вродѣ отца Ансельма или другихъ уважаемыхъ братьевъ славнаго монастыря. Но твой сынъ, бѣдная мать, твой страстный, увлекающійся и благородный мальчикъ не будетъ походить на тѣхъ монаховъ. Если бы ты въ этотъ лѣтній вечеръ могла прочесть его судьбу, ты можетъ быть предпочла грубую и опасную долю солдата той обманчиво-мирной жизни, которая должна была начаться, когда за будущимъ монахомъ закроются монастырскія ворота, и закончиться въ Римѣ, на „Цвѣточномъ Полѣ", задолго до того, какъ эта жизнь достигнетъ порога старости. Но это будущее было скрыто отъ ея любящаго взора. Она спокойно, хотя и съ нѣкоторою печалью, простилась съ своимъ сыномъ, когда онъ отправился въ свою новую обитель, чтобы погрузиться въ ученіе со всею пламенностью своей огненной молодости, со всею страстью юношескаго горячаго сердца.

Нѣсколько лѣтъ такъ онъ учился. Прошло время, и онъ принялъ обѣтъ Доминиканскаго Ордена и надѣлъ на себя монашескую рясу. Старый отецъ Ансельмъ, который любилъ его и удивлялся его быстрому, гибкому, сильному уму, часто тревожно думалъ, вздыхалъ и опасался, что умная эта голова какъ бы не принесла много затрудненій и горя своему владѣльцу. И онъ старался остановить горячіе разспросы молодого человѣка, задерживать его страстное стремленіе къ ученію. Онъ видѣлъ, что въ тѣ дни, когда сурово такъ преслѣдовалась всякая ересь, будущее могло представить много опаснаго для юноши, который никогда не соглашался принять безъ анализа отвѣты на свои вопросы, который къ старымъ вѣрованіямъ критически относился и отказывался принять на вѣру римскія традиціи и ученія святой церкви.

— Сынъ мой, сынъ мой, — говорилъ иногда кроткій старый монахъ,—ты слишкомъ много хочешь знать. Опасны эти твои безконечные вопросы и твое желаніе быть мудрѣе, чѣмъ всѣ наши писанія. Читай молитвенникъ, пой за службами и оставь Коперника и его мечтанія. Развѣ въ Священномъ Писаніи не говорится, что Богъ такъ укрѣпилъ землю, что она двигаться не можетъ? Развѣ Іисусъ Навинъ не приказалъ солнцу остановиться? Это приказаніе было бы неяснымъ, если бы солнце было неподвижно, какъ думаетъ Коперникъ. Св. Писаніе намъ ясно говоритъ, что солнце остановилось, а слѣдовательно раньше оно двигалось. Джордано, сынъ мой, берегись, твои вопросы приведутъ къ ереси тебя, а святая Инквизиція имѣетъ аргументы, которыхъ я не желалъ бы видѣть примѣненными къ любимому ученику.

Тогда Бруно цѣловалъ руки старца и старался ласковой шуткой его утѣшить. Но когда онъ одинъ оставался въ своей узкой кельѣ, онъ начиналъ ходить по ней взадъ и впередъ въ страшной внутренней борьбѣ, ища, моля о просвѣтлѣніи, которое не приходило въ отвѣтъ на эти молитвы; томясь среди узкихъ монастырскихъ обязанностей, правилъ; горя желаніемъ принять участіе въ борьбѣ европейскихъ университетовъ между старымъ и новымъ порядкомъ, между философіей прошлаго и мыслью настоящаго. Ибо отдаленные звуки борьбы этой до него доходили, и молодому льву казалось тѣсной клѣтка, и онъ жаждалъ свободы. Въ библіотекѣ монастыря Бруно встрѣтилъ опасность, о которой не знали окружающіе его монахи. Ибо онъ разсказываетъ: „давъ мнѣ довольно долго заниматься литературой и поэзіей, мои руководители, начальники и судьи сами направили меня къ философіи и свободнымъ изслѣдованіямъ. Какое мѣсто могли занимать за стѣнами итальянскаго монастыря философія и свобода изслѣдованія и что могло быть опаснѣе этихъ занятій“.

Въ то время Аристотель былъ высочайшимъ авторитетомъ христіанской церкви, и Бруно, предпочитавшій философіи Пиѳагора и Платона, скоро оказался въ конфликтѣ со своими учителями. Пиѳагоръ училъ, что солнце есть центръ нашей системы и что земля есть лишь планета, вращающаяся вокругъ него. Чувствуя себя пиѳагорейцемъ, Джордано естественно принялъ ученіе Коперника, несмотря на предостереженія отца Ансельма.

Чтобы не огорчить добраго, стараго монаха и не пугать его напрасно и вмѣстѣ остаться правдивымъ, Джордано просто сталъ избѣгать его.

За послѣднія недѣли отецъ Ансельмъ замѣтилъ, что на его любимца бросаются недоброжелательные взоры и его слухъ уловилъ нѣсколько фразъ, встревожившихъ его.

Юный монахъ написалъ остроумную сатиру „Ноевъ Ковчегъ“ и такимъ образомъ сильно оскорбилъ монастырь, ибо подъ знакомъ тонкихъ покрововъ аллегорій, онъ высмѣялъ грубость, невѣжество въ монастыряхъ. Жало сарказма его больно задѣло нѣкоторыхъ братьевъ его монастыря и настоятелю горько жаловались, что юный критикъ нуждается въ урокѣ, что нужно остановить его злой языкъ и помѣшать ему такимъ образомъ надъ старшими издѣваться. Слово—еретикъ все чаще срывалось съ устъ монаховъ и прошелъ слухъ, что настоятель готовитъ покаяніе дерзкому монаху. Однажды, когда въ послѣобѣденное время Бруно лежалъ въ виноградникѣ монастырскаго сада, къ

нему подошелъ поспѣшно и тревожно отецъ Ансельмъ. Его лицо имѣло печать такого огорченія, что Бруно вскочилъ и ласково спросилъ его, что съ нимъ случилось. Старикъ опустился на зеленый холмъ, задыхаясь отъ быстрой ходьбы и отъ удручающаго его горя, и Бруно терпѣливо ждалъ, пока отецъ Ансельмъ пришелъ въ себя. Наконецъ онъ заговорилъ.

— Джордано, сынъ мой, ты въ большой опасности. До ушей настоятеля дошли легкомысленныя твои рѣчи о движеніи земли и объ обитателяхъ иныхъ міровъ, къ которымъ ты нелѣпо причисляешь и звѣзды, находящіяся надъ нашей головой. Отецъ Іеронимъ, принявшій на свой счетъ твою ядовитую шутку о спасенной въ ковчегѣ Ноя свиньѣ, нашепталъ настоятелю, что ты еретикъ, опасный для добраго имени монастыря и для всего округа. А настоятель, какъ ты знаешь, добрый человѣкъ, но нѣсколько узкихъ взглядовъ—это его счастье, ибо это его спасаетъ отъ какихъ бы то ни было сомнѣній въ ученіи св. церкви—словомъ, онъ испугался и хочетъ призвать тебя къ отвѣту передъ всей братіей относительно твоего пренебреженія къ Аристотелю и твоей вѣры въ новыя фантастическія теоріи Коперника. Я боюсь...

— Не бойся ничего,—воскликнулъ гордо, задорно и самоувѣренно откинувъ голову, молодой монахъ,—не бойся за меня, отецъ, ибо я не боюсь за себя.

— Поэтому-то я и боюсь, мой сынъ,—печально отвѣтилъ старикъ.—Сатана легче всего одерживаетъ верхъ надъ тѣми, въ которыхъ нѣтъ духа святого страха. Твои мысли слишкомъ смѣлы и представленіе твое о нашемъ мірѣ слишкомъ фантастично. Гдѣ же въ твоей новой вселенной, которая не имѣетъ начала и конца, гдѣ же въ ней адъ, гдѣ погибшія души и закованные во мракѣ дьяволы?

— Право,—сказалъ Бруно, разсмѣявшись,—я не утруждалъ своего мозга такою сатанинскою географіей: но ничего не можетъ быть подъ землею, разъ она постоянно вращается вокругъ солнца.

— Тише, тише, сынъ мой,—быстро сказалъ старикъ, крестясь—смотри, какъ бы сатана не показалъ тебѣ дорогу къ подземному царству, изъ котораго никто не выходитъ. Да ты самъ подумай, куда же поднялся нашъ Господь, послѣ Вознесенія? Въ св. Писаніи разсказывается, какъ Онъ вознесся надъ землею и взошелъ на небо. Какимъ же образомъ Онъ могъ подняться съ какого-то вращающагося шара и въ какомъ же направленіи Онъ вознесся? Твои кощунственныя фантазіи прямо нелѣпы; если бы въ нихъ было зерно истины, то наша святая вѣра стала бы невозможной Да хранитъ насъ Господь отъ такого грѣха.

И онъ снова перекрестился.

Странно тонкая улыбка пробѣжала по лицу Бруно при послѣднихъ словахъ простодушнаго монаха. Но онъ сдержалъ готовый вырваться отвѣтъ. Зачѣмъ колебать вѣру старика. Онъ не сказалъ ни слова и устремилъ на море взоръ своихъ глубокихъ глазъ, исполненныхъ тоской исканій и неумолкаемой жаждой правды.

— Джордано, — заговорилъ старый монахъ, — послушай, ты молодъ и смѣлъ, но твоя юность и мужество не выдержатъ готовящейся для тебя борьбы. Мнѣ придется тяжело расплатиться за то, что я тебѣ говорю. Но я долженъ предупредить тебя объ опасности во что бы то ни стало. Слушай,—голосъ монаха задрожалъ и перешелъ въ шопотъ, — тебя будутъ ловить въ твоихъ отвѣтахъ, чтобы признать тебя еретикомъ. Я знаю, что уже посланъ доносъ въ Неаполь и завтра прибудетъ Инквизиторъ.

Жизнерадостное юное лицо поблѣднѣло, а губы сомкнулись упорно и твердо, въ то время какъ Бруно нѣжно взялъ руку стараго друга.

— Что же ты хочешь отъ меня, отецъ? Неужто ты желаешь, чтобы я солгалъ для избѣжанія ужасовъ святой Инквизиціи?

— Бѣги, — прошепталъ старикъ, — бѣги, пока есть время, о, сынъ мой, не хочу я видѣть мученія твоего молодого тѣла, которое вздернутъ на дыбу, и прекрасное твое лицо, искаженное болью. Достаточно я видѣлъ, достаточно...

Голосъ старика прервался и онъ зарыдалъ.

Но услышавъ приближающіеся незнакомые шаги, онъ всталъ и быстро ушелъ.

Цѣлый часъ Джордано сидѣлъ тамъ, гдѣ его другъ его оставилъ, и, казалось, безпечно, мечтательно смотрѣлъ на море. Но сердце его кипѣло отъ бурныхъ чувствъ и смѣлыхъ думъ: онъ взвѣшивалъ опасность и думалъ о бѣгствѣ. Понемногу свѣтъ вернулся въ его глаза и улыбка снова заиграла на устахъ.

Онъ вскочилъ.

— Добрые отцы, — воскликнулъ онъ весело, — сегодня я покину Ноевъ ковчегъ, ибо я боюсь, что больше онъ не будетъ убѣжищемъ для меня.

Въ эту ночь, когда все спало въ монастырѣ, Джордано тихо всталъ со своего ложа. Нѣсколько минутъ осторожно прислушался, затѣмъ вынулъ спрятанную на груди подъ рясой веревку и привязалъ ее крѣпко къ рѣшеткѣ окна; затѣмъ онъ выскользнулъ изъ узкаго отверстія, быстро опустился на землю и

ускореннымъ шагомъ направился къ сѣверу. Его молодое тѣло радовалось движенію, а сердце загоралось торжествомъ и свободой.

Хорошо, что онъ бѣжалъ, ибо св. Инквизиція прислала извѣщеніе, что на зарѣ явятся ея посланные съ тѣмъ, чтобы схватить молодого бунтовщика и привести его въ Неаполь для допроса.

Но когда появились эти страшныя ищейки Инквизиціи, они нашли пустую келью. Имъ пришлось удовлетвориться тѣмъ, что они его отлучили и предали его дьяволу тѣломъ и душой, въ то время какъ онъ, торжествующій въ сознаніи своей силы, подходилъ къ Апеннинамъ. Все дальше и все сѣвернѣе шелъ бѣдный монахъ. Большей частью онъ шелъ пѣшкомъ, но иногда его подвозилъ направляющійся къ сѣверу путешественникъ. Когда онъ приближался къ какому-нибудь городу, избѣгая распросовъ, онъ обыкновенно до вечера скрывался и только когда спускался мракъ, онъ рѣшался идти дальше, какъ будто онъ свершилъ преступленіе и бѣжалъ отъ правосудія. Ужасъ суевѣрія въ томъ, что оно обращается съ честнымъ какъ съ преступникомъ, а съ преступниками какъ съ честными, если они набожно посѣщаютъ церковь и повинуются духовенству. Пока христіанство не смягчилось свободной мыслью—было безопаснѣй въ христіанской странѣ быть воромъ и убійцей, чѣмъ еретикомъ, ибо убійца и воръ могли золотомъ вымолить прощеніе, но еретика за чистую жизнь и правдивое слово ожидали дыба и висѣлица. Наконецъ Джордано Бруно увидѣлъ бѣлыя вершины горъ, которыя отдѣляютъ Италію отъ прекрасной Швейцаріи. Зная, что Швейцарія не признавала болѣе верховенства римскаго папы и что тамъ жили безопасно и въ почетѣ протестантскіе реформаторы, онъ возмечталъ, что оставивъ за собою горную цѣпь, онъ навсегда освободился отъ зловѣщей духомъ Инквизиціи.

Бѣдный Бруно, ты еще не зналъ, что ненависть къ наукѣ и гоненія не являются особенностью одной христіанской секты, что все христіанство имъ заразилось. Легче найти слѣпого, который можетъ видѣть, чѣмъ христіанина, умѣющаго уважать свободу мысли еретика.

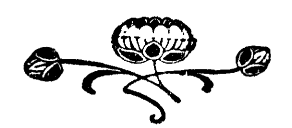
Онъ поднимался по крутымъ склонамъ С.-Бернара и достигъ вершины, когда начало закатываться солнце. Онъ остановился и посмотрѣлъ назадъ на равнину Италіи, лежащую далеко внизу, подъ его ногами, и сердце его сжалось. Онъ опустился на колѣни, простирая руки къ далекой родинѣ, которая горѣла вся въ лучахъ заката.

— Италія, Италія, — воскликнулъ громко онъ, и горячія слезы залили снова его юное лицо.—О, прекрасная, любимая моя Италія, какъ Прометей прикована ты къ горной вершинѣ, ты, что принесла людямъ живой огонь, похищенный у пламеннаго сердца природы, нашей божественной, всеобъемлющей матери. Какъ Прометея рвали и клевали коршуны, такъ тебя разрываютъ папа и духовенство. Но Прометей безсмертенъ, и ты, Италія, также воскреснешь. Я бѣгу отъ воплощенныхъ дьяволовъ, созданныхъ людьми, которые называютъ себя христіанами. Вернусь ли я когда къ тебѣ, чтобы жить и умереть съ тобой? Дашь ли ты мнѣ домъ и пріютъ, Италія, или только могилу?

О, Джордано Бруно, благородный сынъ опозоренной Италіи! Твоя Италія не имѣетъ для тебя дома и пріюта. У нея даже не будетъ для тебя и могилы. Итальянскіе вѣтры разсѣютъ пепелъ твой по Итальянской землѣ, и этотъ пепелъ будетъ сѣменемъ, которое черезъ два столѣтія дастъ цвѣты благородной о тебѣ памяти.

Пер. **А. К.**

(Продолженіе слѣдуетъ).



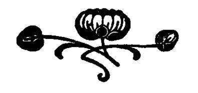
Одно взирая на собственную Дхарму, ты не долженъ дрожать, Арджуна; воистину, для Кшатрія нѣтъ ничего болѣе желаннаго, чѣмъ праведная война.

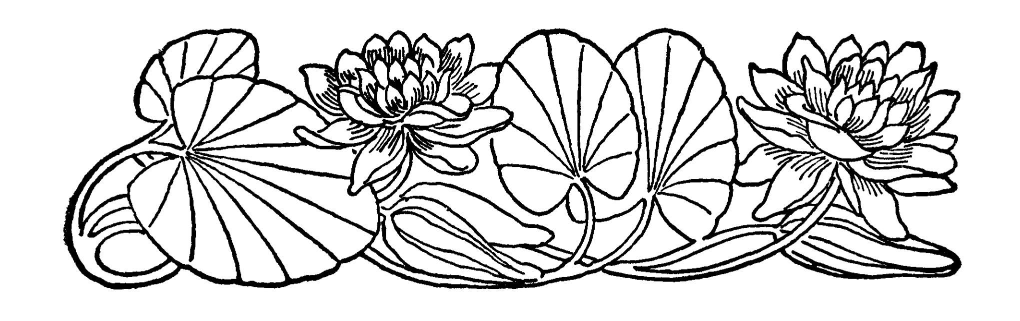
Счастливы, о Партха, тѣ Кшатріи, которымъ выпадаетъ на долю такое сраженіе, подобно нежданно отверстымъ вратамъ въ Небеса.

Признавъ равными радость и скорбь, достиженіе и неудачу, побѣду и пораженіе, вступи въ битву; такъ ты избѣгнешь грѣха.

Таково возвѣщенное тебѣ ученіе, согласное съ Санкхіа; а теперь внемли наставленію, согласному съ Іогой. Воспринявъ эту мудрость, о Партха, ты сокрушишь оковы Кармы.

Изр. изъ Бхагавадъ-Гиты.





Орфическіе гимны.

Съ этого года мы начинаемъ печатаніе Орфическихъ гимновъ въ переводѣ съ греческаго. Древніе и новые позитивисты относились скептически къ этому памятнику, считая его поэзіей позднѣйшаго происхожденія. „Аристотель говоритъ, что поэта Орфея не существовало и что орфическіе стихи сочинены нѣкимъ пиѳагорейцемъ Кекропсомъ. Платонъ цитируетъ Орфея и Мусея, какъ онъ цитируетъ Гезіода и Гомера. Но имя Орфея онъ приводитъ безъ всякой критики, упоминаніе о немъ въ „Законахъ" и „Пирѣ" доказываетъ лишь, что имя Орфея было очень популярно въ Греціи временъ Платона" *)...

Орфическія сочиненія считаются въ европейской наукѣ—не древнѣе VI в. до Р. Х. Большинство же изъ нихъ относятъ къ первымъ вѣкамъ христіанства. Глубокія философскія въ нихъ идеи служатъ для академической науки доказательствомъ того, что сочиненія эти созданы послѣ христіанства, а именно въ Александрійской школѣ. Ученіе о перевоплощеніи, объ очищеніяхъ, космогонія съ ея истиной объ единствѣ— приводитъ въ смущеніе современныхъ ученыхъ. Они забываютъ, что древнѣйшимъ источникомъ этихъ ученій являются Индія и Египетъ –и утверждаютъ, что столь глубокія понятія о Божествѣ не свойственны младенческой Элладѣ до Гомера, что они—временъ нео-пиѳагорейства и нео-платонизма. Мы надѣемся, что взглядъ этотъ скоро перемѣнится въ оффиціальной наукѣ. Но пока—мы должны съ тщательностью изучать мистическія сочиненія Эллады и въ частности сейчасъ—эти гимны Орфея. Это занятіе дастъ наслажденіе намъ вновь и вновь встрѣчаться съ древнею мудростью тайной доктрины.

---

*) Цицеронъ. О природѣ Боговъ.

Всѣхъ гимновъ 88. Начнемъ съ слѣдующаго посвященія:

Обращеніе къ Мусею.

(Поэтъ Орфей посвящаетъ своего духовнаго сына Мусея).

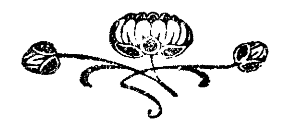
Ты научись, о Мусей—великимъ мистическимъ тайнамъ,
И высочайшей мольбѣ—изъ высшихъ, какія бываютъ!
Зевсъ царь, и Гея, и вы—священные факелы неба,
Солнце, сіянье Луны святое, и вы—всѣ Планеты,
Также и ты—Посейдонъ, въ кудряхъ синихъ, землю обнявшій,
Также Деметра въ плодахъ, и ты—Персефона святая,
И Артемида съ копьемъ, о дѣва! И ты—Фебъ могучій,
Ты,—что живешь на землѣ Дельфійской, тебѣ посвященной;
Также Танцоръ Діонисъ блаженнѣйшій, больше всѣхъ чтимый;
Жестокосердый Аресъ, и ты—духъ священный Гефеста;
И въ знаменитыхъ дарахъ—богиня, рожденная пѣной;
Также владыка подземныхъ—демонъ великій; о Геба,
О Элевтія, и ты—духъ благородный Геракла;
И Благочестья святое благо, и ты—Справедливость!
Панъ величайшій и васъ зову я—прекрасныя Нимфы,
Эгидоносецъ, твою супругу—цвѣтущую Геру,
Девять священнѣйшихъ Музъ, любимую Мнемозину,
Я призываю Харитъ и Горъ, и Теченіе Года,
Лету, богиню въ кудряхъ прекрасныхъ, святую Діону,
Вооруженныхъ Куретовъ и Корибантовъ, *Кабировъ* *);
Зевса безсмертныхъ дѣтей, великихъ Спасителей вмѣстѣ,
Также Идэйскихъ боговъ, и ангела неба Гермеса
Вѣстника, также мужей пророчицу нашу Ѳемиду;
Древняя Ночь, и тебя зову я, и День свѣтоносный;
Законодатель и Ты—безгрѣшная!.. Вѣра и Правда;
Рея и Кроносъ, и ты—Ѳетида въ лазурной одеждѣ;
Также отецъ Океанъ и дочери всѣ Океана,
Также великая власть Атланта, Могучаго Вѣка,
Время текучее, вы—о воды блестящія Стикса,
Боги благіе, и ты—благое для всѣхъ Провидѣнье;
Демонъ священный, и ты—о демонъ, несчастіе смертныхъ!

---

*) *Кабиры*—въ скрытомъ значеніи.—это Dhyâni—Bouddhas, Архангелы, Геберы, Гиборимы, Эломисы, что значитъ—„Великіе Небесные Люди“ „Титаны“ и на землѣ „Гиганты“... Семь ангеловъ, это—высшіе Планетарные Духи; Варронъ, *по примѣру Орфея*, ихъ называетъ могущественнѣйшими Εὐδυνατοι... (Тайная Доктрина I, стр. 93 и VI стр. 1, франц. изд. 1906—1910 г.г.).

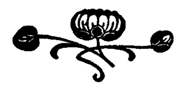
Демоны неба, морей, и демоны водъ бѣгущихъ,
Демоны, васъ я зову, подземныхъ, земныхъ и воздушныхъ;
Также Семелу и всѣхъ участниковъ праздниковъ Бакха,
Счастье дающій, приди Палэмонъ, Ино, Левкотея,
(Сладкоголосая ты—Побѣда и власть Адрастеи,
И величайшій царь Асклепій, дающій сладость),
Дѣва Паллада, войны посланница, также всѣ *Вѣтры* [1]
Космоса четырехстолпнаго [2]) часть пою, и всѣ Громы,
Матерь безсмертныхъ! И васъ зову я, о *Мэнасъ* и *Аттисъ* [3]),
Также богиню небесъ съ безсмертнымъ святымъ Адонисомъ,
Вы—о Начало, Конецъ... (Вы движете міромъ великимъ),
О благосклонные вы—придите всѣ съ радостнымъ сердцемъ,
Для посвященія къ намъ и для возліянья святого!

Перев. съ греч. **Н. Павлинова.**



Тотъ, чей умъ спокоенъ среди скорби, безстрастенъ среди наслажденій, свободенъ отъ желаній, страха и гнѣва, тотъ именуется мудрецомъ съ уравновѣшенной мыслью.

Изр. изъ Бхагавадъ-Гиты.

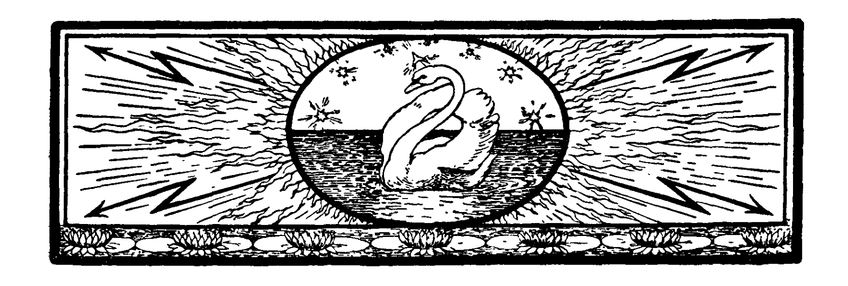


---

[1]) *Вѣтры*—4 Вѣтра, исполнители постановленій Кармы.

[2]) *Космосъ четырехстолпный.* На каждомъ изъ четырехъ угловъ Космоса—четыре Магараджи, Цари, Дэвы, Регенты, Ангелы, управляющіе космическими силами Сѣвера, Юга, Востока и Запада. Въ Индіи—четыре крылатыхъ колеса на каждомъ углу. Каждое изъ нихъ имѣетъ спеціальную оккультную силу. Эти Существа также связаны съ Кармой, такъ какъ она требуетъ физическихъ и матеріальныхъ проводниковъ для исполненія своихъ постановленій (Т. Доктрина I стр. 102).

[3]) *Мэнасъ* и *Аттисъ*—божества, символизирующія Луну.



Изъ дневника теософа.

С.-Петербургъ, 5 сентября 1913 г.

По просьбѣ друзей рѣшаюсь продолжать свой дневникъ.

Вотъ уже скоро недѣля, какъ я вернулась въ Петербургъ.

Квартира Т. О-ва расширилась. Сломана стѣна моей комнаты, чтобы увеличить залъ. Мы заняты ея уборкой. Хочется поставить эстраду и маленькую каѳедру. Думаемъ провести электричество.

Переписываю свою книгу, написанную въ защиту Т. О-ва и его Президента.

Вчера было первое собраніе Совѣта Р. Т. О-ва. Масса дѣлъ и масса проектовъ. Съ 18 сентября, день рожденія Президента, начнется наша дѣятельность. Въ октябрѣ начнутся лекціи и открытыя собранія.

Проѣздомъ въ Москвѣ я видѣлась съ членами Московскаго Отдѣла. У насъ было собраніе и я дѣлала сообщеніе о своей поѣздкѣ за-границу.

Видѣлась съ нѣкоторыми педагогами и дѣятелями по дѣлу Народныхъ Университетовъ. Меня зовутъ зимой въ Москву сдѣлать докладъ о религіозномъ воспитаніи. Намѣчается и публичная лекція.

Познакомилась съ симпатичной редакціей „Бюллетени Литературы и Жизни“, которая поставила себѣ цѣлью отражать *всѣ* интересныя движенія въ русскомъ обществѣ. Такимъ образомъ и Теософія включена въ ея программу.

Всюду чувствуется большой интересъ къ Теософіи. Насторожилась пресса. Насторожились и враги. Повидимому, зима будетъ полна интересной, но сложной работы.

14 сентября.

Наши „пятницы“ (чаепитія членовъ) продолжаются, но работа идетъ пока только организаціонная. Собираются Совѣтъ и Редакція.

Въ концѣ сентября предполагаю проѣхать въ Ростовъ на Дону и на Кавказъ, а въ октябрѣ сестра, М. Каменская, предпринимаетъ турнэ по Россіи, чтобы прочитать рядъ лекцій объ Индіи, съ иллюстраціями при волшебномъ фонарѣ.

Возникаетъ интересная мысль создать на Югѣ Теософическую санаторію при помощи компаніи на паяхъ. Проектъ этотъ принадлежитъ двумъ нашимъ членамъ, врачамъ по профессіи. Идея санаторіи—дать возможность отдыха и возстановленія силъ усталымъ и больнымъ.

Готовлю матеріалы къ двумъ ближайшимъ №№ „В. Теософіи“. Приходится очень тщательно редактировать „Тайную Доктрину“.

20 сентября, С.-Петербургъ.

18 (1 октября н. с.) у насъ было 1-е собраніе Р. Т. О-ва въ нынѣшнемъ сезонѣ. Было свѣтло и хорошо. Нашъ залъ теперь свободно можетъ вмѣстить 100 человѣкъ.

Первая часть вечера была посвящена дѣламъ.

Говорилось о новой организаціи работы въ Р. Т. О-вѣ. Группы отнынѣ подраздѣляются на многолюдныя, съ свободнымъ доступомъ въ теченіе всего года (Секціи) и на небольшіе замкнутые Кружки, въ которые можно записываться только въ началѣ года, и гдѣ будетъ происходить углубленная работа, пособіемъ для которой будетъ служить та или иная теософическая книга.

Секціи будутъ открываться по мѣрѣ того, какъ будутъ наростать новыя потребности членовъ въ той или иной сферѣ мысли. Въ настоящее время намѣчены: *Секція Е. П. Блаватской* (предм. изученія—основныя ученія Теософіи); *Христіанская Секція* (предметъ изученія: Эзотеризмъ Христіанства); *Этическая Секція* (предметъ изученія: Методы проведенія въ жизнь идеаловъ братства и терпимости; главнымъ же образомъ единеніе расъ); *Восточная Секція* (предметъ изученія: сравнительное изученіе религій); *Педагогическая Секція* (предметъ изученія: вопросы воспитанія); *Художественная Секція* (предметъ изученія: Миссія Искусствъ).

При каждой Секціи будетъ работать тѣсный кружокъ, разрабатывающій тѣ же вопросы болѣе глубоко. На его обязанности будетъ лежать разрабатывать програму и готовить интересные доклады для Секцій.

Два члена (Б. Ю. Калларъ и Л. П. Статсбадеръ) предложили безплатные коллективные уроки фр. языка для желающихъ. Членъ, д-ръ И. Т. Тимофеевскій, предложилъ учредить компанію на акціяхъ для устройства на Югѣ санаторіи, гдѣ могли бы находить отдыхъ и пріютъ усталые и больные. Предложеніе принято съ воодушевленіемъ.

Послѣ перерыва мною сдѣлано сообщеніе о моей лѣтней поѣздкѣ по Европѣ (въ Англіи, Скандинавіи, Германіи, Чехіи).

Вечеръ закончился чтеніемъ изъ Евангелія посл. къ Коринѳ. Ап. Павла, которое такъ ярко рисуетъ суть истинной Любви, той Любви, которую теософы пытаются воплотить въ жизнь.

23 сентября, С.-Петербургъ.

Получила изъ Педагогическаго Общества въ Москвѣ приглашеніе прочитать докладъ о новомъ воспитаніи и о духовныхъ запросахъ молодежи. Черезъ нѣсколько дней ѣду въ Москву.

Начались работы нашихъ кружковъ.

Прежде всего открылъ свою дѣятельность Художественный Кружокъ, избравшій Предсѣдательницей А. В. Унковскую.

Начата выработка плана стройной работы, чтобы вносить искусство въ жизнь. Намѣчаются слѣдующія задачи:

1. Выработка идеальнаго репертуара для концертовъ и лекцій съ свѣтовыми картинами.

2. Подготовка біографій великихъ музыкантовъ и художниковъ къ будущему Отдѣлу Искусства въ журналѣ.

3. Группировка сочиненныхъ для дѣтей пьесъ и пѣсенъ А. В. Унковской.

4. Подготовленіе къ 14 ноября новой лекціи о Красотѣ.

5. Повтореніе ея въ народныхъ аудиторіяхъ и въ пріютахъ умалишенныхъ.

6. Созданіе группы трубадуровъ, готовыхъ переноситься въ разные города и мѣстности для исполненія выработанной программы.

Кружокъ начался пѣніемъ „Отче Нашъ“ (хоромъ) и закончился дуэтомъ „Ангелъ“, Рубинштейна.

Рѣшено открыть Секцію искусствъ, т. е. открытыя собранія при Кружкѣ, на которыхъ могутъ быть гостями всѣ члены Р. Т. О-ва. Секція будетъ каждый разъ объявлять о своихъ собраніяхъ.

Въ воскресенье собрались дѣти нашихъ членовъ, присутствовала А. В. Унковская. Мы бесѣдовали объ активной Любви. Дѣти дѣлились своими лѣтними впечатлѣніями. На столѣ у насъ стоялъ чудный букетъ кленовыхъ вѣтокъ съ осенними золотыми и розоватыми листьями. Мы разобрали ихъ ноты и А. В. Унков ская научила дѣтей пѣть ея пѣсню „Кленовые листья“.

Днемъ былъ Совѣтъ, занятый организаціей ближайшей лекціи объ Индіи и открытыми собраніями.

Сегодня вечеромъ работаетъ Редакція.

26 сентября, С.-Петербургъ.

Во вторникъ было 3 дѣловыхъ совѣщанія. „Педагогическій Кружокъ“, „Кружокъ Единенія Расъ“ и „Восточный Кружокъ“ рѣшили открыть свои Секціи, т. е. имѣть открытыя собранія по мѣрѣ того, какъ будетъ накапливаться интересный матеріалъ. Въ кружкахъ участвуютъ только *активные* члены; въ Секцію вступаютъ свободно всѣ желающіе, безъ какихъ бы то ни было условій.

Вчера состоялся въ Обществѣ докладъ М. А. Каменской объ Адіарѣ. Онъ сопровождался прелестными свѣтовыми картинами.

15-го будетъ ея же лекція (публичная) объ Индіи, также съ волшебнымъ фонаремъ.

Идетъ корректура моей французской книги, написанной въ защиту Правды: „M-me Annie Besant et la campagne electorale“.

Пишу годовой отчетъ дѣятельности Р. Т. О-ва для Адіара, которому всѣ Національныя Общества посылаютъ всегда къ ноябрю свое сообщеніе.

Только что ѣздила осматривать залъ Тенишевскаго училища, которымъ мы будемъ пользоваться въ этомъ году для своихъ открытыхъ собраній. Въ залѣ эстрада (въ видѣ сцены), каѳедра, волшебный фонарь, экранъ и мѣсто для 413 слушателей. Гости будутъ допускаться по записямъ (по рекомендаціи членовъ) и по повѣсткамъ. Наша внѣшняя дѣятельность замѣтно расширяется.

28 сентября, С.-Петербургъ.

Сегодня провела нѣсколько часовъ въ Царскосельскомъ паркѣ.

Хорошо побродить подъ голубымъ небомъ по его большимъ аллеямъ. Деревья еще не утеряли свой осенній уборъ и сверкаютъ на солнцѣ золотистыми, оранжевыми и пурпуровыми переливами. Особенно хороши клены и дубы въ своемъ стильномъ убранствѣ... Два-три часа бесѣды съ деревьями и небомъ удивительно возстанавливаютъ равновѣсіе въ организмѣ и снова охватываетъ чувство полной бодрости и энергіи. Теософъ обязанъ думать о своемъ здоровьѣ, чтобы быть хорошимъ работникомъ и потому слѣдуетъ почаще брать такія живительныя воздушныя ванны вдали отъ шума и пыли большихъ городовъ.

Еще есть для меня очарованіе въ миломъ Царскосельскомъ паркѣ: это разбросанные по парку миніатюрные храмы: то покажется золотой шпицъ минарета, то мелькнетъ въ глубинѣ аллеи пирамида, то на лужайкѣ вырисовывается свѣтлый храмъ Изиды и всѣ они, какъ прекрасные символы, говорятъ о братствѣ народовъ, о единствѣ Бога, о вѣчной жизни духа...

10 октября, С.-Петербургъ.

Вернулась изъ Москвы, гдѣ по приглашенію Правленія Педагогическаго Общества читала докладъ: „Гармоническое развитіе ребенка въ связи съ вопросами новаго воспитанія". Кромѣ того, читала въ Открытомъ Собраніи Московскаго Отдѣла докладъ на тему „Братство религій".

Въ послѣдній день видѣлась и бесѣдовала со многими интересующимися. Приходили нѣсколько человѣкъ бесѣдовать, даже цѣлой группой.

Вышла моя книга въ защиту Т. О-ва и нашего Президента. Сегодня разсылаю ее во всѣ Отдѣлы и въ заграничные центры.

Работа во всѣхъ Секціяхъ и Кружкахъ въ полномъ ходу.

Совѣтскіе Кружки также открыли свою дѣятельность.

16 октября, С.-Петербургъ.

Вчера М. А. Каменская прочитала съ блестящимъ успѣхомъ лекцію объ Индіи. Зала была переполнена и сидѣла, какъ зачарованная, передъ картинами, въ которыхъ ярко проходила вся исторія искусства и культуры Индіи. Закончилась серія картинъ прелестнымъ видомъ на снѣжныя вершины Гималаевъ.

Завтра сестра начинаетъ свое турнэ, въ которое войдетъ около 10 городовъ Россіи.

18 октября, С.-Петербургъ.

М. А. Каменская уѣхала. Свое турнэ она начинаетъ съ Калуги и Москвы.

Вчера вечеромъ былъ докладъ В. Н. Пушкиной: „Криминалогія въ свѣтѣ Теософіи“. Докладъ написанъ просто и задушевно, но съ большой глубиной. Чувствуется сама жизнь. Сердце соприкоснулось съ душой нѣсколькихъ отверженныхъ и ихъ душа раскрылась навстрѣчу. Считаю этотъ докладъ эпохой въ нашей работѣ. Теософія должна своимъ свѣтомъ озарять не только всѣ области человѣческой мысли и дѣятельности, но и всѣ уголки жизни, самые заброшенные и ужасные. Всюду она должна нести свѣтъ и исцѣленіе.

Можетъ быть опытъ, о которомъ намъ разсказала В. Н. П., послужитъ толчкомъ для образованія Лиги помощи тюрьмѣ. Первой задачей такой Лиги было бы открыть убѣжище для вышеуказанныхъ преступниковъ.

20 октября, С.-Петербургъ.

Вчера я была опять нѣсколько часовъ за-городомъ и ходила по аллеямъ вѣкового парка. Листопадъ завершается. Все время съ деревьевъ сыпался розово-золотистый дождь отжившихъ листьевъ, устилающихъ землю густымъ ковромъ. Листья шуршатъ подъ ногами и наполняютъ воздухъ тонкимъ острымъ ароматомъ осени.

Какъ хорошо думается, гуляя подъ золотымъ дождемъ и вдыхая чистый воздухъ еловыхъ и дубовыхъ аллей! Мысли ясно и отчетливо чередуются, сплетаясь въ стройную цѣпь красивыхъ образовъ и легко рождается планъ за планомъ новой работы на нивѣ Теософіи. Всѣ мои лекціи и статьи рождаются у меня прежде всего подъ живымъ куполомъ неба, на зеленомъ просторѣ, и позже уже дома, въ стѣнахъ городскихъ, перо послушно отражаетъ пережитыя на воздухѣ мысли.

Сегодня у меня будутъ дѣти. Они будутъ устраивать елку и праздникъ для уличныхъ дѣтей.

25 октября, С.-Петербургъ.

Получила приглашеніе поѣхать въ Финляндію и прочитать тамъ лекцію. Проведу въ Гельсингфорсѣ 2 дня.

Только что закончила отчетъ о дѣятельности Общества за сей годъ.

31 октября, С.-Петербургъ.

Вчера у насъ было I Открытое Собраніе этого сезона. Мы собрались въ Тенишевскомъ Училищѣ. Было около 100 членовъ и болѣе 200 гостей. Я читала докладъ „Братство Религій“. Настроеніе сразу создалось глубокое. Пренія были оживленныя.

1—14 ноября, С.-Петербургъ.

Сегодня ѣду въ Гельсингфорсъ.

Передъ отъѣздомъ буду въ гимназіи М. Н. Стоюниной, гдѣ празднуется 25-лѣтіе дѣятельности скромной труженицы M-lle Sophie Renaud, воспитательницы ея дочери и внуковъ.

Нашъ Музыкальный Кружокъ рѣшилъ принять участіе въ симпатичномъ торжествѣ устройствомъ маленькаго концерта.

Гельсингфорсъ, 2 ноября.

Сегодня утромъ, въ 10 час., мы въѣхали въ столицу Финляндіи

Насъ [1]) встрѣтили съ цвѣтами два члена Т. О-ва въ Финляндіи и провели въ гостиницу, гдѣ намъ были приготовлены двѣ свѣтлыя комнатки. Хотѣли сейчасъ же везти въ Теософическую колонію, въ Огельбю, но я предпочла до лекціи не предпринимать загородныхъ прогулокъ и потому я провела тихій день въ своемъ №, въ то время, какъ моя спутница осматривала Національный музей. Писала и готовилась къ лекціи.

Сегодня Закрытое Собраніе Т. О-ва. Я буду говорить о духовной работѣ и о законѣ единства.

Гельсингфорсъ, 3 ноября.

Вчера вечеромъ насъ чествовало Т. О-во Финляндіи. Залъ былъ убранъ цвѣтами. Нѣсколько членовъ спѣли намъ красивыя финскія пѣсни. Одна дѣвушка продекламировала поэму: „Молитва пѣвца“. Пѣвецъ со скорбью обращается къ Богу и упрекаетъ Его за то, что Онъ создалъ міръ такимъ темнымъ и несчастнымъ. Глубокая ночь пронизывается молніей и раздаются раскаты грома. Буря проносится по сердцу пѣвца и онъ рыдаетъ надъ скорбью міра. Но вотъ настало затишье и просвѣтленіе. Пѣвецъ опускается на колѣни, проситъ Бога простить ему его дерзкія рѣчи и молитъ у Него помощи въ его желаніи служить. Онъ обѣщаетъ полное смиреніе и хочетъ быть орудіемъ Бога въ мірѣ, чтобы черезъ

---

[1]) Со мной ѣздилъ въ Финляндію молодой членъ нашъ, Н. Н. П—а.

него прошло въ міръ хоть немного свѣта и утѣшенія... Пламенно молится пѣвецъ и когда онъ встаетъ съ земли, къ которой онъ припалъ, онъ вдругъ видитъ, что кругомъ все перемѣнилось: ночь прошла, небо просвѣтлѣло и алѣетъ заря...

Декламація смѣняется опять музыкой, а затѣмъ чаепитіемъ. Дѣвушки въ національныхъ костюмахъ разносятъ чай и угощеніе. Послѣ привѣта Предсѣдателя г. Пекка Эрвастъ, я говорю рѣчь о законѣ единства и о работѣ въ духѣ. Въ глубокомъ молчаніи слушаетъ меня финская аудиторія и когда я кончаю, всѣ встаютъ и привѣтствуютъ въ моемъ лицѣ Р. Т. О. глубокимъ поклономъ.

На этомъ собраніи все такъ просто, задушевно и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то торжественно. Чувствуется, что всѣ понимаютъ глубокое значеніе нашего духовнаго объединенія и всѣ радостно взволнованы. Кругомъ внѣшнія испытанія, вражда и разъединеніе. А на свободной теософической платформѣ мы встрѣчаемся, какъ друзья и родные, и созидаемъ новую жизнь на истинныхъ основахъ, на основахъ духа...

Въ концѣ вечера меня просятъ что-нибудь сыграть и я играю „Воспоминаніе изъ Соренто“, Мелилотти и русскую пѣсню: „Если бы могъ я высказаться въ звукѣ“... Звуки льются среди глубокой тишины и объединяютъ насъ особой, таинственной властью...

Мы расходимся тихіе и счастливые. Финляндія побраталась съ Россіей... Душа народа Финскаго, прекрасная, пламенная, мистическая душа, прикоснулась къ нашей и на мигъ мы жили одной сказочной жизнью Духа... Благословеннымъ воспоминаніемъ останется этотъ часъ для насъ...

3 часа дня, Гельсингфорсъ.

Закончилась моя лекція „Миссія Красоты“.

Мы собрались въ изящномъ помѣщеніи Студенческаго Союза. Залъ былъ почти полонъ. Передъ лекціей г. П. Эрвастъ сыгралъ прелюдію Баха, а послѣ лекціи извѣстный музыкантъ, г. Мериканто сыгралъ пьесу собственной композиціи, въ которой слышалось высокое стремленіе и полетъ духа человѣка къ Богу.

Сразу аудиторія притихла и гармонизировалась. Было легко говорить. Со слушателями съ первой же минуты установилась какая-то невидимая связь и слова легко облекали мысль. Рѣдко удавалось мнѣ говорить такъ стройно и легко на чужомъ языкѣ.

Сегодня вечеромъ мы приглашены на прощальный обѣдъ. Я отказалась отъ народнаго концерта, который надо было ѣхать слушать за-городъ и отдыхаю до обѣда за этими записками. Ра-

достно чувствовать, что въ странѣ чужой и вмѣстѣ съ тѣмъ сказочно-близкой, гдѣ такъ тѣсно переплелись наши національныя кармы, дѣлаешь важную работу духа.

4 ноября, С.-Петербургъ,

Только что вернулась изъ Финляндіи.

Вчера насъ долго и трогательно еще чествовали наши финскіе друзья. Они обѣщали насъ скоро посѣтить.

Важная новость: вышла въ свѣтъ „Бхагавадъ Гита". Съ глубокой радостью привѣтствую ее.

8 ноября, С.-Петербургъ.

Вчера было общее собраніе. Читалъ интересный докладъ П. И. Тимофеевскій на тему: „Нищіе духомъ".

Образовалась комисія для пріема гостей къ Годовому Собранію. Мы усиленно готовимся къ торжественному Собранію памяти А. П. Философовой, 14 ноября.

Сегодня и завтра репетиціи.

Завтра уже начинается слетъ теософовъ.

15 ноября, С.-Петербургъ.

Вчера было у насъ торжественное Собраніе памяти А. П. Философовой. Докладъ о Красотѣ (мой) иллюстрировался свѣтовыми картинами и музыкой. Залъ былъ переполненъ. Были представители многихъ общественныхъ организацій, профессуры и литературы.

Вечеръ прошелъ очень удачно. При звукахъ дивной музыки чередовались картины, говорившія въ вѣщихъ символахъ о красотѣ вѣчной.

Послѣ окончанія собранія многіе пришли благодарить за пережитые ими глубокіе часы. На эстрадѣ, въ цвѣтахъ, все время стоялъ портретъ А. П. Философовой. Казалось, она была съ нами, радовалась нашей любви и насъ свыше всѣхъ объединяла.

Это былъ удивительный вечеръ по силѣ и глубинѣ общаго настроенія.

25 ноября, С.-Петербургъ.

Закончилась наша „золотая" недѣля. По традиціи, къ 17 ноября съѣзжаются многіе члены изъ провинціи и всѣ представители Отдѣловъ. Въ виду этого, Совѣтъ устроилъ рядъ лекцій и собраній, пріуроченныхъ къ 17 ноября. Вышла необыкновенно интересная недѣля.

Среда, 13 ноября. Пріемъ гостей и чаепитіе.

Четвергъ, 14 ноября. Торжественное Собраніе памяти Анны Павловны Философовой.

Пятница, 15 ноября. Лекція публичная Е. М. Кузмина („Въ поискахъ невѣдомаго“).

Суббота, 16 ноября. Дѣловыя засѣданія Совѣта и Ревизіонной Комисіи.

Воскресенье, 17 ноября, 2 ч. д. и понедѣльникъ, 8 час. веч. Годовое Собраніе.

Вторникъ, 18 ноября. Прощальный концертъ и чаепитіе.

Среда, 19 ноября. Закрытое Собраніе (Докладъ А. Погосской: „О гармоніи въ трудѣ“).

Четвергъ, 20 ноября. Открытое Собраніе (Докладъ Е. Писаревой: „Духовное и психическое развитіе“).

Особенно удачны были торжественное Собраніе памяти А. П. Философовой и докладъ Е. Ф. Писаревой. Можно сказать, что все Годовое Собраніе прошло необыкновенно свѣтло и хорошо.

Большой радостью для насъ былъ 14 ноября пріѣздъ представителя Теософическаго Общества въ Финляндіи, г. Пекка Эрвастъ и нѣсколькихъ его друзей. Они пріѣхали, чтобы быть на чествованіи памяти А. П. Философовой. Они остались съ нами еще день и были на публичной лекціи Е. М. Кузмина. Въ тотъ же вечеръ симпатичная группа уѣхала съ ночнымъ поѣздомъ обратно въ Гельсингфорсъ. Въ этотъ день г. Пекка Эрвастъ и его друзья обѣдали съ нами и послѣ обѣда маленькая финляндка, прелестная Пипа Геліо, спѣла намъ нѣсколько финскихъ пѣсенъ. Передъ отъѣздомъ я благодарила горячо г. Пекка Эрвастъ за то, что онъ насъ посѣтилъ. Въ отвѣтной рѣчи своей г. Пекка Эрвастъ выразилъ убѣжденіе, что Россія имѣетъ великое будущее и благодарилъ насъ за братскую ласку и любовь, которую онъ и его друзья почувствовали очень сильно. Мы разстались съ увѣренностью, что страны, встрѣчающія ежедневно *первыя* восходъ Солнца, Восточныя страны Европы, имѣютъ особую миссію духовную, важную для всего міра.

2 декабря, С.-Петербургъ.

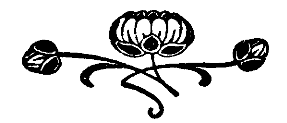
Черезъ двѣ недѣли заканчивается I часть нашего зимняго сезона. Намъ еще предстоитъ прослушать 6 декабря интересное сообщеніе нашего члена Н. К. Гернетъ: „Воскресшая Атлантида“ и 10-го—публичную лекцію П. И. Тимофеевскаго: „Отъ смерти къ безсмертію“.

Дѣятельность Р. Т. О-ва закончится въ нынѣшнемъ полугодіи около 20 декабря, но будутъ продолжаться наши „пятницы", а также праздничныя приготовленія къ устройству елки для уличныхъ дѣтей.

Послѣ 12-го я ѣду въ Москву, чтобы поработать до праздниковъ въ Московскомъ Отдѣлѣ. 15-го въ Москвѣ назначенъ публичный диспутъ по поводу лекціи П. И. Тимофеевскаго „Отъ смерти къ безсмертію".

Трудный 1913 г. заканчивается среди интенсивной работы и богатыхъ плановъ на будущее.

Alba.



Здѣсь нѣтъ ни затраты силъ, ни нарушенія; даже и неполное знаніе Дхармы спасаетъ отъ великаго страха.

Мысль рѣшительнаго Разума направлена къ этому, о Радость Куру!

Мысли нерѣшительнаго развѣтвляются до безконечности.

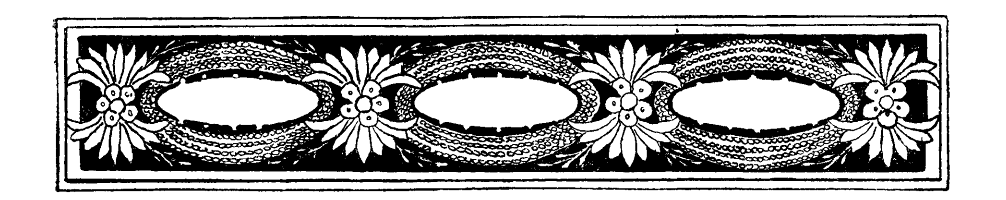
Для просвѣтленнаго Брамина Веды не болѣе полезны, чѣмъ для мѣстности, затопленной водою, полезенъ малый прудъ.

Взирай лишь на дѣло, а не на плоды его; да не будетъ побужденіемъ твоимъ—плоды дѣятельности, но и бездѣйствію не предавайся.

Отказываясь отъ привязанностей (къ плодамъ дѣятельности), оставаясь одинаково уравновѣшеннымъ въ успѣхѣ и въ неудачѣ, совершай дѣянія въ сліяніи съ божественнымъ, о Дхананджая; равновѣсіе именуется Іогой.

Когда человѣкъ отказался отъ всѣхъ вожделѣній сердца, о Партха, и углубившись въ себя, нашелъ удовлетвореніе въ *Божественномъ Я*, тогда онъ именуется стойкимъ.

Изр. изъ Бхагавадъ-Гиты.



Gitanjali *).

(Пѣсни, приносимыя въ даръ),

Rabindranath Tagore.

Переводъ съ англійскаго **С. В. Татариновой.**

Предисловіе.

Въ своемъ предисловіи къ англійскому изданію „Жертвенныхъ пѣсенъ“ (Gitanjali), переведенныхъ на англійскій языкъ прозой самимъ авторомъ, W. B. Yeats сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Рабиндранатѣ Тагорѣ.

Рабиндранатъ Тагоръ, современный индусскій поэтъ, происходитъ изъ семьи, давшей уже нѣсколько поколѣній знаменитыхъ людей. Въ Индіи говорятъ, что нынѣшнее время можетъ быть названо „эпохой Рабиндраната“.

Въ музыкѣ онъ такъ-же великъ, какъ и въ поэзіи, и пѣсни его поются въ Индіи отъ запада до самой Бирмы, повсюду, гдѣ только говорятъ на языкѣ Бенгали.

Когда ему было девятнадцать лѣтъ, онъ написалъ свой первый разсказъ, сразу доставившій ему извѣстность. Пьесы, написанныя имъ въ юности, до сихъ поръ даются на сценѣ въ Калькуттѣ.

---

*) Авторъ современной Индусской поэмы „Пѣсни, приносимыя въ даръ“, происходитъ изъ семьи Тагоріовъ (Tagore), давшей Индіи уже нѣсколько поколѣній великихъ людей. Два брата поэта извѣстные художники, а третій его братъ—выдающійся философъ.

Пѣсни, переведенныя въ настоящемъ изданіи, взяты изъ трехъ книгъ его стихотвореній: Naivedya, Kheya и Gitanjali. Сюда вошли также и нѣсколько другихъ его стихотвореній.

Примѣчаніе Редакціи.

Въ молодости онъ много писалъ по вопросамъ естественной исторіи и цѣлые часы проводилъ въ своемъ саду, наблюдая и изучая природу.

Ежедневно онъ проводитъ нѣсколько часовъ, сидя неподвижно и предаваясь медитаціи.

Въ возрастѣ отъ 25-ти до 35-ти лѣтъ, когда онъ испыталъ большое горе, онъ писалъ чудные стихи, въ которыхъ воспѣвалъ любовь. Послѣ этого талантъ его дѣлается все глубже, носитъ на себѣ уже чисто религіозный и философскій характеръ. Всѣ стремленія человѣчества выражаетъ онъ въ пѣсняхъ своихъ.

Въ настоящее время кромѣ Рабиндраната пользуются большой извѣстностью его братья: Гогонендранатъ и Абининдранатъ Тагоры, оба художники и Двиджендранатъ Тагоръ, выдающійся философъ.

1.

Ты создалъ меня безконечнымъ, такова воля Твоя. Снова и снова осушаешь Ты этотъ хрупкій сосудъ, вѣчно вливаешь въ него новую жизнь.

Черезъ горы и долы пронесъ Ты эту слабую тростниковую свирѣль, извлекая изъ нея вѣчно новыя мелодіи.

Когда безсмертныя длани Твои прикасались къ моему крошечному сердцу, оно безпредѣльно росло въ радости, рождая неизреченные глаголы.

Твои безмѣрные дары падаютъ мнѣ на ладони рукъ моихъ. Вѣка проходятъ, а рука Твоя не оскудѣваетъ и не полонъ сосудъ.

2.

Ты повелѣваешь мнѣ пѣть, и сердце мое готово разорваться отъ радости. И я гляжу на ликъ Твой, и слезы туманятъ мнѣ очи.

Все грубое, нестройное въ жизни моей претворяется въ единую сладостную гармонію, и мое поклоненіе широко расправляетъ крылья, подобно птицѣ въ радостномъ полетѣ ея черезъ море.

Я знаю, Ты любишь мои пѣснопѣнія, я знаю, какъ пѣснопѣвецъ лишь—я могу предстать предъ Тобою.

Краемъ широко раскрытаго крыла моего пѣснопѣнія я касаюсь стопы Твоей, я и помыслить не дерзаю, что я достигну ея.

Опьяненный радостью пѣснопѣній, внѣ себя, я зову Тебя другомъ, Тебя, моего Господа.

3.

Не въ моихъ силахъ постичь Твое пѣніе, Господи! Въ безмолвіи, изумленный, я внимаю Тебѣ.

Свѣтъ Твоихъ гармоній освѣщаетъ міръ. Животворное дыханіе гармоній Твоихъ проносится отъ неба къ небу. Сквозь всѣ каменныя преграды проникаетъ священный потокъ Твоей гармоніи и устремляется все дальше и дальше.

Сердце мое порывается слиться съ Твоимъ пѣснопѣніемъ, но тщетно пытаюсь я найти въ себѣ голосъ. Я хотѣлъ бы говорить, но рѣчь моя не изливается въ пѣснѣ, и я кричу въ безсиліи. О, Ты опуталъ сердце мое безконечными нитями Твоихъ гармоній, Господи!

4.

Жизнь жизни моей! Вѣчно буду пытаться я хранить тѣло мое въ чистотѣ; я чувствую животворное прикосновеніе Твое на всѣхъ членахъ моихъ.

Вѣчно буду пытаться я изгонять изъ мыслей моихъ всякую неправду; я знаю, что Ты истина, зажигающая въ умѣ моемъ свѣтъ разума.

Вѣчно буду пытаться я отгонять отъ сердца моего всякое зло и лелѣять цвѣтокъ любви моей: я знаю, что Ты обитаешь въ сокровенномъ храмѣ сердца моего.

Всѣ усилія приложу я, чтобы проявить Тебя въ дѣяніяхъ моихъ,—я знаю, что это Твоя власть дала мнѣ силу дѣйствовать.

5.

Молю Тебя, снизойди на мигъ, дай сѣсть подлѣ Тебя. Работу свою я кончу послѣ.

Вдали отъ лика Твоего сердце мое не знаетъ ни отдыха, ни покоя, и работа моя превращается въ безконечный трудъ среди безбрежнаго моря труда.

Сегодня лѣто заглянуло въ окно мое со своими вздохами и шопотомъ; и пчелы, какъ хоръ менестрелей, поютъ свои пѣсни въ дворцахъ изъ душистыхъ кустовъ.

Настало время покойно сидѣть, глядя въ ликъ Твой и воспѣвать жизнь въ этомъ полномъ молчаніи и наивысшемъ покоѣ.

6.

Сорви этотъ маленькій цвѣтокъ, возьми его немедля. Я боюсь, онъ увянетъ и падетъ на пыльную землю.

Ему, быть можетъ, и не найдется мѣста въ вѣнкѣ Твоемъ. Осчастливь его, прикоснись къ нему сострадательной рукой, сорви его. Я боюсь, что и не замѣчу, какъ угаснетъ день, и минетъ время жертвоприношеній.

Не ярки краски его и тонокъ его ароматъ. Возьми этотъ цвѣтокъ, пусть онъ послужитъ Тебѣ, сорви его, пока не поздно.

7.

Пѣсня моя совлекла покровы свои. Не нужно ей одеждъ и убранствъ. Украшенія помѣшаютъ нашему единенію; они станутъ между Тобой и мной; ихъ бряцаніе заглушитъ Твой шопотъ.

Гордость поэта стыдливо замираетъ при видѣ Тебя. О, великій поэтъ, я опускаюсь къ ногамъ Твоимъ. Дозволь только, чтобъ жизнь моя была проста и пряма, какъ тростниковая свирѣль, готовая принять звуки Твоихъ мелодій.

8.

Облеченное въ царскія одежды, съ ожерельемъ изъ драгоцѣнныхъ камней вокругъ шеи, дитя не можетъ тѣшиться игрой; платье связываетъ каждый шагъ его.

Оно боится разорвать и запачкать его, и удаляется отъ гостей, боясь двигаться.

О мать, не нужно этихъ красивыхъ цѣпей, если онѣ не пускаютъ на дышащую здоровьемъ землю, если онѣ лишаютъ права смѣшаться съ толпой на великомъ торжищѣ человѣческой жизни.

9.

О, безумецъ, пытающійся нести себя на своихъ же плечахъ! О, бѣднякъ, идущій просить подаянія у своей же двери!

Предоставь все бремя свое тѣмъ рукамъ, что могутъ нести все, и никогда не гляди назадъ съ сожалѣніемъ.

Твое желаніе можетъ сразу потушить дыханіемъ своимъ лампады. Оно грѣшное, не бери даровъ изъ нечистыхъ рукъ его. Принимай лишь то, что предлагаетъ тебѣ святая любовь.

10.

Вотъ скамья Твоя и ноги Твои покоятся тамъ, гдѣ живутъ бѣднѣйшіе, униженные и павшіе.

Когда я пытаюсь поклониться Тебѣ, поклонъ мой не доходитъ до той бездны, гдѣ ноги Твои покоятся среди бѣднѣйшихъ, униженныхъ и павшихъ.

Гордость не можетъ подойти къ Тебѣ тамъ, гдѣ ходишь Ты въ скромной одеждѣ, среди бѣднѣйшихъ, униженныхъ и павшихъ.

Сердце мое не находитъ пути туда, гдѣ съ одинокимъ проводишь Ты дни, среди бѣднѣйшихъ, униженныхъ и павшихъ.

11.

Оставь свои славословія, пѣснопѣнія и четки! Кому поклоняешься ты въ этомъ темномъ углу храма съ запертыми дверями? Открой очи свои и погляди,—твоего Бога нѣтъ предъ тобою.

Онъ тамъ, гдѣ пахарь воздѣлываетъ твердую землю и каменщикъ бьетъ камни на дорогѣ. Онъ съ ними въ солнечный зной, и въ ливень, и одежда Его запылена. Сними священныя ризы, и подобно Ему выйди на пыльную дорогу.

Освобожденіе? Гдѣ найдешь ты это освобожденіе? Нашъ Господь самъ радостно принялъ на себя узы творенія; Онъ связанъ со всѣми нами навѣкъ.

Выйди изъ своего созерцанія, оставь цвѣты и куренія! Что въ томъ, что одежда твоя въ лохмотьяхъ и въ грязи? Иди навстрѣчу Ему и трудись вмѣстѣ съ Нимъ въ потѣ лица твоего.

12.

Долго длится странствіе мое, и далекъ мой путь. Я выѣхалъ на колесницѣ, когда блеснулъ первый лучъ зари, и шествую среди пустынныхъ міровъ, оставляя слѣдъ на многихъ звѣздахъ и планетахъ.

Самый длинный путь приводитъ тебя къ себѣ самому и самый сложный ладъ разрѣшается въ простѣйшее созвучіе.

Путникъ стучится у каждой двери, пока дойдетъ до своей, и суждено ему странствовать по внѣшнимъ мірамъ, пока не достигнетъ онъ наконецъ сокровеннаго храма своего.

Широко отверстыя очи мои глядятъ вдаль, пока я не закрою ихъ и не произнесу: „Ты здѣсь!"

И крикъ, вопрошающій: „О гдѣ?" таетъ въ слезахъ тысячи потоковъ, и міръ заливаетъ хлынувшая волна утвержденія: „Я есмь!"

13.

Я пришелъ пѣть, но пѣснь моя остается неспѣтой.

Я проводилъ дни, натягивая и ослабляя струны моей лиры.

Время еще не настало, слова не сложились стройно, въ сердцѣ моемъ одна смертельная тоска стремленія.

Цвѣтокъ еще не раскрылся; лишь вѣтеръ вздыхаетъ вблизи.

Я не видалъ лица Его, не слыхалъ Его голоса; я прислушивался лишь къ легкимъ шагамъ Его на дорогѣ передъ домомъ моимъ.

Долгій день прошелъ, а я все разстилалъ коверъ на полу, гдѣ бы могъ Онъ сѣсть. Но лампада не была зажжена и я не дерзаю звать Его въ домъ мой.

Я живу надеждой встрѣтить Его, но встрѣчи еще не было.

14.

Много желаній во мнѣ, и жалостенъ крикъ мой, но вѣчно спасаешь Ты меня суровымъ отказомъ своимъ. И въ этой строгой жалости закалилась насквозь жизнь моя.

Съ каждымъ днемъ становлюсь я достойнѣе тѣхъ, простыхъ, великихъ даровъ, какими, непрошенный, Ты одарилъ меня,—этого неба и свѣта, этого тѣла, этой жизни и разума, когда спасаешь меня отъ опасности чрезмѣрныхъ желаній.

То томлюсь я въ безсиліи, то пробуждаюсь и спѣшу на поиски цѣли своей. Но безжалостно скрываешься Ты отъ меня.

Съ каждымъ днемъ становлюсь я достойнѣе предстать предъ Тобою, ибо, отказывая мнѣ поминутно, Ты спасаешь меня отъ опасности безсильнаго, смутнаго желанія.

15.

Я здѣсь, чтобы пѣть Тебѣ пѣснь мою.

Въ этомъ чертогѣ Твоемъ у меня есть мѣсто въ углу.

Въ мірѣ Твоемъ не находится мнѣ работы.

Моя безполезная жизнь можетъ издавать лишь нестройные, безцѣльные звуки.

Когда пробьетъ часъ безмолвнаго поклоненія Тебѣ въ темномъ храмѣ полуночи,—повели, Господи, предстать предъ Тобою съ моимъ пѣснопѣніемъ.

Когда настроена золотая арфа, въ утреннемъ воздухѣ, осчастливь меня призывомъ Своимъ.

16.

Я званъ былъ на пиръ въ этомъ мірѣ, и благословенна была жизнь моя. Очи мои видѣли, и слышали уши мои.

Мой удѣлъ былъ играть на лютнѣ на этомъ пиру, и я исполнилъ, что могъ.

И теперь я вопрошаю: настало ли время мнѣ войти и узрѣть ликъ Твой, и въ безмолвіи принести Тебѣ мое поклоненіе?

17.

Я жду лишь любви, чтобы отдаться, наконецъ, въ руки ея. Потому-то и запоздалъ я такъ и совершилъ столько ошибокъ.

Они пришли со своими уставами и законами, чтобы крѣпко связать меня. Но я вѣчно избѣгаю ихъ,—я жду лишь любви, чтобъ отдаться наконецъ въ руки ея.

Люди бранятъ меня, зовутъ меня неосторожнымъ, я не сомнѣваюсь, что правы они въ своихъ укоризнахъ.

Время торжища прошло, всѣмъ пора кончать трудъ свой. Тѣ, что пришли напрасно звать меня, въ гнѣвѣ ушли назадъ; я жду лишь любви, чтобъ отдаться наконецъ въ руки ея.

18.

Тучи сгущаются и темнѣетъ. О любовь, зачѣмъ оставляешь меня ждать у порога двери Твоей въ одиночествѣ?

Въ минуты кипучей работы полудня я вмѣстѣ съ толпой, но въ этотъ темный, печальный день я жду лишь Тебя.

Если ты не покажешь мнѣ лица Своего, если Ты совсѣмъ отринешь меня, я не знаю, что будетъ со мною въ эти долгіе, дождливые часы.

Я упорно гляжу на далекій мракъ въ небесахъ, и буйный вѣтеръ уноситъ за собой мое рыдающее сердце.

19.

Если безмолвствуешь Ты, я наполню сердце мое Твоимъ молчаньемъ и буду терпѣть его. Тихо буду ждать я, подобно ночи съ ея звѣзднымъ дозоромъ, низко склонивъ въ терпѣніи главу мою.

Я вѣрю,—утро наступитъ, мракъ разсѣется, и голосъ Твой, разорвавъ небеса, разольется золотыми потоками.

И изъ каждаго гнѣзда птицъ моихъ вылетятъ крылатыя слова Твоихъ пѣснопѣній, и гармоніи Твои выростутъ цвѣтами во всѣхъ тѣнистыхъ рощахъ моихъ.

20.

Умъ мой блуждалъ, увы, въ тотъ день, какъ цвѣлъ лотосъ, я и не зналъ про это. Корзина моя была пуста, и цвѣтокъ остался незамѣченнымъ.

Но по временамъ тоска нападала на меня, и я внезапно просыпался, ощущая сладкій слѣдъ страннаго аромата въ дуновеніи южнаго вѣтра.

Отъ неуловимой сладости этой ныло сердце мое въ тоскѣ желанія, и мнѣ казалось, что жаркое дыханіе лѣта довершаетъ его.

Я не зналъ тогда, что это такъ близко, что это мое, и что совершенная сладость эта расцвѣла въ глубинѣ моего собственнаго сердца.

21.

Я долженъ спустить на воду ладью мою. Вяло тянутся дни на берегу,—горе мнѣ!

Весна отцвѣла и ушла. И теперь подъ бременемъ ненужныхъ, увядшихъ цвѣтовъ я жду и медлю.

Волны бушуютъ, и на берегу, на тѣнистой дорожкѣ, крутятся и падаютъ желтые листья.

Что за пустоту созерцаете вы! Развѣ вы не слышите, какъ воздухъ задрожалъ отъ звуковъ далекой пѣсни, несущейся съ того берега?

22.

Въ сгустившемся сумракѣ дождливаго іюля таинственно ступаешь Ты, какъ безмолвная ночь, избѣгая дозора.

Сегодня утро закрыло очи свои, глухо оно къ настойчивымъ зовамъ восточнаго вѣтра, и густымъ покровомъ завѣсилось вѣчнобезсонное синее небо.

Стихли пѣсни въ лѣсахъ, и въ каждомъ домѣ закрыты всѣ двери. Лишь Ты, одинокій путникъ, бредешь по этой пустынной улицѣ. О, мой единственный, мой возлюбленный другъ, двери дома моего настежь открыты, не пройди мимо подобно грезѣ.

23.

Неужели пустился Ты въ свое странствіе любви въ эту бурную ночь, другъ мой? Небо стонетъ, подобно человѣку въ отчаяніи.

Сегодня ночью я спать не могу. Снова и снова отворяю я дверь свою и гляжу во мракъ, другъ мой!

Ничего не вижу я передъ собой. Я не знаю, гдѣ лежитъ путь Твой!

На какомъ далекомъ берегу темной рѣки, на какой далекой опушкѣ угрюмаго лѣса, черезъ какую запутанную бездну мрака, совершаешь Ты путь свой, чтобы прійти ко мнѣ, другъ мой!

24.

Когда угаснетъ день и умолкнетъ пѣніе птицъ, когда усталый вѣтеръ затихнетъ,—опусти на меня густую завѣсу тьмы, подобно тому, какъ укрываешь Ты землю покровомъ сна, и въ сумерки нѣжно складываешь лепестки поникшаго лотоса.

Отжени стыдъ и бѣдность отъ путника, въ сумѣ котораго нѣтъ уже запасовъ, прежде чѣмъ оконченъ путь его, и платье его запылено, и силы изсякли, и обнови жизнь его, какъ обновляешь ты цвѣтокъ подъ покровомъ ласковой ночи Твоей.

25.

Въ усталую ночь дай мнѣ предаться сну безъ борьбы, возложивъ на Тебя упованіе мое.

Не дозволяй ослабшему уму моему черезъ силу готовиться къ поклоненію Тебѣ.

Вѣдь это Ты спускаешь завѣсу ночи передъ усталыми очами дня, чтобы обновить зрѣніе его въ свѣжей радости пробужденія.

26.

Онъ пришелъ и сѣлъ подлѣ меня, но я не проснулся. Проклятъ былъ этотъ сонъ, о я несчастный.

Онъ пришелъ въ тихую ночь, арфа была въ рукахъ Его, и грезы мои наполнялись отзвуками Его мелодій.

Увы, почему гибнутъ такъ всѣ ночи мои?

Почему вѣчно не успѣваю взглянуть я на Того, Чье дыханіе прикасается ко мнѣ во снѣ?

27.

Свѣтъ, о гдѣ Свѣтъ? Зажги его пылающимъ огнемъ желанія.

Лампада тутъ, но не вспыхиваетъ въ ней никогда даже и мерцающее пламя—такова судьба твоя, сердце мое! Ахъ! лучше тебѣ умереть.

Горе стучится въ дверь твою и несетъ вѣсть, что Господь твой бодрствуетъ и зоветъ тебя чрезъ мракъ ночи на свиданіе любви.

Небо застлали тучи, и дождь льетъ безъ конца. Я не знаю, что поднимается во мнѣ, я не знаю, что со мною.

На мигъ вспыхиваетъ молнія, и еще болѣе глубокій мракъ окутываетъ зрѣніе мое, и сердце мое ощупью ищетъ дорогу, куда зовутъ меня звуки ночи.

Свѣтъ, о гдѣ свѣтъ? Зажги его пылающимъ огнемъ желанія! Громъ гремитъ, и вѣтеръ бушуетъ, рыдая въ пространствѣ, ночь темна, какъ черный камень. Не давай часамъ проходить во мракѣ. Зажги лампаду любви жизнью своей.

28.

Крѣпки тенета, но сердце болитъ, когда я стараюсь разорвать ихъ.

Я ищу лишь свободы, но мнѣ стыдно надѣяться на нее.

Я вѣрю, что въ Тебѣ скрыты безцѣнныя сокровища, и что Ты лучшій другъ мой, но не хватаетъ духу у меня вымести всю мишуру, которая наполняетъ мое жилище.

Покровъ мой—покровъ праха и смерти; я ненавижу его, но крѣпко съ любовью прижимаю его къ себѣ.

Велики прегрѣшенія мои, велики мои ошибки, тяжелъ скрытый позоръ мой, но когда я молю о благѣ своемъ, я дрожу отъ страха, что молитва моя будетъ услышана.

29.

Тотъ, кого окружаю я именемъ своимъ, плачетъ въ этой темницѣ. Я вѣчно тружусь, воздвигая вокругъ эту стѣну, и по мѣрѣ того, какъ поднимается она къ небу, съ каждымъ днемъ въ тѣни ея я все больше теряю изъ вида истинную сущность мою.

Я горжусь этой высокой стѣной и накладываю на нее штукатурку изъ пыли и песка, чтобы ни одного маленькаго отверстія не осталось въ имени этомъ, и въ этихъ стараніяхъ моихъ я теряю изъ вида истинную сущность мою.

30.

Одинокій пустился я въ путь къ мѣсту свиданія. Но кто это идетъ по пятамъ за мной въ безмолвномъ мракѣ?

Я сторонюсь, чтобы избѣжать его присутствія, но не могу убѣжать отъ него.

Въ чванствѣ своемъ онъ поднимаетъ пыль съ земли; громкій голосъ его раздается при каждомъ словѣ, которое произношу я.

Онъ мое собственное, маленькое я, мой владыка; онъ не знаетъ стыда, но я стыжусь подойти къ двери Твоей въ обществѣ его.

31.

„Узникъ, скажи мнѣ, кто связалъ тебя?“

— Это господинъ мой,— отвѣчалъ узникъ. — Я думалъ, что могу превзойти всѣхъ на свѣтѣ богатствомъ и властью, и я собралъ въ сокровищницу свою деньги, принадлежащія царю моему. Когда сонъ сталъ одолѣвать меня, я легъ на постель, приготовленную для господина моего, и когда я проснулся, я почувствовалъ себя плѣнникомъ въ собственной сокровищницѣ моей.

„Узникъ, скажи мнѣ, кто выковалъ эти крѣпкія цѣпи?“

—Я самъ,—отвѣчалъ узникъ,—приложилъ всѣ старанія, чтобы выковать ихъ. Я думалъ, что непреодолимая сила моя будетъ держать міръ въ плѣну, а я останусь спокойно на свободѣ. И день, и ночь при палящемъ огнѣ жестокими, тяжелыми ударами ковалъ я эти цѣпи. Когда, наконецъ, работа была окончена, и звенья нерасторжимо скрѣплены вмѣстѣ, я почувствовалъ, что они давятъ меня обхватомъ своимъ.

32.

Всѣми силами старались охранять меня тѣ, кто любятъ меня въ этомъ мірѣ. Но не такова Твоя любовь, большая чѣмъ у нихъ, и Ты оставляешь меня на свободѣ.

Чтобы я не забылъ ихъ, никогда ни оставляютъ они меня наединѣ. Но дни идутъ за днями, а Тебя не видно.

Если и не призываю я Тебя въ молитвахъ своихъ, если и не храню Тебя въ сердцѣ своемъ,—все-таки любовь Твоя ожидаетъ любви моей.

33.

Съ разсвѣтомъ дня пришли они въ домъ мой и сказали: „Мы займемъ здѣсь самое маленькое мѣстечко“. Они говорили: „Мы будемъ поклоняться вмѣстѣ съ тобой Богу твоему и въ смиреніи примемъ свою долю отъ щедротъ Его“. И они заняли мѣсто въ углу и сидѣли спокойные, тихіе.

Но во мракѣ ночи я почувствовалъ, какъ буйной толпой ворвались они въ сокровенное святилище мое и съ нечестивой алчностью хватали дары Бога съ жертвенника.

34.

Оставь во мнѣ лишь то малое, въ чемъ я могъ бы назвать Тебя моимъ всѣмъ.

Оставь мнѣ лишь ту частицу воли моей, чтобы могъ я ощущать Тебя вокругъ себя, во всемъ обращаться къ Тебѣ и приносить ежеминутно въ даръ Тебѣ любовь мою.

Оставь мнѣ лишь то малое, въ чемъ никогда не могъ бы я скрыть Тебя.

Оставь мнѣ лишь столько цѣпей, сколько нужно, чтобы связать меня волей Твоей и въ жизни моей выполнить предначертаніе Твое—то цѣпи любви Твоей.

35.

Тамъ, гдѣ умъ безъ страха, и гдѣ высоко держатъ голову свою;

Гдѣ свободно знаніе;

Гдѣ міръ не разбитъ на части узкими преградами домашняго очага;

Гдѣ слова исходятъ изъ глубины истины;

Гдѣ неустанныя усилія простираютъ руки свои къ совершенству;

Гдѣ свѣтлый потокъ разума не затерялся въ скучной, песчаной пустынѣ мертвой привычки;

Гдѣ Ты ведешь умъ все впередъ въ вѣчно расширяющуюся область ума и дѣйствія;

Въ этихъ небесахъ свободы, Отче, дай проснуться странѣ моей!

36.

Такова молитва моя къ Тебѣ, Господи,—вырви съ корнемъ нищету изъ сердца моего.

Дай мнѣ силу легко переносить радости и скорби мои.

Дай любви моей силу приносить плодъ въ служеніи.

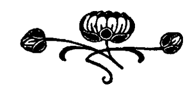
Дай мнѣ силу никогда не отвернуться отъ бѣдняка и не преклонить колѣни мои передъ наглой властью.

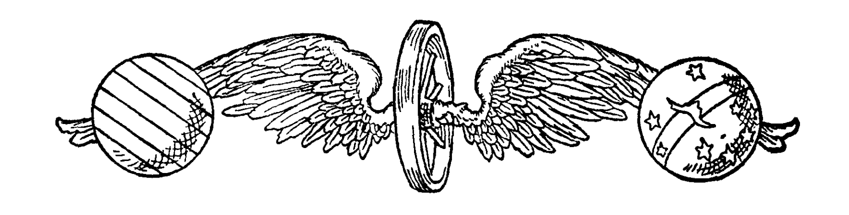
Дай мнѣ силу поднять умъ высоко надъ преходящимъ ничтожествомъ.

И дозволь мнѣ съ любовью отдать эту силу волѣ Твоей.

Пер. **С. Татариновой.**

(Продолженіе слѣдуетъ).





Религіозный переворотъ Аменофиса IV.

(Глава II изъ книги A. Moret „Rois et dieux d'Egypte").

Аменофисъ IV, царствовавшій около 1370 г. до Р. Х., является одной изъ самыхъ интересныхъ и загадочныхъ личностей среди египетскихъ фараоновъ, несмотря на то, что до насъ дошло много памятниковъ его времени.

Въ Египтѣ, странѣ, гдѣ традиція имѣетъ такую силу, среди египтянъ, „самыхъ религіозныхъ людей въ мірѣ", Аменофисъ IV задумалъ и осуществилъ религіозный переворотъ: онъ отдѣлился отъ великаго національнаго бога Амона-Ра, чтобы поставить на его мѣсто бога Атона, культу котораго онъ подчинилъ свой дворъ, жрецовъ, весь народъ египетскій и своихъ иностранныхъ подданныхъ.

Нарушить отношеніе между государствомъ и жреческой кастой, въ вѣдѣніи которой была государственная религія, было дѣломъ труднымъ во всякой странѣ и во всѣ времена, но насколько такой переворотъ былъ еще труднѣе въ Египтѣ!

Аменофисъ IV также, какъ и всѣ фараоны, его предки, считался сыномъ и наслѣдникомъ боговъ, въ особенности Амона-Ра, бога покровителя Ѳивъ, ставшихъ столицей Египта со времени новаго владычества.

На стѣнахъ храмовъ высѣкали традиціонныя изображенія сценъ, подтверждающихъ божественное происхожденіе царя.

Въ Луксорѣ напримѣръ изображено было плотское сочетаніе Амона съ царицей Мутемуа, матерью Аменофиса III, отца царя-революціонера. По окончаніи мѣсяцевъ беременности царица родитъ съ помощью принцессъ, и Амонъ, взявъ на руки ребенка, признаетъ его своимъ сыномъ и посвящаетъ его въ качествѣ своего наслѣдника [1]).

[1]) A. Moret. Du caractère religieux de la royauté pharaonique, стр. 50.

По всей вѣроятности подобныя изображенія были сдѣланы и по поводу рожденія Аменофиса IV; объ этомъ говорили, въ это вѣрили, это служило гарантіей божественнаго происхожденія и его права на управленіе народомъ.

Съ другой стороны въ эту эпоху, при концѣ 18-й династіи, Амонъ заслужилъ еще болѣе благодарность царей. Прошло не болѣе двухъ вѣковъ съ того времени, какъ пастушескія племена, пришедшія изъ Азіи, занимали еще Дельту и Средній Египетъ, покоряя города, раззоряя селенія, опустошая храмы мѣстныхъ боговъ въ пользу своихъ божествъ: азіатскаго Ваала и Сутеху, великаго воина. При помощи Амона мелкіе ѳивскіе царьки могли начать войну освобожденія, вытѣсняя понемногу пастушескія племена изъ Египта, пока Атмесъ I не изгналъ ихъ окончательно.

Если впослѣдствіи Тотмесы I и II могли овладѣть Сиріей, пройти Ливанскую область и, перейдя Оронтъ, достигнуть береговъ Ефрата, а ихъ наслѣдники Аменофисы могли распространить свою власть на Сирію и сѣверную Палестину, развѣ не Амонъ участвовалъ въ битвахъ заодно съ фараонами и управлялъ стрѣлками изъ лука и египетскими колесницами? Оффиціальные разсказы объ этихъ войнахъ, высѣченные на стѣнахъ Карнака и Луксора, гласятъ, что эти побѣды были дѣломъ Амона, что завоеванные народы дѣлались плѣнниками Амона, а деньги, взятыя въ Сиріи и Нубіи, пополняли его сокровищницы.

Ѳивскій богъ, подкрѣпленный и обогащенный столькими побѣдами, становится богомъ національнымъ, богомъ отмщенія азіатскимъ народамъ.

Отецъ фараоновъ, покоритель иноземцевъ, Амонъ былъ кромѣ того и богомъ, который поддерживалъ власть и авторитетъ царя во внутреннемъ управленіи Египтомъ.

Послѣ славнаго царствованія Тотмеса I династическія распри ослабили царскій домъ; мы видимъ фараоновъ, низводимыхъ съ трона, причемъ на мѣсто царя становится женщина, царица Хатшопситу. Ихъ снова призываютъ, опять изгоняютъ, и въ концѣ концовъ они берутъ верхъ. Во главѣ этихъ интригъ стоятъ верховные жрецы Амона; они поддерживаютъ фараоновъ или лишаютъ ихъ своей помощи. Жрецы эти становятся настоящими дворцовыми мэрами; они одинаково пользуются, какъ религіозной, такъ и свѣтской властью. Во время царствованія Хатшопситу [1]) принцъ Хапузенбъ, а при Аменофисѣ III Фтамесъ совмѣщали въ

---

[1]) Breasted, Ancient Records II, стр 160.

своихъ рукахъ функціи „верховнаго пророка бога Амона, руководителя всѣхъ пророковъ сѣвера и юга, правителя города Θивы и визиря всего Египта [1])“.

Такое совмѣщеніе въ однѣхъ рукахъ власти свѣтской и духовной представляло серьозную опасность для фараона. Мы знаемъ, какъ кончаются такія неопредѣленныя положенія, гдѣ мало по малу подчиненные становятся выше главы государства, оттѣсняютъ его отъ управленія и въ одинъ прекрасный день замѣняютъ его на тронѣ. То же произошло и въ Египтѣ нѣсколько вѣковъ спустя, въ концѣ XX-й династіи. Жрецы Амона становятся фараонами. Этотъ жреческій переворотъ носился уже въ воздухѣ въ концѣ XVIII-й династіи, но Аменофисъ IV измѣняетъ естественный ходъ вещей; онъ не допускаетъ жрецовъ низвергнуть царей; напротивъ, онъ пытается уничтожить самый культъ Амона, уничтоживъ заодно и жрецовъ, и самого бога.

Человѣкъ, который рѣшился помѣряться силами съ могущественнымъ Амономъ, былъ ли такимъ колоссомъ, физическая сила и воинственный темпераментъ котораго объясняютъ и нравственную силу его, и вліяніе его личности на толпу? Вовсе нѣтъ: Аменофисъ IV былъ средняго роста, узкій въ костяхъ, съ женоподобными округлыми формами тѣла. Художники той эпохи съ точностью воспроизвели это болѣзненное, женоподобное тѣло, съ выдавшейся грудью, слишкомъ широкимъ тазомъ и круглыми бедрами. Голова не менѣе странная, съ мягкимъ оваломъ лица, косымъ разрѣзомъ глазъ, длиннымъ, не рѣзко очерченнымъ носомъ, выдавшейся впередъ нижней губой, съ округлымъ и подавшимся назадъ черепомъ; голова эта клонится внизъ, точно слишкомъ слабая шея не можетъ ее поддерживать. Общій видъ его производитъ впечатлѣніе человѣка утонченнаго, но физически изнѣженнаго; это фараонъ вырождающейся расы.

Сомнѣвались даже, можетъ ли это выродившееся тѣло быть отпрыскомъ двухъ чистокровныхъ египтянъ.

Мать царя, Тіи, любимая жена Аменофиса III, была изъ простонародья; отецъ ея Іуа и мать Туаа носятъ имена, въ которыхъ нѣкоторые слышали семитическія созвучія [2]). Отсюда многимъ

---

[1]) Legrain, Recueil XXIX, стр. 83. Statuette de Phtames и Diverses Oeuvres dans la Bibliothèque Egyptologique. t. IV, стр. 84.

[2]) Многочисленные скарабеусы, высѣченные по случаю бракосочетанія Аменофиса и Тіи, указываютъ намъ имена ихъ отца и матери. (Maspero, Hist. t. II, стр. 315) Эти имена египетскаго происхожденія, какъ доказалъ Maspero. См. Recueil des travaux III, стр. 128.

ученымъ пришла въ голову мысль, что со стороны матери Туаа въ жилахъ Аменофиса IV течетъ семитическая кровь, а такъ какъ предпринятый имъ религіозный переворотъ былъ по существу монотеистическимъ, то и находили объясненіе страннаго характера и идей сына во вліяніи материнской крови [1]).

Египетская почва позволила намъ разрѣшить эту небольшую загадку. Въ февралѣ 1905 г. Théodor'у Davis'у посчастливилось откопать въ Өивахъ нетронутую гробницу матери и отца царицы Туаа. „Всѣ предметы, извлеченные изъ подземнаго храма, носятъ характеръ самаго чистаго египетскаго стиля; ни на одномъ изъ нихъ не замѣтно иностраннаго вліянія. Даже самыя муміи не даютъ никакихъ положительныхъ къ этому указаній [2])".

Туаа представляетъ собой чистѣйшій типъ египтянки; Іуа отличается большимъ горбатымъ носомъ безъ характернаго семитическаго изгиба [3]). Судя по его титуламъ, дѣдъ Аменофиса IV происходилъ изъ Акмима, города въ центральномъ Египтѣ.

Изъ всего этого мы должны заключить, что фараонъ-реформаторъ былъ чисто египетскаго происхожденія. Если даже его внѣшность и носитъ на себѣ характерныя черты вырожденія, на умѣ его не замѣтно никакого упадка. Сочиненные имъ религіозные гимны свидѣтельствуютъ о мистическомъ складѣ его ума и о той повышенной чуткости, которой проникнуто его отношеніе къ природѣ. Мы знаемъ по изображеніямъ той эпохи, что онъ былъ хорошимъ семьяниномъ. Мать его Тіи, супруга и даже четыре его дочери изображены съ нимъ рядомъ не только въ семейныхъ покояхъ, но и на всѣхъ публичныхъ торжествахъ. Въ общемъ Аменофисъ IV былъ повидимому добраго и простого нрава, ума тонкаго, упорнаго и систематическаго, этотъ мечтатель и мистикъ доводилъ свои мысли до конца и быстро принималъ самыя крайнія рѣшенія.

Съ самаго начала своего царствованія Аменофисъ IV очутился лицомъ къ лицу съ Өивскимъ богомъ Амономъ, жрецы котораго стали уже черезъ-чуръ падкими къ богатству и слишкомъ заняты были стараніями поработить царскій дворецъ.

Реакція была неминуема. И мы видимъ, что въ 6-й годъ новаго царствованія совершается полный политическій и экономическій переворотъ [4]). Өивы перестали быть столицей Египта. То

---

[1]) Petric Hist. of Egypt. XVII, стр. 156.

[2]) Legrain. Ehéles et le schisure de Khouniatonon, стр. 13.

[3]) Catalogue du Musée du Caire Tomb of Iuaa and Thuia 1908 pl. LVII—LX.

[4]) Leptius, Denkmäler III, 110, в.

мѣсто, которое было „градомъ Амона“, становится „градомъ Атона“; имущества храма Ѳивскаго бога конфискуются въ пользу бога Атона; великій жрецъ Амона и все служащее ему жреческое сословіе перестаютъ существовать, такъ какъ культъ Амона запрещенъ на всей египетской территоріи. Запрещается произносить даже самое имя Амона, его нельзя писать ни на камнѣ, ни на папирусахъ, а такъ какъ прошлое все-же повторяло это имя на тысячахъ памятниковъ, царь-реформаторъ предпринимаетъ систематическое уничтоженіе не самихъ памятниковъ, а начертаннаго на нихъ имени бога Амона. На стѣнахъ, на бокахъ колоннъ, въ самыхъ гробницахъ,—повсюду царскіе посланцы изощрялись въ отыскиваніи запрещенныхъ іероглифовъ, чтобы безпощадно стирать на камнѣ имена Амона и богини Мутъ. Стереть имя бога, значило убить его душу [1]), уничтожить его двойникъ, его права на владѣнія, обратить въ ничто его побѣды и завоеванія. Это значило составить новую исторію Египта, гдѣ бы слава и подвиги были приписаны ихъ настоящимъ авторамъ, фараонамъ, а не отнесены на счетъ гордаго бога, котораго считали ихъ вдохновителемъ и отцомъ.

Наконецъ, чтобы доказать, что онъ окончательно порываетъ связь съ ненавистнымъ прошлымъ, царь мѣняетъ свое имя Аменофиса на Хунатона, „тотъ кто любезенъ богу Атону [2])“.

Вѣроятно жрецы Амона оказали упорное сопротивленіе этой мѣрѣ. Но подробности не дошли до насъ. Гораздо позднѣе, уже послѣ смерти царя-реформатора, когда жрецы Амона, снова добившіеся власти, воспѣвали Тутанхамона, который вернулъ имъ прежнія права, состояніе Египта послѣ переворота описывалось въ слѣдующихъ словахъ: „Міръ былъ, какъ во времена первобытнаго хаоса, имущество боговъ было разграблено отъ Элефантины до Дельты. Храмы преданы забвенію, поля запущены, на нихъ росла сорная трава; кладовыя разграблены, священныя мѣста—достояніе толпы. Міръ былъ оскверненъ. Боги, обернув-

---

[1]) Lefébre. La vertu et la vie du nom en Egypte, ap. Mélusine VIII, № 10 (1897), стр. 229—231. „Стираніе имени считалось какъ бы настоящимъ убійствомъ;... стирали съ камня имена лицъ, осужденныхъ или лишившихся царской милости“.

[2]) Смыслъ этого слова (которое до сихъ поръ переводили слава—или духъ бога Атона), былъ возстановленъ Jéthé (Aegypt. Zeitschr XLIV, стр. 117). Schaefer замѣчаетъ. что царь Минефта-Сифта присваиваетъ себѣ имя, составленное подобнымъ же образомъ Хун-Ра (любезный богу Ра). Какъ это доказалъ Séthé Хунатонъ по отношенію къ Атону означалъ то же, что Аменофисъ, по отношенію къ Амону,—„покой миръ Атона“.

шись спиной къ людямъ, удалились съ чувствомъ отвращенія къ своимъ твореніямъ". Картина эта сильно преувеличена. Тамъ, гдѣ въ тексѣ говорится о богахъ, надо понимать бога Амона.

Гибель одного бога и одного культа еще не означала, что погибли другія божества со своими культами. Царь возсталъ только противъ подавляющаго всесильнаго господства Ѳивскаго Амона и на его мѣсто ставитъ божество болѣе древнее, не исключительно мѣстное, а можетъ быть и болѣе популярное, бога Атона, именемъ котораго теперь обозначается и царь, и столица Египта.

Атонъ—это солнечный дискъ; это осязаемое и видимое проявленіе Ра, солнца, древнѣйшаго, быть можетъ, и наиболѣе популярнаго изъ египетскихъ боговъ. Его изображаютъ въ видѣ диска, лучи котораго падаютъ до земли на подобіе пальцевъ руки; руки эти принимаютъ жертвы съ алтарей, подносятъ знакъ жизни къ ноздрямъ царя и обнимаютъ его самого и его близкихъ [1]). Однимъ словомъ Атонъ становится для Хунатона тѣмъ же, чѣмъ былъ Амонъ для Аменофисовъ, богомъ-благодѣтелемъ, богомъ-отцомъ. Но это уже не богъ-тиранъ.

Царь на самомъ дѣлѣ постарался избѣжать учрежденія касты жрецовъ по образцу Ѳивской. Атонъ родомъ изъ Геліополиса, также какъ и Ра, и верховный жрецъ его носитъ титулъ „Урмаа, великій ясновидецъ", какъ именовалъ себя и жрецъ Ра. Но царь не желалъ довѣрить древнему городу Геліополису храненіе новаго культа.

Въ новомъ городѣ Хунатонѣ, „горизонтѣ Атона", современномъ Эль-Марна, на правомъ берегу Нила, между Мемфисомъ и Ѳивами, онъ воздвигнулъ храмъ; въ центрѣ его возвышался обелискъ, посвященный богу Атону. Въ Нубіи, недалеко отъ третьихъ пороговъ, онъ основываетъ другой городъ Гемъ-Атонъ, а въ Сиріи еще городъ, имя котораго не дошло до насъ; это столицы новаго бога въ покоренныхъ областяхъ [2]). Что же касается областей, на счетъ которыхъ содержатся жрецы и богъ,—царь управляетъ ими лично, ибо онъ „главный пророкъ Ра — Хармахиса [3]) и великій ясновидецъ Атона". Этотъ двойной титулъ очень любопытенъ,

[1]) Изображеніе „сіяющаго диска" характерный признакъ всѣхъ памятниковъ эпохи Аменофиса IV, и не есть новшество, внесенное царемъ. Подобный дискъ уже изображался на памятникахъ его отца Аменофиса III (Lepsius Denkmäler III, 91). Послѣ Аменофиса IV этотъ мотивъ совершенно отсутствуетъ во всѣхъ орнаментахъ.

[2]) Breasted, Hist. of Egypt. стр. 364 и Aeg. Zeitschr. XL стр. 106 и слѣд.

[3]) Leptius, Denkmäler III, 110.

такъ какъ доказываетъ объединеніе имущества культовъ Хармахиса и Атона, и сліяніе въ рукахъ царя власти свѣтской и духовной.

Одна изъ статуетокъ Туринскаго музея указываетъ намъ, что сношенія между семействомъ Аменофиса IV и жрецами Геліополиса существовали уже давно. Одинъ изъ братьевъ царицы Тіи, дядя великаго реформатора, былъ уже „великимъ ясновидцемъ въ Геліополисѣ“ и въ то же время „вторымъ пророкомъ Амона“ [1]).

Въ качествѣ главы Геліополисскаго и Атонскаго культовъ дядя и племянникъ управляли землями, предоставленными Атону, конфискованными у Амона въ пользу Атона. Эта секуляризація являлась дѣломъ царя, который отобралъ земли у жрецовъ.

Однако къ концу своего царствованія фараонъ поручаетъ самому преданному изъ довѣренныхъ ему лицъ, Мерира [2]), должность верховнаго жреца и великаго ясновидца Атона [3]); и онъ старательно избѣгаетъ дать ему гражданскія полномочія и выдѣляетъ ему только власть духовную, предоставляя другимъ лицамъ управленіе финансами и судопроизводствомъ Египта. Великому жрецу Атона удѣлена прежняя роль делегата, подвластнаго царю; такимъ образомъ устранена опасность, что онъ станетъ когда-нибудь дворцовымъ мэромъ.

Фараонъ не только беретъ на себя управленіе имѣніями новаго бога, но онъ вводитъ и формулируетъ новое ученіе. Совершенный имъ переворотъ касается не только политико-экономической области. Затронувъ культъ бога и церковныя имущества, онъ хочетъ передѣлать на свой ладъ и души людей, направить вѣру къ болѣе человѣческому идеалу.

Вѣроятно, чтобы добиться своего, царь строитъ по всей землѣ египетской храмы, посвященные богу Атону. Изъ этихъ зданій (уничтоженныхъ почти повсюду послѣ смерти царя) уцѣлѣли развалины лишь только въ Ѳивахъ, Гермонфисѣ, Мемфисѣ и Геліополисѣ [4]), но въ столицѣ культа Атона, именно потому, что она была заброшена преемниками царя, остались развалины, среди которыхъ можно узнать слѣды дворца и храмовъ [5]), и осо-

---

[1]) Borchardt. Ein Onkel Amenophis III als Hoherpriest von Heliopolis. Aegypt. Zeitschr. XLIV, стр. 97.

[2]) Breasted. Hist., стр. 367.

[3]) Breasted, Ancient Records II, стр. 405.

[4]) Breasted. Aegypt. Zeitschr. XL, стр. 111.

[5]) Pétrie Tell et Amarna 1894; Davies, The rockstombs of El. Amarna I—VI 1902—1908 и Bouriant, Legrain Jéquier, Monuments pour servir á l'histoire du culte d' Aton. I, 1903.

бенно гробницы, гдѣ изображены отношенія царя Хунатона къ своимъ фаворитамъ. Тутъ изображенъ царь, посѣщающій своихъ подданныхъ, пріемы ихъ во дворцѣ, появленіе его на балконѣ, откуда онъ бросаетъ имъ вѣнки и ожерелья, знаки своей царской милости. И этихъ милостей удостаиваются въ особенности тѣ, „кто слушали его, усвоили и послѣдовали его ученію" [1]).

Во многихъ гробницахъ фавориты царя, чтобы доказать свое усердіе, начертали строфы гимновъ, сложенныхъ самимъ фараономъ въ честь Атона. Эти гимны представляютъ тексты безцѣнной и исключительной важности. Познакомившись съ ними, мы видимъ широкій, мистическій, полный энтузіазма умъ царя, который онъ проявилъ при введеніи культа Атона.

Гимнъ Хунатона [2]).

„Поклоненіе Хурманхису, который появляется на горизонтѣ подъ своимъ именемъ „Пылающаго солнечнаго диска" царя Хунатона и царицы Неферъ-Неферіу—Атонъ.

Онъ говоритъ:

Какъ прекрасно возстаешь ты на небесномъ горизонтѣ, о Атонъ, податель жизни!

Когда ты округляешься на востокѣ, ты наполняешь всю землю своей красотой (лучами).

Ты очарователенъ, неизъяснимъ, высоко надъ землей посылаешь лучи свои. Лучи твои обнимаютъ землю и все, что создано тобой. Ты покоряешь все, что доставляется ими и связываешь все узами любви своей, ибо ты—Ра (Творецъ). Ты далеко, но лучи твои до земли (доходятъ). Когда ты на небѣ, свѣтъ сопровождаетъ тебя.

Ночь:

Когда ты покоишься на западномъ горизонтѣ [3]),—земля во мракѣ подобна мертвецамъ, лежащимъ въ гробницахъ съ повязанной головой, заткнутыми ноздрями, безжизненнымъ взглядомъ—(глазъ не видитъ другого). Можно украсть все ихъ имущество, даже то, что у нихъ подъ головой, и они не почувствуютъ этого.

---

1) Breasted. Hist. стр. 367.

2) Breasted. De hymnis in solem sub rege Amenophi de IV concepetio (1894). Bouriant, Legrain, Jéquier, Monuments pour servir á l'étude du culte d'Aton en Egypte t. I, (1903).

3) Мы пользуемся здѣсь переводомъ Maspero Histoire II, стр. 322.

Тогда левъ выходитъ изъ своей пещеры, змѣя жалитъ; темно, словно въ печи, земля безмолвствуетъ. Тотъ, кто сотворилъ все это, покоится на своемъ горизонтѣ.

День, человѣчество:

Заря появляется, ты показываешься на горизонтѣ, ты блистаешь подобно Атону въ его день; мракъ разсѣивается, когда ты разсылаешь свои стрѣлы, обѣ земли празднуютъ. Люди просыпаются, вскакиваютъ на ноги, это ты подымаешь ихъ; они омываютъ свои члены, надѣваютъ одежды свои; руки ихъ простираются въ обожаніи твоего восхода, вся земля принимается за свой трудъ.

Животныя:

Всѣ животныя водворяются на пастбищахъ, деревья и растенія произростаютъ, птицы летаютъ среди вѣтвей, распустивъ крылья въ обожаніи твоего двойника, животныя скачутъ. Всѣ птицы, запрятавшіяся въ гнѣзда, оживаютъ, когда ты возстаешь для нихъ.

Вода:

Суда плывутъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ, ибо всѣ пути открыты при твоемъ появленіи; рѣчныя рыбы всплываютъ вверхъ къ тебѣ, лучи твои проникаютъ до самого дна морского.

Люди и животныя:

Это онъ возбуждаетъ къ жизни зародыши въ женщинахъ, создаетъ сѣмя у мужчинъ, онъ даетъ жизнь ребенку во чревѣ матери, онъ успокаиваетъ ребенка, чтобъ онъ не плакалъ, онъ питаетъ его грудью (матери) онъ даетъ дыханіе всему, что онъ творитъ.

Когда ребенокъ выпадаетъ изъ нѣдръ матери, въ день его рожденія, ты отверзаешь уста его для произнесенія словъ и удовлетворяешь его потребности.

Когда цыпленокъ заключенъ въ яйцѣ, ты даешь ему дыханіе внутри скорлупы, чтобы онъ могъ жить. Когда ты далъ ему возможность развиться въ яйцѣ настолько, чтобы разбить его, онъ выходитъ изъ яйца, чтобы заявить о своемъ существованіи, и онъ становится на ножки, какъ только вылупится.

Неисчислимы дѣла твои! ты создалъ землю въ сердцѣ своемъ (когда ты былъ одинъ), землю съ людьми, животныхъ боль-

шихъ и малыхъ, все, что существуетъ на землѣ и ходитъ на ногахъ, все, что живетъ въ воздухѣ и летаетъ на крыльяхъ, чужеземныя страны, Сирію, Нубію, Египетъ [1])

Ты ставишь каждаго человѣка на свое мѣсто, создавая все для него необходимое, всякаго со своимъ имуществомъ и достояніемъ, съ различными нарѣчіями, внѣшностью и особой окраской кожи. Ты, владыко, ты отличилъ (отъ насъ) чужіе народы.

Ты создалъ Нилъ въ другомъ мірѣ, ты низвелъ его (на землю), когда пожелалъ, чтобы питать людей... Ты позволяешь Нилу спуститься къ нимъ съ неба, на горахъ ты создаешь озера (великія), какъ моря, ты орошаешь поля въ ихъ странахъ..., ты питаешь каждую страну.

Ты создалъ времена года, чтобы заставить родиться все, созданное тобой, зиму, чтобы освѣжать (существа), лѣто—чтобы согрѣвать ихъ. Ты создалъ далекое небо для своего восхожденія и обозрѣваешь оттуда все, тобой сотворенное, однимъ тобой!

Ты проявляешься въ образѣ живого Атона, ты встаешь въ лучахъ, ты удаляешься и возвращаешься; ты создалъ всѣ формы, ты, одинъ ты,—но, мы, города, селенія, дороги, воды. Всякое око созерцаетъ себя подъ тобой, ибо ты дневной дискъ надъ землей.

Ты въ сердцѣ моемъ; нѣтъ никого, кто бы понялъ тебя, кромѣ меня, твоего сына... О ты, который, восходя, даешь жизнь людямъ и, удаляясь на покой, посылаешь имъ смерть,—воспитай ихъ для сына твоего, Хунатона, плоть отъ плоти твоей!“

Всякій, кто прочтетъ гимнъ Хунатона, будетъ пораженъ той красотой вдохновенія и выраженій, подобной которой мы не встрѣчали раньше Библіи. Быть можетъ труднѣе будетъ признать, какъ то дѣлаетъ большинство египтологовъ, это поэтическое произведеніе *оригинальнымъ*. Они признаютъ, что гимнъ, высѣченный въ Хунатонѣ, выражаетъ понятія новыя въ теологической литературѣ Египта того времени; поклоненіе богу, который именуется *единымъ, единственнымъ*, всемогущимъ творцомъ, пониманіе природы, соединяющее человѣка съ животными, растеніями, водой, землей въ обожаніи Бога, единаго зиждителя вселенной, всего существующаго и живущаго. Подобныя чувства и выраженіе ихъ являются-ли они еще небывалыми въ Египтѣ и относятся-ли они именно къ эпохѣ Хунатона? Для рѣшенія этого вопроса нужно было бы имѣть другіе гимны, *предшествующіе* гимнамъ Эль-Амарна; сравненіе этихъ текстовъ съ текстомъ нашего гимна

---

[1]) Замѣчательно, что при этомъ перечисленіи царь удѣляетъ первое мѣсто чужимъ странамъ

позволило бы намъ судить объ его оригинальности. Но религіозная поэзія до эпохи 18-ой династіи состоитъ,—до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, — изъ короткихъ стиховъ, небольшихъ гимновъ, высѣченныхъ на могильныхъ плитахъ. Стихи эти обращены обыкновенно къ Озирису или Ра; изложены они очень сжато, такъ какъ должны были помѣщаться на небольшомъ пространствѣ, и это не дозволяло никакихъ лирическихъ отступленій.

Существуетъ однако памятникъ, на которомъ сохранился большой гимнъ, предшествующій времени Аменофиса IV, но до сихъ поръ никому еще не приходило въ голову сличить этотъ текстъ съ текстомъ Эль-Амарна. Эта могильная плита, съ начертаннымъ на ней *гимномъ Озирису*, находится въ Bibliothéque Nationale. Она была высѣчена на средства управителя надъ стадами Аменемхаита, въ имени котораго начальные слоги *Amen* были начертаны въ ту эпоху, когда Хунатонъ уничтожалъ на всѣхъ памятникахъ имя Амона.

Chabas, который такъ прекрасно описалъ эту плиту [1]), говоритъ: „Мы достовѣрно можемъ утверждать, что этотъ памятникъ относится къ эпохѣ, предшествующей Хунатону". Между тѣмъ весьма пространный гимнъ, начертанный на плитѣ, гдѣ имена Озириса, Изиды, Гора, Атума, Геба [2]) и Нуитъ не были стерты, доказываетъ, что ревностные посланные Хунатона пощадили культъ этихъ боговъ.

Замѣтимъ далѣе, что Озирисъ почитается тутъ, какъ первый изъ боговъ, творецъ всего сущаго, земли, воды, растеній, животныхъ, людей и боговъ, какъ Существо Благое, Зиждитель, простирающій свои заботы на всѣ существа, на всѣ части вселенной.

Изъ сравненія двухъ гимновъ вытекаетъ по нашему то, что все изложенное въ гимнахъ Хунатона служило и прежде темой для египетской литературы и было извѣстно всѣмъ. „Оригинальность", приписываемая Хунатону, сводится по всему вѣроятію къ новымъ ритмамъ и, насколько мы можетъ судить, свойственному автору выраженію древнихъ мыслей.

Другіе факты подтверждаютъ этотъ взглядъ. Если гимны чрезвычайно рѣдки въ эпоху, предшествующую Аменофису IV, то въ послѣдующихъ компиляціяхъ ихъ дошло до насъ чрезвычайно много. Эти гимны, обращенные къ Амону, Тоту, Фта и другимъ, почти буквально повторяютъ многія характерныя мѣста изъ

---

[1]) Biblioth. Egypt. IX стр. 93.

[2]) *Гебъ* это настоящее произношеніе имени бога *Себа*.

гимновъ Атона. Подобно богу Эль-Амарна, Амонъ именуется единымъ, единственнымъ, творцомъ суши, водъ и животныхъ; своей мощной рукой онъ создалъ расы людскія, различныя по цвѣту кожи и по языку.

Слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что гимны Атона—это плагіаты, что самыя замѣчательныя мѣста въ нихъ были списаны жрецами бога соперника Амона? Если эти выраженія свойственны исключительно литературѣ Амона, то весьма странно, еслибъ ихъ не изгнали вмѣстѣ съ культомъ этого бога. Намъ кажется благоразумнѣе допустить, что школа Эль-Амарна черпала изъ того же источника, которымъ питались и соперничающіе съ ней культы. Боги, поочередно царившіе въ разныхъ столицахъ, были воспѣты въ разные вѣка одинаковымъ образомъ, но съ оттѣнками выраженій, соотвѣтствующими нравственному идеалу той эпохи, когда создавался гимнъ.

Допустивъ это, надо признать, что мысли, общія всѣмъ, были развиты Хунатономъ съ удивительной поэтической силой.

Намѣреніе царя, намъ думается, было таково: предложить египтянамъ обожать не искусственное божество, принадлежащее отдѣльному городу или носящее исключительно національный характеръ, но бога, воплощающаго въ себѣ силу природы и тѣмъ самымъ могущаго стать предметомъ культа во всемъ мірѣ.

Для этого царь выбираетъ солнце, первоначальное божество человѣчества, сила котораго, благодѣтельная для однихъ, грозная для другихъ, нигдѣ не проявляется такъ явно, какъ на Востокѣ. Этого бога уже не изображаютъ, какъ прежде, въ странномъ видѣ геральдическаго сокола (Гора или Гормахиса), это теперь уже сіяющій дискъ, который становится яснымъ изображеніемъ бога, іероглифомъ, который всѣ люди, египтяне и иностранцы, даже мы, современные люди, умѣемъ понять и прочесть.

Этотъ богъ, олицетворяющій движеніе, свѣтъ, теплоту (имя его означаетъ „Жаръ, заключенный въ дискѣ“), является истиннымъ благодѣтелемъ, оживотворяющимъ все существующее. Гимнъ этотъ съ прелестной наивностью, свѣжестью выраженій и обиліемъ образовъ, въ которыхъ чувствуется еще ихъ близость къ поэтическому первоисточнику, превосходно передаетъ тѣ чувства болѣе или менѣе сознательнаго обожанія, которое воодушевляетъ людей, животныхъ, камни и растенія передъ тѣмъ, кто разсѣиваетъ мракъ, отгоняетъ дикихъ звѣрей, заставляетъ произростать растенія и питаетъ дѣтей человѣка:

Подобныя чувства общи всѣмъ народамъ, и мы видимъ, какъ еще впервые быть можетъ царь обращается къ иноземцамъ, еще недавно покореннымъ семитамъ и нубійцамъ, призывая ихъ поклоняться, наравнѣ съ его народомъ, Атону, благодѣтелю вселенной. Впервые высказывается взглядъ на религію, какъ на нѣчто связывающее людей разныхъ расъ, нарѣчій и цвѣта кожи. Богъ Хунатона не дѣлаетъ различія между египтянами и варварами: всѣ люди—сыновья его и должны относиться другъ къ другу, какъ братья.

Отсюда ясно, что въ центрѣ міра существуетъ Сила, живительная и уравновѣшивающая все, которая играетъ роль провидѣнія по отношенію къ живымъ существамъ. Эта энергія въ то же время и теплота, и мысль. Подобныя идеи носились въ воздухѣ въ ту эпоху; извѣстенъ одинъ текстъ, повидимому древней редакціи, гдѣ богъ Фта, которому приписываются тѣ же свойства, какъ и Атону, именуется: „разумомъ и языкомъ боговъ, источникомъ мысли всякаго бога, человѣка и животнаго“ [1]).

Такимъ образомъ этотъ богъ, въ близкомъ общеніи съ которымъ проходитъ жизнь царя, „котораго онъ одинъ подобно боговдохновенному пророку можетъ понять и истолковать“, является богомъ всего человѣчества, облеченнымъ въ прекрасную, разумную форму. Хунатонъ дѣлаетъ его богомъ всего египетскаго царства, когда оно расширяетъ свои предѣлы послѣ завоеванія Сиріи и Нубіи.

Съ этой точки зрѣнія попытка Аменофиса IV является политической реакціей противъ захвата дворцовыми мэрами, какими стали великіе жрецы Амона, власти въ свои руки. Реформа царя Аменофиса IV является въ сущности возвращеніемъ къ болѣе человѣческой религіи,—вѣроятно къ болѣе древнему ея пониманію, расцвѣтъ котораго былъ во времена древняго царства, когда богъ Ра властвовалъ надъ богами человѣческими.

Подобно тому, что произошло въ новѣйшія времена, этотъ возвратъ къ упрощенію религіознаго чувства сопровождался обновленіемъ искусства и возрожденіемъ упавшихъ традицій близкаго и реальнаго наблюденія надъ природой. По мѣрѣ того, какъ крѣпла власть жрецовъ Амона, ѳивскіе художники, которымъ было поручено украшеніе храмовъ и изваяніе статуй боговъ и царей, застывали въ одномъ искусственномъ и условномъ классическомъ стилѣ, строгомъ и холодномъ, вполнѣ соотвѣтствующемъ величію

---

[1]) Breasted. Aegyptiche Zeitschrift. XXXIX, стр. 39.

и авторитету Амона—Хунатонъ, искренній и убѣжденный царь, лишилъ Ѳивскую школу своей милости; онъ сталъ поощрять областныхъ художниковъ, которые хотя и были слабѣе въ техническомъ отношеніи, но зато стояли ближе къ природѣ. Такъ какъ особа фараона и его дѣянія служили обычной темой для художниковъ, онъ потребовалъ, чтобы его самого и его родственниковъ изображали такими, какими они были на самомъ дѣлѣ, со всѣми ихъ физическими недостатками, и не только среди пышности двора, но и въ лонѣ семьи. Въ гробницахъ появляются картины, гдѣ царь изображенъ въ обычной позѣ, окруженный супругой, дочерьми и друзьями. Придворныя празднества, увеселенія по случаю выдачи награды одному изъ его хорошихъ слугъ, церемоніи въ храмахъ; траурныя шествія по случаю смерти любимой дочери царя Бакитатонъ, гдѣ онъ самъ идетъ во главѣ,— вотъ излюбленные сюжеты той эпохи.

Художники съ присущей имъ любовью къ живописнымъ и жизненнымъ подробностямъ, трактовали съ той же жизненностью и искренностью, какія проявляются въ разсмотрѣнныхъ выше гимнахъ. Одинъ и тотъ же духъ оживляетъ и религіозную поэзію, и пластическія искусства въ ту эпоху.

Но многіе изъ этихъ художниковъ проявляли на ряду съ этимъ и большіе недостатки; можетъ быть они не обладали достаточной техникой, чтобы оставаться въ одно и то же время и великими художниками, и точными наблюдателями. Многіе изъ нихъ совершенно каррикатурно изображали царя и его родственниковъ. Нашелся все же художникъ, который соединилъ реалистическое направленіе новой школы съ традиціями классическаго ѳивскаго стиля. Ему принадлежитъ статуя Аменофиса IV и бюстъ его; быть можетъ онъ же изваялъ и головку дѣвочки и торсъ молодой дѣвушки, одной изъ королевскихъ принцессъ—все это произведенія, которыя по превосходству выполненія, тонкости наблюденія и техникѣ остаются чудомъ скульптуры всѣхъ вѣковъ.

Аменофисъ IV царствовалъ только въ продолженіи 16-ти лѣтъ, и быть можетъ,—если судить по нѣкоторымъ его изображеніямъ,—борьба со жрецами Амона расшатала его здоровье и вызвала преждевременную старость. Дѣло царя недолго пережило его. Второй изъ его преемниковъ на тронѣ, Тутанхамонъ, сынъ другой жены Аменофиса III, возстановилъ культъ Амона и власть великихъ жрецовъ, подготовивъ такимъ образомъ въ недалекомъ будущемъ (около трехсотъ лѣтъ спустя) восхожденіе на престолъ царей-жрецовъ въ Ѳивахъ.

Храмы Атона въ свою очередь опустошаются, преслѣдуется самая память о Хунатонѣ. Въ одномъ оффиціальномъ документѣ 19-й династіи не смѣютъ даже упомянуть его имени. О немъ говорится въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „низверженный, преступный Хунатонъ“ [1]).

Дѣло, начатое Хунатономъ, оказалось преждевременнымъ, велось безъ сомнѣнія слишкомъ поспѣшно. Все, что не зиждется на времени, непрочно.

Хунатонъ въ нѣсколько лѣтъ хотѣлъ зажечь въ своихъ подданныхъ и жрецахъ то всепожирающее пламя, которымъ горѣла его душа, отраженіе солнечнаго диска. Могла ли пережить его эта реформа? Вопросъ этотъ возникаетъ при каждомъ переворотѣ. Обыкновенно дѣла такихъ реформаторовъ не переживаютъ ихъ. Прошлое теченіе, задержанное на минуту, сила традиціи, скованная на время, могучимъ потокомъ заливаютъ еще неокрѣпшія дѣянія новаторовъ.

То же произошло и съ реформой Аменофиса IV. Даже оффиціальное искусство, на минуту ожившее при немъ, опять впадаетъ въ свою торжественную священную окаменѣлость.

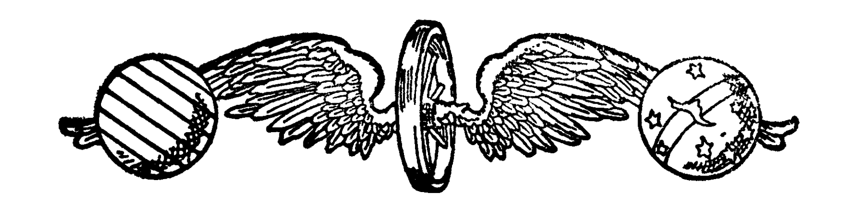
Реформа Аменофиса IV, какъ мы видимъ, не измѣнила замѣтнымъ образомъ египетскую цивилизацію, но если въ исторіи Египта она и не имѣетъ большого значенія,—значеніе это огромно въ исторіи человѣчества. Въ гимнахъ Эль-Амарна впервые, быть можетъ, достойно была воспѣта и идея единаго Провидѣнія, которое простираетъ свое попеченіе не только на людей разныхъ расъ, но и на всю живую природу.

Душа, уступающая напору страстей, уноситъ разумъ, подобно ладьѣ, носимой по водамъ бурею.

Поэтому, о мощно вооруженный, у того, чьи чувства совершенно отвлечены отъ предметовъ чувствъ, пониманіе того вполнѣ устойчиво.

Изр. изъ Бхагавадъ-Гиты.

[1]) Loret-Moret. Inscription de Mes ap. Zeitschr: c. XXXIX, стр. 24.



Обозрѣніе теософической литературы.

„Три фактора прогресса Эго: рисованіе, музыка, математика“. Подъ этимъ заглавіемъ Ж. Делетръ выясняетъ въ своей статьѣ, появившейся въ *Le Théosophe*, что эта тройная священная наука является необходимымъ факторомъ эволюціи. „Всѣ великія души, составляющія гордость человѣчества, обладали ею; иначе онѣ не могли бы раскрывать истины относительно природы, человѣка и Бога“.

„Собственно говоря, продолжаетъ Делетръ, есть одно лишь искусство, одна наука—та, что изучаетъ конечное, безконечное и ихъ соотношеніе: природу, человѣка и Бога. Рисованіе, музыка и математика и даютъ намъ ключъ къ пониманію соотношеній между природой, человѣкомъ и Богомъ, т. е. ключъ всего знанія. Природа говоритъ намъ чрезъ посредство рисованія; человѣческая душа чрезъ музыку, а божественное черезъ математику“.

Почему же эти три науки содержатъ въ себѣ синтезъ всего знанія? Потому, разъясняетъ авторъ, что „все сущее сводится къ числу; Богъ есть возможность всѣхъ чиселъ; тотъ, кто знаетъ число какой-нибудь вещи, является господиномъ этой вещи; Богъ „сотворилъ міръ числомъ, мѣрою, вѣсомъ“. Мѣра есть вибрирующая лѣстница звучной гармоніи съ ея противовѣсомъ—гармоничной лѣстницей цвѣтовъ; вѣсъ или матерія составляется также числомъ колебаній, обусловливающихъ ея состоянія. Теософическія ученія точно такъ же говорятъ, что все сводится къ числу, въ виду того, что оно является количественнымъ (и, слѣдовательно, исчисляемымъ) ограниченіемъ жизни, вдыхаемой Логосомъ въ единую космическую матерію, своимъ многообразіемъ породившую разнообразную матерію всѣхъ плановъ и слѣдственно и всѣ существующія формы“.

Нѣмецкій журналъ „Theosophie“ даетъ обильную пищу своимъ читателямъ въ номерѣ за октябрь—ноябрь. Нѣсколько статей на разнообразныя темы, какъ-то: „Экзотеризмъ и эзотеризмъ“, Ч. Лед-

битера, „Символика Волшебной флейты“, Карла Гейзе, „Зохаръ“ Е. П. Блаватской, „Теософическое Общество“, „Эфирный составъ человѣка“, „Практическая Теософія“, „Сосредоточеніе въ свѣтѣ сокровеннаго ученія“ и др. написаны интересно, вдумчиво и даютъ немало цѣнныхъ свѣдѣній о трактуемыхъ предметахъ. Журналъ самъ по себѣ нѣсколько тяжеловѣсенъ, но таковъ ужъ традиціонный философскій нѣмецкій языкъ, заключающій въ себѣ столько цѣнныхъ отвлеченныхъ опредѣленій, не имѣющихъ себѣ равныхъ на другихъ языкахъ.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ „Bolletino della Societa Teosofica Italiana“, мы остановимся на характеристикѣ мало извѣстнаго въ Россіи американскаго поэта и мыслителя, Уальта Уитмана, оказавшаго большое вліяніе на своихъ почитателей, создавшаго даже цѣлую школу этики и своеобразное міросозерцаніе, во многихъ отношеніяхъ предвозвѣстившее современный поворотъ человѣческой мысли.

Уальтъ Уитманъ родился въ 1819 г. около Нью-Іорка отъ отца—англичанина и матери—голландки и былъ типографщикомъ, журналистомъ и ораторомъ. Судьба его сталкивала со всевозможными людьми; онъ, такъ сказать, „впиталъ въ себя всю жизнь Нью-Іорка и Бруклина, изучилъ всѣ части огромнаго города, соприкасался со всѣми классами общества и съ самыми разнообразными типами“. „Большія знанія, широкое сочувствіе, безошибочная оцѣнка относительныхъ цѣнностей жизни, ясная мудрость, отличающія его главное произведеніе „Былинки“, были пріобрѣтены имъ въ эпоху его пребыванія въ Нью-Іоркѣ“. „Онъ прекрасно умѣлъ слушать, никогда не суетился, производя впечатлѣніе, что времени у него всегда много; всегда спокойный, ровный въ обращеніи какъ съ дикаремъ, такъ и съ образованнымъ человѣкомъ, другъ простыхъ, скромныхъ людей, воздержный, цѣломудренный, привѣтливый,—онъ обладалъ большой, ясной, отеческой душой, отражавшейся въ его глазахъ и во всѣхъ его поступкахъ. Онъ напоминалъ первичныхъ людей, піонеровъ расы, и имѣлъ внѣшность человѣка, живущаго въ природѣ. Онъ имѣлъ что-то общее съ землей, съ моремъ, съ горами... лицо его было необыкновенно; оно выражало не только интеллектъ, но и жизнь, и чувствовалось, что онъ достигалъ результатовъ больше путемъ сочувствія и ассимиляціи, чѣмъ усиленнымъ интеллектуальнымъ трудомъ, путемъ излученія силы скорѣе, чѣмъ непосредственнымъ и цѣльнымъ примѣненіемъ ея“. Мы бы охарактеризовали его по русски: „Интеллигентной черноземной силой“.

Таковъ былъ этотъ человѣкъ. Первое произведеніе его: „Былинки“ („Leaves of Grass“) было встрѣчено публикой съ суровымъ негодованіемъ. Оригинальность его вызвала насмѣшки, а пуритански настроенное общество возмутилось той свободой, съ которой поэтъ говорилъ о проблемахъ пола, о человѣческой любви, „огромной, вселенской тайнѣ, имѣющей такое же право быть свободно обсуждаемой, какъ и другія явленія природы, какъ восходъ и заходъ солнца и звѣздъ, какъ дѣянія людей, какъ мужество, какъ неизбѣжный фактъ смерти“. Онъ считалъ, что „человѣческій духъ осуществляетъ себя въ согласіи съ нерушимыми законами природы“ и трактуетъ свой предметъ съ кристальной, безупречной чистотой, составлявшей отличительную черту его существа.

Идея братства и служенія начинаетъ спускаться изъ области отвлеченныхъ и несбыточныхъ мечтаній въ сферу практическаго осуществленія. *Vàhan* отмѣчаетъ отчетъ о собраніи Кавендишской Ассоціаціи (Cavendish Association), помѣщенный въ *Daily Telegraph*, отъ 6-го ноября с. г. „Молодые люди изъ всѣхъ общественныхъ школъ и университетовъ были собраны этимъ Обществомъ „въ цѣляхъ осуществленія обширнаго плана, состоящаго въ обращеніи ко всѣмъ молодымъ людямъ съ предложеніемъ вступить на путь служенія на пользу общины“. Подобныя собранія состоялись въ одинъ и тотъ же день по всей странѣ, и ораторами были люди, занимающіе выдающіяся положенія, какъ архіепископъ Кантерберійскій, герцогъ Девонширскій и премьеръ-министръ, обратившіеся къ молодежи съ предложеніемъ отдать свои силы безкорыстному служенію человѣчеству. Еще одно изъ знаменій надвигающихся временъ, когда сильные будутъ служить слабымъ и когда „жизнь будетъ устроена на началахъ взаимопомощи, а не на началахъ безпощадной борьбы дикихъ звѣрей въ джунгляхъ“, какъ выразилась о настоящемъ положеніи вещей А. Безантъ.

Вышла новая книга С. Джинараджадаза, озаглавленная: „Цвѣты и сады“ (Flowers and Gardens). Это греза—поэтическое изображеніе жизни своеобразной общины людей, имѣющей возникнуть въ будущемъ. Она представляется автору въ видѣ сада, въ которомъ цвѣты—души человѣческія—распускаются подъ руководствомъ и уходомъ главныхъ садовниковъ—старшихъ братьевъ человѣчества.

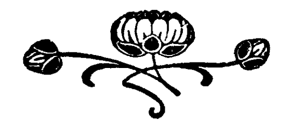
Останавливаясь на современномъ положеніи вещей, авторъ пишетъ: „Мнѣ сдается, что существуетъ одинъ основной и чрезвычайно практическій принципъ, который современные реформа-

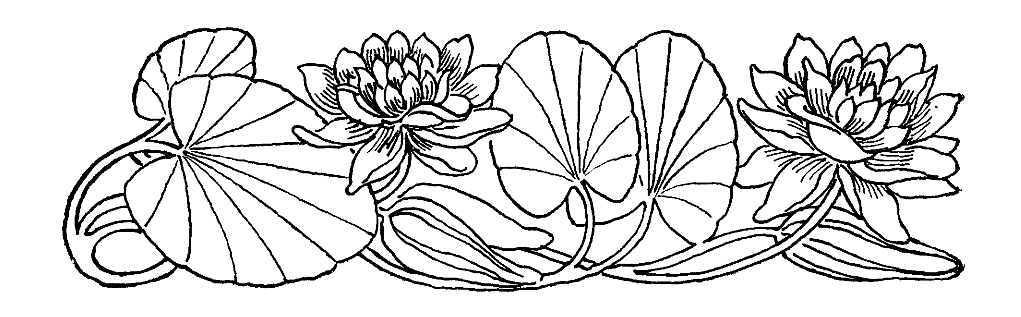
торы проглядѣли; а именно, что люди—не тѣла, а души. Какъ бы ни были необходимы ихъ реформы, работа ихъ не принесетъ плодовъ, пока не измѣнено будетъ само пониманіе жизни. Самыя большія страданія въ мірѣ происходятъ не отъ голода и жажды и болѣзней; скорбь міра происходитъ отъ того, что люди не знаютъ какъ имъ жить, даже если бы были удовлетворены всѣ ихъ физическія нужды.

Кто изъ насъ, прошедшій чрезъ школу и университетъ, можетъ сказать, что эти заведенія учили ихъ *жизни?* Развѣ мы не начинаемъ разбирать книгу жизни, лишь кончивъ школу, когда мы сами разрѣшаемъ проблемы существованія, о которыхъ намъ даже намеками ничего не говорили? Развѣ наши учителя и наставники говорили намъ, что жизнь есть дѣйствительно жизнь, лишь когда мы отдѣляемъ себя отъ нея и употребляемъ ее на удовлетвореніе потребностей нашихъ душъ? Развѣ, когда мы влюбляемся, намъ разъясняютъ значеніе того зданія, сотканнаго изъ грезъ, которое мы возводимъ и учатъ ли насъ какъ строить его, чтобы оно не распалось отъ малѣйшаго дуновенія? Когда приходится отказываться отъ желанія своего сердца во имя работы, развѣ правители наши свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что когда мы теряемъ себя такимъ образомъ, то обрѣтаемъ себя въ вѣчности?

Корень всего вопроса лежитъ въ томъ фактѣ, что такъ называемое государство,—наши законы, наша воспитательная система, наши гражданскіе идеалы— не касаются интимныхъ, реальныхъ сторонъ жизни. Зачѣмъ государственнымъ дѣятелямъ законодательствовать лишь для того, чтобы укрощать насъ, какъ будто мы люди, происшедшіе отъ обезьяны,—а не для того, чтобы и руководить нами, разъ мы и ангелы, сошедшіе на время съ небесъ? Если они думаютъ о томъ, какъ бы намъ позабыть наше постыдное наслѣдіе, почему они не думаютъ о томъ, какъ бы намъ сохранить воспоминаніе и о нашемъ наслѣдіи лучезарной славы? „Все это постепенно измѣнится", говоритъ далѣе авторъ, и это время онъ и рисуетъ намъ тонкими, пастельными красками, прозрачными и чистыми, и неуловимыми для тяжелаго физическаго взора.

В. Пушкина.





Хроника теософическаго движенія.

═ Въ настоящее время президентъ международнаго Общества, А. Безантъ читаетъ лекціи въ Индіи на слѣдующія темы: „Система кастъ въ прошломъ, настоящая система кастъ, мѣсто Теософіи въ Индіи, объединенная Индія".

Отъ 26 по 31 декабря въ Бенаресѣ состоялось годовое собраніе Теософическаго Общества въ Индіи.

═ Въ Швейцаріи открылся новый теософическій центръ, въ Нейшателѣ, названный „Neocomia". Такимъ образомъ, въ настоящее время въ Гельвеціи уже 11 теософическихъ центровъ, вступившихъ въ Швейцарское Теософическое Общество.

Съ нынѣшняго года Швейцарская секція вступила въ новый фазисъ своей жизни, рѣшившись купить участокъ земли съ домомъ для главной квартиры. Единогласно всѣ члены рѣшили вносить кромѣ годового своего взноса (7 фр.) еще добавочныхъ 10 франковъ въ теченіе столькихъ лѣтъ, сколько потребуется для погашенія сдѣланнаго долга. Кромѣ того, на пожертвованіе членовъ образовался фондъ для обезпеченія этого предпріятія. Отъ души можно поздравить нашихъ швейцарскихъ братьевъ за блестящій выходъ изъ труднаго положенія, ибо Общество Теософическое въ Швейцаріи еще малочисленное и сравнительно бѣдное.

═ Изъ Кротоны, главной квартиры Теософическаго Общества въ Америкѣ, пришелъ интересный отчетъ о закончившемся циклѣ теософическихъ лекцій. Такіе курсы открываются дважды въ году: лѣтомъ и передъ Рождествомъ. Въ программу лѣтнихъ курсовъ вошли:

1. Арійская раса и ея субрасы (14 лекцій).
2. Основныя ученія Теософіи (10 лекцій).

3. Астральный міръ (7 лекцій).
4. Элементарная философія (14 лекцій).
5. Наука въ связи съ Теософіей (14 лекцій).
6. Психологія (10 лекцій).
7. Жизнь ребенка (14 лекцій).
8. Антропологія, народовѣдѣніе и развитіе религіи (14 лекцій).
9. Обычное право (10 лекцій).
10. Вопросы управленія (14 лекцій).
11. Новыя соціальныя и политическія теоріи (14 лекцій).
12. Эзотерическое значеніе драмы (10 лекцій).
13. Эзотерическая интерпретація поэтовъ (8 лекцій).
14. Музыка въ свѣтѣ Теософіи (7 лекцій).
15. Забота о тѣлѣ (10 лекцій).

Каждый циклъ лекцій обнимаетъ собою 14 недѣль. Доступъ открытъ всѣмъ, членамъ и не-членамъ Теософическаго Общества. За полный курсъ всѣхъ лекцій вносится 14 долларовъ; отдѣльно за каждый курсъ лекцій по одному предмету—5 долларовъ. Публика допускается на всѣ лекціи, платя 25 центовъ за входъ.

Кротона становится настоящимъ теософическимъ университетомъ, къ которому стекаются тысячи слушателей.

═ Изъ Дрездена получены оттиски всѣхъ теософическихъ лекцій, бывшихъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Weisser Hirsch и отпечатанныхъ въ мѣстномъ нѣмецкомъ органѣ.

═ Въ Вѣнѣ началась серьезная работа Австрійскаго Теософическаго Общества. Предсѣдатель его, Янъ Кордесъ, прочиталъ 5 декабря лекцію на тему „Воскресеніе Мистерій".

12 января, въ 7 час. веч. назначено годовое собраніе Теософическаго Общества.

Каждый понедѣльникъ совѣтъ Австрійскаго Теософическаго Общества устраиваетъ открытыя собранія, на слѣдующій сезонъ объявлена слѣдующая программа:

19	января	1914 г.	Теософская жизнь.
26	„	„ „	Жизнь въ иныхъ мірахъ.
2	февраля	„ „	Жизнь въ сокровенномъ царствѣ.
9	„	„ „	Жизнь грядущаго вѣка.
16	„	„ „	Кто величайшія существа на землѣ?
23	„	„ „	Кто величайшіе міровые учителя?
2	марта	„ „	Кто истинные слуги человѣчества?
9	„	„ „	Центры силы.
16	„	„ „	Мыслеобразы.
23	„	„ „	Побѣдившіе себя.

═ Въ Парижѣ избранъ комитетъ изъ 5 лицъ для организаціи работъ ко всемірному конгрессу въ 1915 г.

Г-жа А. Блекъ совершаетъ въ настоящее время теософическое турнэ въ Алжирѣ.

Въ строящейся главной квартирѣ французской секціи устраивается большой амфитеатръ въ формѣ вѣера.

═ Годовое собраніе Россійскаго Теософическаго Общества прошло очень оживленно и гармонично.

Въ совѣтъ оказались избранными 2 новыхъ члена: Н. И. Эрасси и Л. П. Статсбадеръ.

Присутствовали представители всѣхъ отдѣловъ Р. Т. О-ва и многіе провинціальные члены.

═ 2 декабря М. А. Каменская прочитала въ Ригѣ публичную лекцію объ Индіи.

═ 6 декабря Н. К. Гернетъ сдѣлала въ закрытомъ собраніи Р. Т. О-ва сообщеніе на тему: „Воскресшая Атлантида“.

═ 10 декабря П. И. Тимофеевскій прочиталъ въ залѣ Тенишевскаго училища публичную лекцію на тему: „Отъ смерти къ безсмертію“.

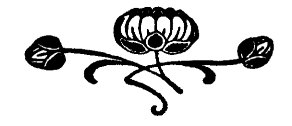
═ 15 декабря въ Москвѣ московскимъ отдѣломъ Р. Т. О. устроенъ былъ публичный диспутъ въ связи съ лекціей П. И. Тимофеевскаго (Отъ смерти къ безсмертію), прочитанной имъ въ ноябрѣ. Вступительное слово сказала предсѣдательница собранія А. А. Каменская. Въ диспутѣ приняли участіе: Л. Успенскій, Херсонскій, Е. Писарева, А. Молокинъ и друг.

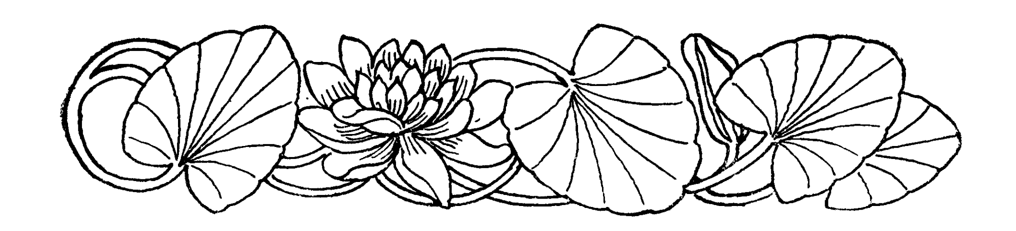
═ 16 декабря на открытомъ собраніи московскаго отдѣла читала докладъ Е. Ф. Писарева: „Духовное и психическое развитіе“.

═ 18 декабря на открытомъ собраніи Калужскаго отдѣла А. Каменская сдѣлала докладъ на тему: „Воспитаніе новаго человѣка“.

═ Въ Петербургѣ составился комитетъ для организаціи покупки земли на Кавказѣ, съ цѣлью устройства теософической санаторіи. Въ настоящее время количество пайщиковъ-членовъ оказалось достаточнымъ для начала осуществленія этого предпріятія, и намѣченный участокъ на берегу Чернаго моря уже купленъ.

Alba.





Хроника жизни.

— Въ Москвѣ, 27-го ноября состоялись гражданскія похороны матери „братца“ Ивана Колоскова.

Будучи религіозна, притомъ въ строго православномъ духѣ, Е. Д. Колоскова, однако, была лишена послѣдняго религіознаго утѣшенія. Приходскій священникъ о. Симеонъ Померанцевъ, къ которому Иванъ Колосковъ и другіе близкіе къ Е. Д. обратились съ просьбой исповѣдать больную и пріобщить Св. Тайнъ, придя къ больной, заявилъ ей, что она должна отречься отъ лжеученія и отъ своего сына, только тогда онъ совершитъ таинство. Старуха отвѣтила священнику, что она считаетъ себя такой же православной, какъ и онъ, и отъ сына не отречется, потому что онъ учитъ добру, а не злу. Послѣ этого свящ. о. Померанцевъ ушелъ. Родные больной обращались къ викарному еп. Анастасію съ просьбой повліять на священника Померанцева, но имъ было отвѣчено, что это дѣло совѣсти священника, въ которое епископъ считаетъ неудобнымъ вмѣшиваться. Такъ Е. Д. Колоскова и умерла безъ исповѣди и безъ причастія. Отпѣвать ее также отказались. На Хотиловской ул., гдѣ жила покойная, сегодня собралась громадная толпа трезвенниковъ и трезвенницъ. Гробъ на рукахъ былъ донесенъ до Калитниковскаго кладбища, гдѣ была приготовлена могила для Колосковой. Толпа трезвенниковъ, раздѣлившись на нѣсколько группъ, пѣла всю дорогу „Святый Боже“ и „Вѣчную память“. У воротъ кладбища духовенство отсутствовало. При погребеніи трезвенниками были исполнены разныя духовныя пѣснопѣнія.

(Изъ газ. «Рѣчь»).

— Миссіонеръ Айвазовъ помѣстилъ въ газетѣ „Колоколъ“ письмо, въ которомъ опровергаетъ сообщеніе издаваемой И. С. Прохановымъ „Утренней Звѣзды“, что онъ отказался вести бесѣду съ сектантами. Въ своемъ письмѣ миссіонеръ Айвазовъ, обращаясь къ И. С. Проханову, пишетъ:

„Прошу васъ въ самый кратчайшій срокъ войти со мной въ соглашеніе относительно устройства ряда полемическихъ бесѣдъ между мною и вами, какъ лицомъ, стоящимъ во главѣ петербургской общины „евангельскихъ христіанъ“, составителемъ ея „вѣроученій“ и пр. Ту же самую просьбу я адресую „симъ“ и къ главѣ петербургской общины баптистовъ В. А. Фетлеру“.

В. А. Фетлеръ по поводу вызова миссіонера Айвазова сообщилъ слѣдующее:

— Мы, баптисты, отказываемся принять вызовъ Айвазова, такъ какъ вызовъ этотъ не соотвѣтствуетъ нашему пониманію ученія Христа. Мы вовсе не боремся противъ православія и никогда ничего противъ господствующей церкви не говорили. Наша задача заключается въ просвѣщеніи въ христіанскомъ духѣ простого темнаго народа и раскрытіи передъ нимъ истинъ ученія Христа. Мы ищемъ погибшихъ, такъ называемыхъ, бывшихъ людей и стараемся поднять ихъ и отвлечь отъ той ужасной жизни, которой они живутъ. Мнѣ кажется лучше было бы, если миссіонеръ Айвазовъ направилъ бы свое миссіонерское рвеніе именно на эту сторону жизни, а не вступалъ бы въ безполезныя словесныя состязанія съ нами. Вѣдь, не мы страшны для церкви— страшно то невѣріе, тотъ атеизмъ, которые такъ быстро развиваются въ обществѣ и проникаютъ даже въ его низшіе слои. Лучше было бы, если бы миссіонеръ обратилъ свое благосклонное вниманіе именно на это явленіе жизни и оставилъ насъ въ покоѣ.

Въ этомъ же смыслѣ высказался и глава петербургскихъ евангельскихъ христіанъ И. С. Прохановъ.

(Изъ газ. «Рѣчь»).

= Присяжные засѣдатели, закончивъ вчера сессію по первому отдѣленію окружнаго суда, подали предсѣдателю заявленіе, въ которомъ говорятъ:

— Съ грустью мы должны признать, что личность подсудимыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ осталась для насъ не выясненной, такъ какъ данныя предварительнаго слѣдствія часто страдаютъ неполнотой.

Имѣя опредѣленное представленіе о современной тюрьмѣ, какъ о школѣ преступности, мы иногда, рѣшая вопросъ о виновности, останавливались передъ опасеніемъ, не принесетъ ли эта тюрьма человѣку мало испорченному, хотя и виновному, а въ особенности въ молодомъ возрастѣ, болѣе тяжкаго вреда, чѣмъ незаслуженное снисхожденіе или оправданіе.

Во время исполненія нашихъ обязанностей, мы еще болѣе укрѣпились въ убѣжденіи, что большее число преступленій совершается подъ вліяніемъ алкоголя. Наша мысль невольно обращается къ судьбѣ

тѣхъ, которые послѣ нашихъ приговоровъ должны идти въ мѣста заключенія, и мы не можемъ не высказать нашего убѣжденія, что учрежденія для преступниковъ, какъ для малолѣтнихъ, такъ и для взрослыхъ, должны получить другой характеръ, должны быть найдены другіе способы обращенія съ преступными элементами, основанные на трудѣ и разумномъ воспитаніи, напримѣръ, земледѣльческія колоніи.

Намъ представляется чрезвычайно желательнымъ отдѣленіе преступниковъ случайныхъ отъ привычныхъ и окончательно испорченыхъ.

Мы думаемъ, что многихъ людей могли-бы спасти отъ возврата на скамью подсудимыхъ такія учрежденія, которыя помогали бы въ пріисканіи работы всѣмъ прошедшимъ черезъ тюрьму или предварительное заключеніе, и поддержали-бы ихъ первые шаги на свободѣ, отъ которыхъ часто зависитъ все ихъ будущее.

(„Петербургская газета“).

— **Письмо въ редакцію газ. „Рѣчь“.** Въ „Новомъ Времени“ отъ 28 ноября появилась замѣтка, въ которой говорится, что врачемъ М. И. Покровской составлено обращеніе къ члену Гос. Думы А. И. Шингареву, подъ которомъ собираются подписи студентовъ университета. Въ этомъ обращеніи указывается на необходимость передать надзоръ за проституціей изъ рукъ полиціи въ вѣдѣніе городскихъ и земскихъ самоуправленій.

Никакого обращенія въ указанномъ смыслѣ я не составляла, такъ какъ отношусь вообще отрицательно къ надзору за проституціей, установленному съ спеціальной цѣлью охраны здоровья потребителей женскаго тѣла. Будетъ-ли этотъ надзоръ практиковаться администраціей, или мѣстными самоуправленіями, я признаю его вреднымъ для физическаго и духовнаго здоровья населенія.

Врачъ **М. И. Покровская.**

— Лига равноправія женщинъ обратилась къ депутатамъ-врачамъ съ ходатайствомъ поднять вопросъ объ отмѣнѣ регламентаціи проституціи. Депутаты-врачи, раздѣляя соображенія лиги въ пользу отмѣны регламентаціи, въ виду глубокаго вреда, наносимаго ею и человѣческому достоинству и здравоохраненію, внесли по иниціативѣ А. И. Шингарева въ Думу соотвѣтствующій проектъ. (Изъ газ. «Рѣчь»).

— Профессоръ Кэмбриджскаго университета, сэръ Оливеръ Лоджъ, избранъ предсѣдателемъ высшаго ученаго учрежденія въ Англіи „Британской Ассоціаціи Наукъ“ и его президентская рѣчь, произнесенная 10-го сего сентября (н. с.) произвела громкую сенсацію не только среди

ученаго міра, но и въ прессѣ. Эта рѣчь является, между прочимъ, откровеннымъ и мужественнымъ заявленіемъ его убѣжденности въ продолжающемся существованіи сознанія человѣка послѣ тѣлесной смерти, а также и въ непреложности общенія между воплощенными и развоплощенными интеллектами.

Мы видѣли, говоритъ журн. Ребусъ, болѣе тринадцати газетныхъ и журнальныхъ отзывовъ о рѣчи сэра Оливера Лоджа и всѣ они проникнуты глубокимъ уваженіемъ и симпатіей къ словамъ великаго ученаго. Не такъ оно было лѣтъ 30 тому назадъ, когда съ тѣмъ же заявленіемъ выступили профессора: Альфредъ Уоллессъ, сэръ Вильямъ Круксъ и сэръ Вильямъ Барретъ.

— Умеръ на 91-мъ году своей жизни Альфредъ Россель Уоллесъ, соучастникъ славы Дарвина, одинъ изъ великихъ въ царствѣ мысли... Въ пору критическаго пересмотра всѣхъ старыхъ устоевъ въ Англіи два англійскихъ естествоиспытателя, Дарвинъ и Уоллесъ, почти одновременно пришли къ одинаковому рѣшенію стараго вопроса о происхожденіи видовъ. И, что любопытнѣе всего, пришли одинаковымъ путемъ. Пришли оба подъ вліяніемъ одной и той же книги,—книги Мальтуса о народонаселеніи!—Имя Уоллеса осталось въ исторіи науки заслоненнымъ славою великаго Дарвина, но Уоллесъ принадлежалъ къ числу тѣхъ свѣтлыхъ избранниковъ человѣчества, которые живутъ ради дѣла, признаннаго ими дѣломъ жизни, и которымъ не важно, какъ отразятся достигнутые ими результаты на ихъ личной жизни.

Трудно исчерпать богатую сумму вкладовъ, вложенныхъ въ науку этимъ великимъ естествоиспытателемъ за его долгую жизнь. Весь современный прогрессъ научной мысли, всѣ крупнѣйшія завоеванія науки, которыми гордится XIX вѣкъ, прошли на глазахъ и при дѣятельномъ участіи этого человѣка, умѣвшаго ставить природѣ вопросы и получать у нея отвѣты на нихъ... Слѣдуетъ отмѣтить, что Уоллесъ однимъ изъ первыхъ заявилъ свой протестъ противъ тенденціозныхъ односторонностей нѣкоторыхъ изслѣдователей, пытавшихся найти въ теоріи естественнаго подбора оправданіе для той ожесточенной конкурренціи и эксплоатаціи человѣка человѣкомъ, которыя господствуютъ въ современномъ строѣ человѣческихъ обществъ... Отъ Оуэна Уоллесъ почерпнулъ убѣжденіе, что характеръ человѣка складывается подъ вліяніемъ наслѣдственности и окружающихъ условій. И отсюда родился у него протестъ противъ тѣхъ общественныхъ условій, которыя въ средѣ культурнаго общества воспитываютъ людей грубѣе и злѣе дикарей. Этимъ настроеніемъ продиктована часто цитируемая страница въ его „Малайскомъ Архипелагѣ“: „Преодолѣніе силъ природы повлекло за собою быстрое возрастаніе населенія и значительное накопленіе бо-

гатствъ, что въ свою очередь имѣло слѣдствіемъ такое усиленіе бѣдности и пороковъ и поощреніе стольких гнусныхъ чувствъ и лютыхъ страстей, что еще вопросъ, не понизился ли вообще умственный и нравственный уровень нашего населенія и не принесло ли это движеніе болѣе зла, нежели добра... Нужно признать тотъ фактъ, что богатство, знанія и культура, выпадающія на долю немногихъ лицъ, не составляютъ еще цивилизаціи и не могутъ служить символомъ совершенства нашего общественнаго быта"... (Изъ статьи—некролога Л. Двига въ журналѣ „Вѣстникъ Знанія").

Журналъ „Ребусъ" въ своемъ некрологѣ дѣлаетъ примѣчаніе, что въ молодыхъ еще годахъ, на ряду съ учеными трудами, покойный предпринялъ изученіе и изслѣдованіе въ области сверхчувственнаго и эта работа привела его—„неизбѣжно приведетъ и всякаго", какъ утверждалъ онъ впослѣдствіи,—къ твердому убѣжденію въ реальности загробнаго существованія и въ возможности общенія съ умершими.

═ 14-го ноября, въ 2 часа дня въ Театральномъ залѣ Тенишевскаго училища состоялось торжественное собраніе, устроенное Россійскимъ Теософическимъ Обществомъ въ память Анны Павловны Философовой.

Замѣтки объ этомъ собраніи были въ нѣсколькихъ газетахъ („Нов. Время", Биржевыя Вѣдомости") и, между прочимъ, въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" довольно подробный отчетъ о собраніи. Въ предварительномъ словѣ, посвященномъ А. П. Философовой, А. А. Каменская (предсѣдательница Р. Т. Об-ва) предупредила, что не станетъ давать характеристики ни личности, ни дѣятельности Анны Павловны, такъ какъ о нихъ много говорили и съ каѳедры и въ литературѣ, а отмѣтила лишь отличительную черту А. П. Философовой—любовь къ красотѣ и умѣнье находить ее во всѣхъ проявленіяхъ жизни... Послѣ исполненія „Cavatine" Раффа А. А. начала свой докладъ „Красота человѣческой души".

Отмѣтивъ, что каждое явленіе имѣетъ 2 аспекта: форму и внутреннее содержаніе, докладчица указала, что лишь полная гармонія между ними является залогомъ правильной эволюціи и что развитіе одного неизбѣжно влечетъ за собой усовершенствованіе и второй, а при равномѣрномъ развитіи обоихъ получается полная гармонія... Когда человѣкъ научается воспринимать красоту, то писатели, художники, музыканты будутъ ее проявлять въ произведеніяхъ искусства; поселянинъ—въ своемъ скромномъ полевомъ трудѣ, общественный дѣятель въ общественной работѣ и т. д. И если этотъ процессъ творчества даетъ человѣку счастье и очищаетъ его, ибо, творя, онъ усиліемъ воли отбрасываетъ свое низшее „я" и выдвигаетъ на первый планъ

„я“ высшее, то и всякій воспринимающій красоту, хотя бы и въ меньшемъ масштабѣ, переживаетъ тотъ же процессъ, становясь на время творцомъ, если не во внѣшнемъ мірѣ, то внутри самого себя...

Отмѣтивъ проявленіе красоты во всѣхъ формахъ жизни: въ природѣ, искусствѣ, внѣшнихъ поступкахъ и внутреннихъ переживаніяхъ человѣка, установивъ ея равноцѣнность и божественную сущность во всѣхъ проявленіяхъ и указавъ на тѣсную связь между красотою и моралью, докладчица, цитируя Шиллера, охарактеризовала двѣ формы ея проявленія: одна форма—прекрасное, когда прочувственная красота легко находитъ возможность себя проявить, и другая форма—великое, когда это проявленіе сопряжено со страданіемъ, съ необходимостью преодолѣвать препятствія... Послѣ доклада былъ показанъ рядъ свѣтовыхъ картинъ, иллюстрирующихъ символы красоты въ природѣ, искусствѣ, проявленіяхъ героизма и религіи, причемъ эти иллюстраціи сопровождались строго гармонирующей съ ними музыкой.

Содержаніе картинъ слѣдующее.

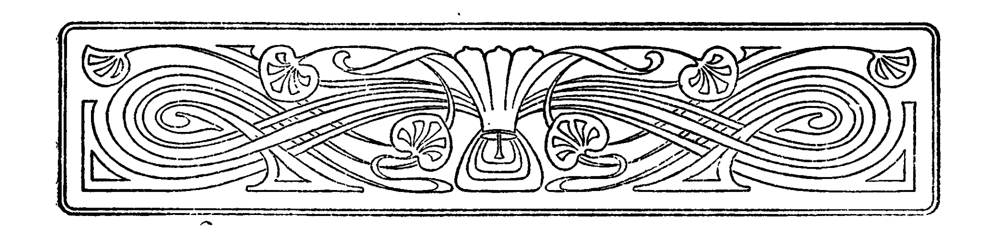
1) Символизмъ въ природѣ: Закатъ. Вечеръ. Ночь. Разсвѣтъ. Гимнъ Пиѳагорейцевъ.

2) Символизмъ въ искусствѣ: Вечеръ. Ночь. День. Надежда. Смерть генія. На стражѣ. Пасхальное утро.

3) Подвигъ женщины: Невѣста Нила. Дочь Іевѳая. Христіанскія мученицы. Іоанна Д'Аркъ.

4) Религіозный символизмъ: Три Мадонны.

Надо отдать справедливость Теософическому Обществу—пишутъ „Петербургскія Вѣдомости,—что, чествуя память любившей „солнце-красоту“ Анны Павловны Философовой, члены его сумѣли обставить чествованіе такъ, что все оно было озарено лучами этого солнца... Вся установленная цвѣтами эстрада, на ней средь миртъ и лѣса бѣлыхъ лилій портретъ Анны Павловны, тутъ-же рядомъ А. А. Каменская (въ бѣломъ платьѣ, съ бѣлыми цвѣтами) читаетъ докладъ о красотѣ, а затѣмъ гдѣ-то изъ-за зелени и бѣлыхъ лилій раздаются мелодичные звуки то скрипки, то арфы, то рояля; наконецъ рядъ символическихъ картинъ проносится передъ зрителями... Словомъ, красота вездѣ и во всемъ; она ласкаетъ слухъ, нѣжитъ глазъ, баюкаетъ мысль, унося ее въ царство моральной красоты...



Изъ газетъ и журналовъ.

„Бюллетени литературы и жизни“ отмѣчали нѣсколько разъ сочиненія, указывающія на ростъ человѣческаго духа по линіи „гордыхъ чаяній“. На такого же рода сочиненіе они указали опять, это—„Цѣль творчества“ К. Эрберга; въ немъ изначальное бытіе человѣческаго духа опредѣляется, какъ свободное и автономное, а бытіе сущее—какъ рабское и зависимое, хотя и находящееся въ процессѣ освобожденія.

К. Эрбергъ говоритъ, что мечемъ творческаго преодолѣнія и творческой ненависти разрубаются кандалы природы. Художникъ даетъ этому мечу имя—Красота; ученый называетъ свой мечъ—Истина.

Творческіе моменты должны убѣдить человѣческій духъ въ томъ, что и красота и истина коренятся въ самомъ духѣ человѣческомъ, почуявшемъ свою далекую свободу. Творческій духъ человѣка—это Прометей, несущій изъ таинственнаго потустороння го міра, черезъ хаосъ природы, среди враждебныхъ ему вихрей,—огонь, который даетъ познаніе человѣческой силы, могущей побѣждать законы природной неизбѣжности... Величавыя трагедія Эсхила и аккорды античныхъ колоннадъ, угрюмая скульптура Буонарроти и взлетающіе готическіе соборы, мощная живопись Рембрандта и стихійная музыка Вагнера, стройная космическая концепція Ньютона и побѣдоносныя открытія Роберта Майера, гордыя мечты Ницше, экстатическія видѣнія Врубеля и мятежныя творенія Ибсена,—все это взрывы могучихъ протестовъ противъ косной власти природы.

Тупая и косная природа создаетъ только „здоровое“, только такое, что совмѣстимо съ ея законами необходимости... Истинно-свободное въ природѣ неестественно. Принципъ свободнаго — чудо, какъ нарушеніе этихъ законовъ,—чудо, какъ протестъ противъ насилія природы... Произведенія творческаго духа человѣческаго — это

жемчужина на раковинѣ природы, болѣзненный, уродливый, съ точки зрѣнія природы, наростъ. Но изъ-за него-то и цѣнна вся раковина. „Пусть растутъ жемчужины, говоритъ Эрбергъ, пусть зальютъ всю раковину природы сплошной, несокрушимой, мерцающей жемчужной лавой!..“ И далѣе онъ рисуетъ себѣ путь освобожденія человѣка отъ власти природы силою творческаго духа, который все чаще и чаще будетъ вносить въ міръ что-то „не поддающееся никакому положительному опредѣленію на языкѣ природы“...

Я знаю, продолжаетъ Эрбергъ, что все это мечты, что это—чаянія, лишь по временамъ кажущіяся исполнимыми. Чудо есть невозможное. Потому-то я и хочу такъ чуда, что оно невозможно... И здѣсь выступаетъ второй моментъ интуитивныхъ переживаній человѣческаго духа.

Трагическій моментъ интуиціи характеризуется актомъ рѣшимости плѣннаго духа къ непосредственному, повидимому безцѣльному и безнадежному сопротивленію... ради мгновенья освобожденія... „Надо, чтобы всѣ прошли сквозь безуміе, экстазъ, сквозь чудо, ради очищенія и освобожденія отъ природы. Надо, чтобы всѣ пробивались къ вершинамъ, чтобы всѣ попирали ихъ ногами и чтобы такъ стали выше ихъ вершинъ. Пусть половина человѣчества сорвется въ пропасть, пусть сгніетъ въ трясинѣ: истинно отчаявшіеся—я знаю—спасутся отъ природы. Ихъ тяжкіе кандалы станутъ орлиными крыльями!“

═ Въ газ. „Рѣчь“ былъ фельетонъ Н. Данкова подъ заглавіемъ: „Индусское нашествіе“, въ которомъ авторъ говоритъ о вліяніи Индіи на Европу и на „опасное“ его вліяніе на Россію, какъ противоположную ей по духу.

Передается интересная бесѣда Александра Великаго съ браминами, которую можно назвать бесѣдой между великимъ европейскимъ „дѣйствіемъ“ и не менѣе великимъ „созерцаніемъ“ Востока. Александръ въ сознаніи своей силы сказалъ браминамъ: „просите у меня, что хощете!“ А они отвѣтили ему: „Дай намъ безсмертія“. По одному списку (въ „Хронографѣ“, 1512 г.) Александръ смутился, почувствовалъ ничтожность своихъ завоеваній и богатствъ, своей славы. Но по другому (см. у Истрина, Александрія „Первой редакціи“) Александръ отвѣтилъ, какъ настоящій мудрецъ эллинскаго Запада: „И азъ престати хотѣлъ отъ рати, но не дастъ ми нрава моего владыка“. Другими словами отказаться отъ „*дѣйствія*“ значило бы для Александра идти противъ закона своей личности, противъ внутренняго повелѣнія.

Въ этой бесѣдѣ очень точно формулирована тяжба между Западомъ и Востокомъ, тяжба, продолжающаяся и до сихъ поръ. Западъ весь въ движеніи, весь въ суетѣ... Міросозерцаніе современнаго европейца воистину прагматическое. Обаяніе „дѣйствія“ настолько велико,

что созерцатели, лежащіе „въ листвіи нагомудрецы", не могутъ побѣдить современныхъ людей прагматизма... Но авторъ опасается, что мы, русскіе:—„сами погруженные въ созерцаніе, изрѣдка перескакивая отъ него къ судорожнымъ дѣйствіямъ, болѣе похожимъ на буйство, нежели на дѣйствіе, мы безоружны противъ буддизма, теософіи и всяческой индійской премудрости"... Далѣе авторъ указываетъ на литературу, которая заваливаетъ нашъ рынокъ: „какія-то индусско-нововременскія брошюры" (издательство „Новый человѣкъ"), Калужское издательство „Лотосъ" и издательство общества русскихъ оріенталистовъ, и по „*семи*" книгамъ, присланнымъ въ редакцію для отзыва, онъ находитъ „индусское нашествіе" безпорядочнымъ и нелѣпымъ, а потому „крайне вреднымъ и нежелательнымъ". Кончаетъ Данковъ свою статью пожеланіемъ, чтобы мы „столь же храбро, какъ Александръ Великій, отстаивали великій идеалъ Европы: движенія и дѣйствія",—но вѣдь самъ же авторъ называетъ въ началѣ статьи это дѣйствіе „суетой" и довольно скептически отзывается о новомъ романѣ Келлермана, проповѣдывающемъ такое „дѣйствіе"?.. А Левъ Николаевичъ Толстой,—это можно ему напомнить,—совѣтовалъ всѣмъ такимъ „дѣйствующимъ" народамъ: „Недѣланіе".

— Въ „Вегетаріанскомъ Обозрѣніи" есть статья Полтавскаго „Царство гармоніи и справедливости".

„Вегетаріанство только тогда имѣетъ высшую цѣнность, когда оно освѣщено моральнымъ идеаломъ—осуществленіемъ царства гармоніи и справедливости на землѣ"... Такова резолюція перваго вегетаріанскаго съѣзда. Полтавскій говоритъ, что теперь надо подумать, какъ отъ исповѣданія устнаго перейти къ исповѣданію дѣломъ. До сихъ поръ это несомнѣнно общественное теченіе, насчитывающее въ разныхъ странахъ сотни тысячъ послѣдователей, существовало безъ опредѣленія своихъ позицій по отношенію къ другимъ общественнымъ теченіямъ... Теперь жизнь опредѣленно и рѣшительно выдвинула вопросъ объ отношеніи его къ общему строю человѣческой жизни... Вегетаріанская общественность не должна быть специфически вегетаріанской. Расширить реформу личнаго питанія до рамокъ общественной гигіены—этого слишкомъ мало... Вегетаріанство должно смѣшаться съ жизнью такъ полно, такъ совершенно, чтобы каждый уголокъ жизни былъ напитанъ вегетаріанствомъ и въ каждой вегетаріанской идеѣ чувствовался пульсъ подлинной жизни съ ея заботами и радостями.

Прикосновенность къ общественнымъ вопросамъ должна въ вегетаріанствѣ изъ частнаго явленія превратиться въ явленіе общее... система вегетаріанскихъ идей должна принять опредѣленную общественную окраску, должна отмѣтить, что въ современной общественной дѣйствительности родственно ей и что ей враждебно, съ чѣмъ она счи-

таетъ себя призванной бороться... Какъ ученіе, исходящее изъ общихъ положеній, оно не можетъ остановиться на какой-нибудь частной политической программѣ, но оно можетъ быть тѣмъ русломъ, по которому протекаютъ различныя рѣшенія, родственныя между собою по направленію... Устранить внутреннія мелкія противорѣчія между частностями, установить „царство гармоніи" между разнообразными способами рѣшенія отдѣльныхъ вопросовъ, это будетъ работа, которую вегетаріанство должно совершать, объединяясь, совершенствуясь и совершенствуя жизнь.

Журналъ „Психотерапія" 1913 г.

Новыя данныя науки все ближе и ближе начинаютъ подходить къ теософіи.

На превращеніе низшихъ эмоцій въ творческую дѣятельность теперь обращено особое вниманіе психологовъ. Докторъ Фрейдъ говоритъ, что „только подавить эмоціи, не направляя ее на какую-либо дѣятельность—это только загнать ее въ темныя пропасти подсознательнаго, гдѣ она будетъ съ удобствомъ мстить намъ и посягать на наше настроеніе духа и характеръ"...

Итальянскій ученый Assagioli, какъ на наглядный примѣръ, указываетъ на Вагнера, который свою сильную страсть къ Матильдѣ Везендокъ направилъ на созданіе Тристана и Изольды и прибавляетъ, что хотя примѣръ Вагнера представляетъ одно великолѣпное исключеніе, но болѣе скромныя попытки могутъ быть сдѣланы съ довѣріемъ каждымъ лицомъ. (Журналъ „Психотерапія" 1912 г.).

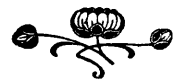
Въ статьѣ „къ вопросу о сущности психоневрозовъ" въ журналѣ „Психотерапія" №3, 1913 г., докторъ Залкиндъ какъ бы подтверждаетъ слова А. Безантъ, что „для каждаго здороваго человѣка, особенно съ богатымъ внутреннимъ содержаніемъ наступитъ моментъ, когда всѣ пріобрѣтенныя знанія и опытъ требуютъ претворенія въ жизнь, иначе становятся въ тягость".

Онъ доказалъ, что „неврозъ—это систематическая растрата свойственныхъ человѣку особенно яркихъ, творческихъ потенцій на ненужныя ему и вредныя состоянія и что дать возможность невротику творчески проявить себя—это зачастую избавить его отъ болѣзни.

Невротики въ большинствѣ страдаютъ не отъ того, что они слишкомъ афективны, но вслѣдствіе часто остающейся неиспользованной избыточной афективности, способной къ здоровому самопроявленію, но не получившей еще пока временно подходящаго для этого жизненнаго русла. Передъ будущимъ невротикомъ, страстно томящимся въ поискахъ творческихъ путей, по условіямъ современнаго воспита-

нія и по характеру окружающей среды, слишкомъ туго и узко открываются жизненные горизонты, и потому онъ заболѣваетъ, такъ какъ некуда ему до поры до времени дѣвать свое афективное богатство".

„Бываютъ счастливцы врожденно, конституціонально особенно сильно способные къ яркой, энергичной сублимаціи—они созидаютъ, творятъ и могутъ не заболѣть, а, заболѣвъ, выздоравливаютъ быстро".



Когда, подобно черепахѣ, втягивающей въ себя всѣ свои члены, онъ отрываетъ свои чувства отъ предметовъ чувствъ, тогда его разумѣніе установилось.

Устремленіе мысли на предметы чувствъ рождаетъ привязанность къ нимъ; отъ привязанности является вожделѣніе; отъ вожделѣнія рождается гнѣвъ.

Отъ гнѣва происходитъ заблужденіе; отъ заблужденія—потеря памяти; отъ потери памяти—лишеніе Разума; отъ лишенія Разума человѣкъ погибаетъ.

Но укрощенное „я", движущееся среди предметовъ, съ чувствами свободными отъ желанія и вражды, послушное „Высшему Я", обрѣтаетъ миръ.

Въ мирѣ наступаетъ конецъ всѣмъ страданіямъ; тотъ, чье сердце успокоилось, скоро достигаетъ равновѣсія.

Нѣтъ чистаго Разума для неблагозвучнаго, и нѣтъ для него созерцанія; безъ созерцанія нѣтъ мира, а безъ мира возможно ли блаженство?

Изр. изъ Бхагавадъ-Гиты.

Вопросъ. Каково отношеніе Теософіи къ вѣрѣ и чуду?

Отвѣтъ. Теософія не признаетъ слѣпой вѣры; такая вѣра умѣстна только для младенческаго сознанія. Вѣра взрослой души должна основываться или на интуиціи, или на опытѣ самого человѣка, или того, кому онъ вполнѣ довѣряетъ.

Чуда Теософія не признаетъ, ибо божественные законы, какъ физическіе, такъ и духовные,—ненарушимы. То, что намъ кажется чудомъ, есть явленіе такого же естественнаго порядка, какъ и всѣ остальныя, съ тою разницей, что цѣпь причинъ, вызвавшая его, намъ не видна.

Тотъ обрѣтаетъ миръ, въ душу котораго вливаются желанія также, какъ въ полноводный океанъ, сохраняющій неподвижность, вливаются рѣки,—а не тотъ, кто желаетъ желанія.

Кто въ такой степени отрекся отъ желаній и идетъ впередъ, свободный отъ вожделѣній, корысти и эгоизма, тотъ обрѣтаетъ миръ.

Таково состояніе Брахмана, о сынъ Притхы!

Человѣкъ не достигнетъ свободы отреченіемъ отъ дѣйствія и однимъ отреченіемъ не поднимется до совершенства.

Изр. изъ Бхагавадъ-Гиты.

Лао-Си. Тао̂-те-Кингъ или писаніе нравственности. Пер. съ китайскаго П. Д. Конисси, подъ ред. Л. Н. Толстого. Москва, 1913 года, 72 стр., ц. 25 к.

Лао-Си, основатель религіозной системы таоизма, распространенной въ Китаѣ. Жилъ онъ, какъ предполагаютъ современные ученые, за 600 л. до Р. X. Таоисты считаютъ Лао-Си за великаго Учителя, нѣсколько разъ воплощавшагося на землѣ, чтобы научить людей истинѣ. Книга его, Тао-те-Кингъ есть сборникъ краткихъ афоризмовъ, раздѣленныхъ на главы, дающій ученіе о Тао. Самое слово Тао имѣетъ нѣсколько смысловъ. Оно включаетъ понятіе Бога, какъ абсолюта и понятіе Пути, а также слова, дома.

Понятіе Тао, какъ абсолюта: „Тао абсолютно и едино... самобытно... безпредѣльно... всемогуще... внѣвременно... вѣчно". „Вѣчное Тао не имѣетъ имени". „Когда Тао раздѣлилось на части, то получило имя". „О, безпредѣльное, великое Тао". Путь къ Богу по Лао-Си— отказъ отъ всего преходящаго, всѣхъ формъ временнаго міра, молчаніе, уединеніе, собранность, созерцаніе.

„Тао есть глубина всякаго бытія", откуда практическая возможность Пути, т. е. сліянія съ Богомъ. „Живущій по Тао равенъ Тао". Затѣмъ въ книгѣ есть ученіе о космогоніи, о двухъ и о троичности. „Всякая вещь носитъ въ себѣ *инъ* и заключаетъ *янъ*". „Вселенная имѣетъ начало, которое и есть мать всего міра. По матери можно знать ея сына". Но болѣе всего разработана этика, какъ она рисуется Востоку.

Величавымъ спокойствіемъ вѣетъ отъ немногихъ строкъ этого произведенія, хранящаго, вѣроятно, многія тайны мира. Переведена книга П. Д. Конисси, проф. университета въ Кіото. Редактировалъ переводъ Л. Н. Толстой, свѣрявшій его съ англійскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ текстами. Къ книгѣ приложена пояснительная статья С. Н. Дурылина и примѣчанія къ отдѣльнымъ главамъ.

М. Г.

Взаимодѣйствіе духа и тѣла. Д-ра мед. Л. А. Гордонъ, ц. 75 к.

Цѣль этого очерка, по словамъ автора, указать вліяніе духа на тѣлесные процессы въ организмѣ, на важное значеніе психическихъ причинъ при физическихъ заболѣваніяхъ. Часто, говоритъ онъ, путемъ психическаго воздѣйствія и физическія страданія могутъ быть смягчены или даже уничтожены, и на гигіену и діэтику духа особенное вниманіе должны обращать женщины, готовящіяся стать матерями, такъ какъ это имѣетъ громадное значеніе не только на ихъ физическое здоровье, но и на будущность ребенка, при этомъ надо имѣть въ виду, что „психическія вліянія дѣйствуютъ всюду и вездѣ и притомъ непрерывно, но мы ихъ не замѣчаемъ, такъ какъ мы привыкли видѣть лишь то, что намъ показываютъ, и человѣкъ подвергается внушенію со стороны окружающихъ даже при обыденныхъ условіяхъ жизни“. Душа, по его словамъ, создаетъ тѣло, и психическія воздѣйствія простираются на всѣ функціи тѣла.

„Всякая мысль, какъ бы она мимолетна ни была, всякое чувствованіе сопровождается измѣненіемъ просвѣта мозговыхъ сосудовъ. „Задачей воспитанія должно быть равномѣрное развитіе будущей личности въ физическомъ, въ нравственномъ и въ умственномъ отношеніяхъ, т. е. гармоническое развитіе всѣхъ сторонъ человѣческой природы“.

„Духовное воспитаніе должно преслѣдовать двѣ цѣли: развитіе унаслѣдованныхъ здоровыхъ особенностей характера и подавленіе болѣзненныхъ особенностей и зачатковъ дурныхъ привычекъ. Духовное развитіе должно начаться какъ можно раньше“.

При этомъ авторъ указываетъ на тѣ качества, которыми долженъ обладать воспитатель: спокойствіе, терпѣніе, мягкость характера, сила воли и находчивость; воспитаніе должно вестись сообразно съ индивидуальными особенностями ребенка, причемъ воспитатель, подобно опытному врачу, долженъ стараться сначала распознать особенности характера дитяти, и затѣмъ безъ насилія постепенно направлять его къ желаемой цѣли“. Затѣмъ авторъ даетъ указанія на способы воспитанія и самовоспитанія.

М. Ф.

Эволюція символизма.

Е. Блаватской.

Лотосъ, какъ всемірный символъ.

Нѣтъ древнихъ символовъ безъ глубокаго философскаго значенія и значеніе ихъ и важность возрастаютъ съ ихъ древностью. Таковъ Лотосъ. Этотъ цвѣтокъ, посвященный природѣ и ея богамъ, представляетъ абстрактный и конкретный міръ и есть эмблема производительныхъ силъ духовной и физической природы. Онъ считался священнымъ съ самой глубокой древности арійцами, индусами, египтянами и, послѣ нихъ, буддистами. Онъ былъ предметомъ поклоненія въ Китаѣ и Японіи и принятъ, какъ христіанская эмблема Греческой и Римской церковью, замѣнившей его водяной лиліей и сдѣлавшей изъ него аттрибутъ вѣстника. Въ христіанствѣ, въ каждомъ изображеніи Благовѣщенія, арх. Гавріилъ является Дѣвѣ Маріи, держа въ рукѣ вѣтку водяной лиліи. Эта вѣтка представляетъ огонь и воду и символизируетъ *ту же самую идею*, какъ и Лотосъ въ рукѣ Боддисаттвы, возвѣщающаго Маха-Майѣ, матери Гаутамы, рожденіе Будды, Спасителя міра. Такъ и Озирисъ и Горусъ постоянно изображались Египтянами въ связи съ цвѣткомъ Лотоса, такъ какъ они солнечные боги или боги огня. Совершенно также и Духъ Святой все еще изображается огненными языками въ Дѣяніяхъ Апостоловъ.

Онъ имѣлъ и имѣетъ до сихъ поръ мистическое значеніе, одинаковое у всѣхъ націй земли. Отсылаемъ читателя къ сэру William Jones'у [1]). У Индусовъ Лотосъ эмблема производительной силы природы черезъ посредство Огня и Воды, Духа и Матеріи. „О Ты, Вѣчный, вижу Браму, сидящаго на престолѣ въ тебѣ надъ Лотосомъ", такъ гласитъ стихъ Бхагаватъ Гиты. И сэръ W. Jones показываетъ, какъ уже замѣчено въ Станцахъ, что сѣмена Лотоса еще до заростанія содержатъ совершенно законченные листики, являющіеся въ миніатюрѣ прообразомъ того, чѣмъ станутъ развившіяся растенія. Лотосъ въ Индіи, символъ плодородной

---

[1]) См. Dissertations Relating to Asia.

земли и, болѣе того, символъ горы Меру. Четыре Ангела или Генія четырехъ частей неба, Махараджи Станцъ, стоятъ каждый на Лотосѣ. Лотосъ есть двойной типъ небеснаго и земного гермафродита, т. к. онъ такъ сказать двуполъ.

У Индусовъ Духъ Огня или Тепла—возбуждающій къ дѣятельности, оплодотворяющій и развивающій въ конкретную форму по идеальному прототипу все, что рождено отъ Воды или первобытной Земли—содѣйствовалъ развитію Брамы. Цвѣтокъ Лотоса, изображаемый растущимъ изъ пупа Вишну, бога, покоящагося въ водахъ Пространства на Змiѣ Безконечности, это самый выразительный изъ всѣхъ символовъ. Это вселенная, развивающаяся изъ центральнаго Солнца, точки, вѣчно-скрытаго зародыша. Лакшми, женскій аспектъ Вишну, называющаяся также Падма, т. е. Лотосъ, въ *Рамаянѣ* тоже представлена плывущей на цвѣткѣ Лотоса во время „сотворенія“ и „рожденія Океана“ пространства; она изображалась также поднимающаяся изъ „Млечнаго Моря“, точно Венера Афродита изъ пѣны океана.

... Тогда возсѣвъ на Лотосъ Сіяющая богиня Красоты, несравненная Shri поднялась изъ волнъ.

Такъ писалъ англійскій оріенталистъ и поэтъ Sir Monier Williams. Основная идея этого символа прекрасна и, кромѣ того, она ясно указываетъ на родство всѣхъ религіозныхъ системъ.

Лотосъ и водяная лилія означаютъ одно и то же философское понятіе, а именно эманацію Объективнаго изъ Субъективнаго, божественную Идеацію, переходящую отъ абстрактнаго въ конкретную видимую форму.

Ибо, какъ только Тьма, или скорѣе то, что есть „Тьма“ для невѣжества исчезаетъ въ свою область Вѣчнаго Свѣта, оставляя за собой лишь свою Божественную, проявленную Идеацію, открывается пониманіе Созидающихъ Логосовъ: они видятъ въ идеальномъ Мірѣ скрытыя до того въ Божественной Мысли архитипы и начинаютъ по этимъ моделямъ копировать прообразы всего, строить или ваять преходящія трансцендентныя формы.

Въ этой стадіи Дѣйствія, Деміургъ еще не есть Великій Зодчій. Рожденный въсумеркахъ дѣйствія, онъ долженъ сначала постигнуть планъ, понять идеальныя формы, лежащія въ лонѣ Вѣчной Идеаціи, подобно тому, какъ будущіе листья Лотоса, непорочные лепестки его, скрыты въ сѣмени этого растенія. Въ эзотерической философіи Деміургъ или Логосъ, какъ Создатель есть лишь отвлеченный терминъ, идея, въ родѣ слова „рать“. Какъ послѣднее есть всеобъемлющій терминъ для всей совокупности активныхъ силъ

или дѣйствующихъ единицъ—солдатъ, такъ Деміургъ есть качественный коллективъ множества создателей или строителей. Великій востоковѣдъ Бюрнуфъ вполнѣ овладѣлъ этой идеей, говоря, что Брама не создаетъ земли, точно такъ же, какъ онъ не создаетъ и остальной вселенной.

Развившись самъ изъ Души Міра, разъ отдѣленный отъ Первопричины, онъ выдыхаетъ и излучаетъ изъ себя всю Природу. Онъ не находится надъ нею, но смѣшивается съ нею. Брама и Вселенная составляютъ одно существо, каждая частица котораго въ своей сущности есть исшедшій изъ Самого Себя, Самъ Брама.

Въ главѣ *Книги Мертвыхъ*, называемой „Превращеніе въ Лотосъ", Богъ, представленный какъ глава, выходящая изъ этого цвѣтка, восклицаетъ:

„Я—чистый Лотосъ, выходящій изъ Лучезарныхъ... Я несу вѣсти Горуса... Я чистый Лотосъ Солнечныхъ Полей". (гл. LXXXI).

Идея Лотоса можетъ быть прослѣжена даже въ главѣ о сотвореніи міра Элогимами, первой главѣ книги Бытія, какъ она изложена въ „*Разоблаченной Изидѣ*". Къ этой идеѣ мы должны обратиться за происхожденіемъ и объясненіемъ стиха Еврейской Космогоніи, гласящаго: „И рекъ Господь—да произведетъ земля... дерево, дающее плодъ своего рода, сѣмя котораго въ немъ самомъ" [1]). Во всѣхъ первобытныхъ религіяхъ Богъ Создатель есть Сынъ Отца, т. е. Его мысль, ставшая видимой; и до христіанской эры, начиная отъ Тримутри Индусовъ и кончая тремя Каббалистическими Головами Писанія, по объясненію Евреевъ, Тріединство Божества было вполнѣ опредѣленно выражено въ аллегоріяхъ.

Таково космическое и идеальное значеніе этого великаго символа у народовъ Востока. Но, въ отношеніи практическаго и экзотерическаго культа, также имѣющаго свою экзотерическую символику, Лотосъ сталъ со временемъ носителемъ и содержателемъ болѣе земной идеи. Ни одна догматическая религія не осталась свободной отъ сексуальнаго элемента и до сего дня онъ темнитъ нравственную красоту основной идеи символики. Вотъ цитата изъ той же же Каббалистической рукописи:

Къ тому же значенію относится и Лотосъ, росшій на водахъ Нила. Его способъ произрастанія дѣлалъ его очень подходящимъ символомъ производительныхъ силъ. Зрѣлый цвѣтокъ Лотоса, носитель сѣмени, связанъ подобно плацентѣ съ Матерью Землей, или лономъ Изиды, черезъ воды матки, т. е. воды рѣки Нила, длиннымъ вервіеобразнымъ стеблемъ-пуповиной. Этотъ символъ очень ясенъ; его значеніе подчеркивается тѣмъ, что иногда изображается дитя, сидящее на

1) I, 2.

цвѣткѣ или выходящее изъ него [1]). Такъ Озирисъ и Изида, дѣти Кроноса, безконечнаго времени, въ развитіи своихъ природныхъ силъ, дѣлаются въ этой картинѣ родителями человѣка, подъ именемъ Горуса.

Мы не можемъ достаточно подчеркнуть значеніе этой производительной функціи какъ основы символичнаго языка, созданнаго наукой. Мысля объ этой идеѣ, мы сразу переходимъ къ размышленію надъ первопричиной. Въ своихъ дѣйствіяхъ Природа образовала чудный живой механизмъ, управляемый, присоединенной къ нему живой душой; развитіе жизни и исторія этой души, откуда она и куда она идетъ, превосходитъ всѣ усилія человѣческаго ума [2]). Новорожденный—вѣчно повторяющееся чудо, доказательство, что въ мастерскую лона вмѣшалась разумная созидающая сила, чтобы соединить живую душу съ физической машиной. Поразительное чудо этого факта даетъ особую святость всему, касающемуся органовъ воспроизведенія, какъ обители и мѣсту явнаго созидательнаго вмѣшательства Божества".

Таково точное воспроизведеніе основыхъ идей древности, чистыя пантеистическія представленія, *безличныя* и благоговѣйныя, которыя мы находимъ у архаическихъ философовъ доисторическихъ временъ. Это однако не такъ, когда дѣло касается грѣховнаго человѣчества, грубыхъ идей, присущихъ *личности*. Поэтому, ни одинъ пантеистическій философъ не можетъ не найти слѣдующія замѣчанія, представляющія антропоморфизмъ Іудейской символики, опасными для святости истинной религіи и подходящими лишь для нашего матеріалистическаго времени, прямому послѣдствію и результату этого антропоморфическаго характера. Ибо это ключъ ко всему духу и сути Ветхаго Завѣта, какъ констатируетъ рукопись, говоря о символизмѣ иносказательнаго языка Библіи:

Оттого мѣстонахожденіе матки надо считать за Наисвященнѣйшее Мѣсто, Sancta Sanctorum и за подлинный храмъ Бога Живаго [3]).

---

[1]) Въ Индусскихъ Пуранахъ это Вишну—Первый и Брама—Второй Логосъ, или Идеальный и Практическій Создатели, которые изображаются одинъ проявляющимъ Лотосъ, а другой исходящимъ изъ него.

[2]) Но не усилія дисциплинированныхъ психическихъ способностей посвященнаго въ Восточную Метафизику и въ тайны созидательной природы. Профаны прежнихъ вѣковъ осквернили чистый идеалъ космическаго творенія, сдѣлавъ его эмблемой чисто-человѣческаго воспроизведенія и половыхъ функцій. Эзотерическимъ ученіямъ и Посвященнымъ будущаго предстоитъ и будетъ предстоять миссія искупить и облагородить еще разъ первобытную концепцію, такъ печально профанированную теологами этимъ грубымъ примѣненіемъ къ экзотерическимъ догматамъ и олицетвореніямъ. Молчаливое поклоненіе отвлеченной или ноуменальной Природѣ, единственному Божественному Проявленію—вотъ единая возвышенная религія человѣчества.

[3]) Конечно слова посвященнаго въ *древнія* Мистеріи Христіанства: „Развѣ вы не знаете, что вы храмъ Бога" (I Коринѳ. III, 16) не относятся *къ людямъ* въ этомъ смыслѣ; хотя несомнѣнно значеніе ихъ *было* таково у Еврейскихъ компиляторовъ *Ветхаго Завѣта*. Здѣсь та бездна, что лежитъ между символизмомъ Новаго Завѣта и Еврейскимъ канономъ. Эта пропасть осталась бы и даже все увеличивалась бы, если бы Христіанство, особенно Римская Церковь, не перекинуло мостъ черезъ нее. Современное Папство совсѣмъ заполнило ее теперь своими догматами о двухъ непорочныхъ зачатіяхъ и антропоморфическимъ и въ то же время идолопоклонническимъ характеромъ, приданнымъ имъ Матери Господа.

Мужчина всегда считалъ обладаніе женщиной существенною частью самого себя, дабы изъ двухъ сталъ одинъ, и онъ это свято и ревниво хранитъ. Даже часть дома, жилища, гдѣ жена пребывала, было названо *Penètralia*, тайное или священное, отсюда метафора Святая Святыхъ, священныхъ строеній, основанныхъ по идеѣ святости органовъ зачатія. Доведенная до крайности въ описаніи метафорой [1]), эта часть дома описывается въ священныхъ книгахъ, какъ „между бедрами дома“, и иногда эта идея проведена путемъ постройки большой двери церквей между выступами по сторонамъ.

Никакой такой „доведенной до крайности“ мысли не было у древнихъ арійцевъ. Это доказывается фактами, что въ періодъ Ведъ, женщины не были отдѣльно отъ мужчинъ въ penetralia или „Зенанахъ“. Это заключеніе началось со времени, когда магометане, слѣдующіе за христіанской церковностью наслѣдники Еврейскаго символизма—завоевали страну и постепенно навязали свои обычаи и пріемы индусамъ. До и послѣ Ведъ, женщина была также свободна, какъ и мужчина; никакой земной нечистой мысли не примѣшивалось къ религіозной символикѣ первыхъ Арійцевъ. Идея и примѣненіе ея происхожденія чисто семитическаго.

Это подтверждаетъ авторъ ученаго Каббалистическаго откровенія, когда онъ кончаетъ вышеприведенныя цитаты словами:

Если можно отнести къ этимъ органамъ, какъ символамъ созидательныхъ космическихъ силъ, идею о происхожденіи измѣреній, какъ и періодовъ времени, тогда, конечно, въ строеніи храмовъ, какъ обителей Божества или Іеговы, часть, именуемая Святая Святыхъ, или Святѣйшее мѣсто, могла бы получать свое названіе отъ признанной святости половыхъ органовъ, какъ символовъ измѣренія и созидающей причины. У древнихъ *мудрецовъ не было ни имени, ни идеи, ни символа* Первой причины“.

Конечно нѣтъ. Лучше о ней не думать и оставить ее безъ имени, какъ первые Пантеисты, нежели осквернять святость Идеала Идеаловъ, унижая его символы до такихъ антропоморфическихъ формъ! Опять здѣсь видишь огромную пропасть между Арійской и Семитической религіозной мыслью, двухъ противоположныхъ полюсовъ—искренности и скрытности. У Брахмановъ, никогда не соединявшихъ естественныхъ производительныхъ функцій человѣка съ элементомъ первороднаго грѣха—имѣть сына есть *священная обязанность*. Древній Брахманъ, исполнивъ свою человѣческую миссію создателя, уходилъ въ джунгли и проводилъ остатокъ дней своихъ въ религіозномъ созерцаніи. Онъ исполнилъ свой долгъ передъ природой, какъ смертный и ея сотрудникъ, и отнынѣ отдавалъ всѣ свои помышленія духовной и безсмертной

---

[1]) Доведено лишь *Еврейской* Библіей и услужливой христіанской теологіей.

части себя самого, совершенно правильно смотря на все земное, какъ на иллюзію или на преходящій сонъ. У Семита было иначе. Онъ придумалъ искушеніе плоти въ райскомъ саду и показалъ своего Бога—эзотерически Искусителя и Правителя Природы—*проклинающимъ на вѣки*, актъ, логически вытекавшій изъ программы Природы [1]). Все это выступаетъ экзотерически, если придерживаться мертвой буквы, т. е. завѣсы Книги Бытія. Въ то же время, *эзотерически* Семитъ смотрѣлъ на предполагаемый *грѣхъ* и *паденіе*, какъ на дѣйствіе столь священное, что органъ, исполнитель *первороднаго грѣха*, изображался какъ наиболѣе подходящій символъ для представленія того же божества, которое карало, будто бы, его вступленіе въ исполненіе функцій, какъ ослушаніе и вѣчный грѣхъ. Кто сможетъ измѣрить парадоксальныя глубины Семитическаго ума! И этотъ парадоксальный элементъ, минусъ его сокровенное значеніе, совершенно перешелъ теперь въ христіанскую теологію и догматы!

Знали ли первые Отцы Церкви эзотерическое значеніе Еврейскаго *Завѣта* или лишь нѣкоторые понимали это, тогда какъ другіе не вѣдали тайны, это рѣшитъ потомство. Одно ясно: такъ какъ эзотеризмъ *Новаго Завѣта* совершенно согласуется съ Еврейскими Книгами Моисея, и въ то же время многіе чисто Египетскіе символы и языческіе догматы вообще—какъ Троица—были взяты и включены въ Новый Завѣтъ Синоптиками и св. Іоанномъ, явно, что тождественность этихъ символовъ была извѣстна писавшимъ *Новый Завѣтъ*, кто бы они не были. Они также должны были знать старшинство Египетскаго Эзотеризма, т. к. они приняли нѣсколько символовъ, представляющихъ чисто Египетскія понятія въ ихъ внѣшнемъ и внутреннемъ значеніи и которые нельзя найти въ Еврейскомъ канонѣ. Одинъ изъ нихъ водяная лилія въ рукахъ Архангела на древнихъ изображеніяхъ его появленія Дѣвѣ Маріи; эти символическіе обряды сохранились до сихъ поръ въ иконографіи Греческой и Римской Церкви. Такъ Вода, Огонь и Крестъ, какъ и Голубь, Агнецъ и другія священныя животныя, во всѣхъ ихъ сочетаніяхъ имѣютъ одинаковый эзотерическій смыслъ и были, вѣроятно, приняты какъ улучшеніе простого и чистаго Іудаизма. Ибо Лотосъ и Вода находятся въ числѣ древнѣйшихъ символовъ и ихъ происхожденіе чисто Арійское, хотя они сдѣла-

[1]) Та же идея проведена экзотерически въ инцидентахъ Исхода изъ Египта: „Господь Богъ искушаетъ Фараона чрезвычайно и мучаетъ его великими муками“, чтобы царь не избѣгъ наказанія, лишивъ такимъ образомъ „Избранный народъ“ возможности восторжествовать лишній разъ.

лись общимъ достояніемъ во время развѣтвленія пятой расы. Напримѣръ: буквы и числа были всѣ мистичны, отдѣльно взятыя или и въ сочетаніи. Самая священная буква М. Она и мужского и женскаго начала, андрогинна и должна символизировать Воду въ ея происхожденіи, Великую Бездну. Эта буква мистическая на всѣхъ языкахъ, Восточныхъ и Западныхъ, является знакомъ волнъ WW. Въ Арійскомъ и въ Семитическомъ Эзотеризмѣ эта буква всегда изображала Воды.

Напримѣръ, въ санскритѣ, Макара, десятый знакъ Зодіака означалъ Крокодила, или скорѣй, водяное чудище, всегда связанное съ Водой. Буква Ма равняется и соотвѣтствуетъ числу 5, состоящему изъ Двойственности, символа раздѣленныхъ половъ, и Тройственности—символа третьей жизни, порожденія Двойственности. Это, опять-таки, часто символизируется Пентагономъ, причемъ послѣдній является священнымъ знакомъ, божественной монограммы Матрейя—тайное имя Пятаго Будды и Кальки Аватара Брамановъ, послѣдняго Мессіи, который придетъ въ концѣ Великаго Цикла. Эта также начальная буква греческаго Метиса или божественной Мудрости; Мимры, т. е. Слова, Логоса; Митры, Mihr'ы, Тайна Монады. Всѣ они рождены въ Великой Глубинѣ и изъ нея и сыны Майи; въ Египтѣ Мутъ (Moot); въ Греціи Минервы, Божественной Мудрости; Маріи, Маріамъ, Мареы, матери христіанскаго Логоса, Майи, матери Будды. Мадхава и Мадхави (Mâdhava, Mâdhavî)—званіе важнѣйшихъ Боговъ и богинь въ Индусскомъ Пантеонѣ. Наконецъ, Мандала означаетъ, по-санскритски, „Кругъ“ или орбита, также и десять отдѣловъ *Ригъ-Веды*. Священнѣйшія имена въ Индіи обычно начинаются этой буквой отъ Махата, перваго проявленнаго Интеллекта и Мандары, великой горы, которой боги бороздили Океанъ, до Мандакини, небесной рѣки Ганга, Ману и т. д.

Что же, назвать это совпаденіемъ? Это было бы странно, ибо мы видѣли, что даже Моисей, найденный въ водахъ Нила, имѣлъ эту символическую букву въ своемъ имени. „И дщерь Фараонова нарекла ему имя Моисей, говоря: потому что я вынула его изъ Водъ“ [1]). Помимо того, священное имя Бога, по-еврейски, относящееся къ буквѣ М, есть Меборахъ (Meborach), Святой, благословенный, а имя Водъ Потопа — Мбуль (Mbul). Вспомнимъ еще трехъ Марій

[1]) Exodus II, 10. Даже у Мидійскаго Священника семь дочерей, которыя пришли черпать *воду* и которымъ Моисей помогъ напоить ихъ стада, за каковую службу Midian даетъ Моисею въ жены дочь свою Сепфору или Сиппару, „блестящую волну“. (Exod. II, 16—21). Все это имѣетъ одно и то же тайное значеніе.

при Распятіи, и ихъ связь съ „Mare“, моремъ, Водами. Оттого у Іудеевъ и Христіанъ Мессія всегда связанъ съ Водой, Крещеніемъ; также съ Рыбами, знакомъ Зодіака, что по-санскритски Минамъ и съ Matsya (Рыба)-аватаромъ и съ Лотосомъ—символомъ Лона—или водяной Лиліей, означаетъ то же самое.

Въ реликвіяхъ древняго Египта, чѣмъ древнѣе символы и эмблемы выкопанныхъ предметовъ, тѣмъ чаще встрѣчаютъ цвѣтокъ Лотоса и Воды въ связи съ Солнечными Богами. Богъ Khnoom, Мокрая Сила, Вода, по ученію Ѳалеса, былъ началомъ всѣхъ вещей и сидитъ на престолѣ, стоящемъ на Лотосѣ. Богъ стоитъ на Лотосѣ, собираясь поглотить свое потомство. Тотъ, богъ Тайны и Премудрости, священный писарь Аменти, имѣющій на главѣ дискъ Солнца, сидитъ съ головой быка (такъ какъ священный быкъ Мендеса былъ одной изъ формъ Тота) и тѣломъ человѣка на расцвѣтшемъ Лотосѣ. Наконецъ, большая Хигитъ (Higit) въ формѣ лягушки, покоится на Лотосѣ, указывая этимъ на свою связь съ водой. Непоэтичность символа лягушки, одного изъ древнѣйшихъ глифовъ Египетскихъ Божествъ, была причиной того, что египтологи тщетно старались понять тайну и функціи этой богини. Принятіе его ранней Христіанской Церковью показываетъ, что тогда его понимали лучше, чѣмъ наши современные оріенталисты. „Богиня лягушка или жаба“ была однимъ изъ главныхъ космическихъ Божествъ, связанныхъ съ сотвореніемъ міра, по причинѣ своей природы амфибіи и главное въ силу своего кажущагося воскресенія послѣ вѣковъ уединенной жизни заключенія въ старыхъ стѣнахъ, скалахъ и т. д. Она не только участвовала въ организаціи Міра вмѣстѣ съ Khnoom'омъ, но была связана съ *догматомъ воскресенія* [1]). Вѣрно съ этимъ символомъ было связано глубокое священное значеніе, такъ какъ рискуя обвиненіемъ въ отвратительномъ идолопоклонствѣ первые Египетскіе христіане приняли его въ своихъ церквяхъ. Лягушка или жаба въ цвѣткѣ Лотоса, или просто безъ послѣдней эмблемы, была формой, избранной для *церковныхъ лампъ*, на которыхъ было выгравировано „ἐγώ εἰμι ἀναστάσις“—„Я—воскресеніе“ [2])

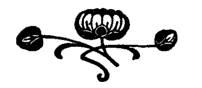
Этихъ богинь-лягушекъ находятъ на всѣхъ муміяхъ.

---

[1]) У Египтянъ воскресеніе было возрожденіемъ послѣ 3.000-лѣтняго очищенія либо въ Деваханѣ, либо въ поляхъ Блаженства.

[2]) Такихъ боговъ-лягушекъ можно видѣть въ Булакѣ, въ музеѣ Каира. Отвѣтственъ за утвержденіе о церковныхъ лампахъ и надписяхъ ученый, бывшій директоръ Булакскаго Музея, г. Гастонъ Масперо. (см. его Guide au Musée de Bulacq, стр. 146).

Алфавитно-предметный указатель статей, помѣщенныхъ въ журналѣ „Вѣстникъ Теософіи" за 1913 годъ.



Издательница **А. А. Каменская**. Редакторъ **Ц. Л. Гельмбольдтъ**.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

книги П. Д. Успенскаго.

МУДРОСТЬ БОГОВЪ

ЧАСТЬ I.

Оккультизмъ и псевдо-оккультизмъ. Мистика и эзотеризмъ. Символизмъ. «Герметическія науки». Магія и **искусство**.

ЧАСТЬ II.

Медіумизмъ. Сны. Ясновидѣніе.

ЧАСТЬ III.

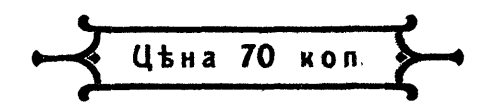
Мистеріи. Посвященіе. «Іога». **Экспериментальная мистика. Опыты.**

ЧАСТЬ IV.

Философія и религія древней Индіи. Буддизмъ. Христіанство. Современное теософическое движеніе.

О „послѣдней чертѣ" и „о сверхчеловѣкѣ"

(Двѣ лекціи).


Цѣна 70 коп.